

2020

ВЕСТНИК

КОНФЕРЕНЦИИ ОРГАНОВ
КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ
СТРАН НОВОЙ ДЕМОКРАТИИ

**Конституционное
П Р А В О С У Д И Е**

Вестник
Евразийской ассоциации
органов конституционного контроля

Выпуск 2 (82)
Издается Конституционным Советом
Республики Казахстан
Нур-Султан — 2020

Председатель редакционного совета

ШАПАК Унзила

Член Конституционного Совета Республики Казахстан

Редакционный совет:

ГАРАДЖАЕВ Джейхун

судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики

ВОРОНОВИЧ Тадеуш Валентинович

судья Конституционного Суда Республики Беларусь

ТОХЯН Феликс Папинович

судья Конституционного Суда Республики Армения

БОБУКЕЕВА Меергуль Рыскулбековна

судья-секретарь Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики

ДАМДИНСУРЭН Солонго

судья Конституционного Суда Монголии

КОКОТОВ Александр Николаевич

судья Конституционного Суда Российской Федерации

ХОШИМЗОДА Даврон Дододжон

судья Конституционного Суда Республики Таджикистан

ГАФУРОВ Аскаржон Бойисович

заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Узбекистан

Содержание

Мероприятия Ассоциации в 2020 году	5
С. Данилюк	
Конституция — основной источник жизненно — смысловых и цивилизационно — охранительных ценностей	15
К. Дуйшеев	
Роль органа конституционного контроля в обеспечении верховенства права: практика Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики	35
В. Сивицкий	
Совершенствование организации и функционирования публичной власти в России: изменения Конституции в 2020 году	41
К. Каримзода	
Конституционализм и демократизация общественно-политической жизни Республики Таджикистан	48
Из практики конституционного контроля	
Постановления Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики	
	55
Резюме решений Конституционного Суда Республики Беларусь	
	62
Постановление Конституционного Суда Республики Армения	
	70
Решения Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики	
	107
Постановление Конституционного Суда Российской Федерации	
	125

ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ К. МАМИ СОСТОЯЛОСЬ ЗАСЕДАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

26 августа 2020 года под председательством Председателя Конституционного Совета Казахстана К. Мами состоялось заседание Евразийской ассоциации органов конституционного контроля. В нем также приняли участие представители органов конституционной юстиции Армении, Беларуси, Азербайджана, Кыргызстана, Монголии, России, Таджикистана и Узбекистана. В качестве гостя участвовал Генеральный секретарь Всемирной конференции по конституционному правосудию г-н Шнутс Дюрр.

Открывая мероприятие, Председатель Евразийской Ассоциации К.Мами отметил, что настоящее заседание впервые проходит в онлайн режиме. Причиной тому является пандемия коронавируса COVID-19, которая все еще представляет серьезную угрозу международного характера. В рамках Ассоциации мы имеем возможность обменяться опытом и подходами по актуальным вопросам конституционно-правовой политики, в том числе связанным с нынешним глобальным вызовом. Это особенно важно в год 25-летнего юбилея Конституции Республики Казахстан, который мы отмечаем 30 августа, сказал спикер. Члены организации обсудили основные направления сотрудничества в правовой сфере, вопросы дальнейшего совершенствования уставных документов, а также участия Ассоциации в предстоящем 5-м Конгрессе Всемирной конференции по конституционному правосудию. Стороны решили о проведении заседания Ассоциации в рамках всемирного конгресса. Предметом разговора стали и вопросы сотрудничества с Ассоциацией азиатских конституционных судов и эквивалентных институтов и другими ассоциациями.

Для усиления взаимодействия предложено подписать Меморандум о сотрудничестве с Азиатской ассоциацией. Кроме того, главы делегаций проинформировали друг друга о состоявшихся в их странах мероприятиях и планах дальнейшего сотрудничества.

К.Мами выразил благодарность участникам заседания за активную позицию, готовность в решении общих задач.

заседание Ассоциации

флаг Ассоциации

медаль Ассоциации

нагрудный знак Ассоциации

ПРОТОКОЛ
онлайн заседания Евразийской ассоциации
органов конституционного контроля

26 августа 2020 года, город Нур-Султан, Республика Казахстан

Председательствовал – Председатель Ассоциации К.Мами

Участвовали: согласно прилагаемому списку

I. Информация о текущей деятельности Ассоциации
(К.Мами)

1. Информацию Председателя Ассоциации об итогах выполнения решений, принятых на предыдущем заседании, и текущей деятельности организации принять к сведению.

2. Членам Ассоциации на регулярной основе направлять в Секретариат Председателя материалы для опубликования в Вестнике Ассоциации “Конституционное правосудие”.

II. Разработка проекта Устава Ассоциации
(К.Мами)

1. Создать рабочую группу из числа сотрудников учреждений – членов Ассоциации для разработки проекта Устава Ассоциации.

2. Членам Ассоциации до конца сентября текущего года представить кандидатуры в Секретариат Председателя для включения в состав рабочей группы.

III. Обсуждение вопросов участия Ассоциации в V
Конгрессе Всемирной конференции по конституционному
правосудию

(К.Мами, А.Хачатрян, Ш.Дюрр)

1. Информацию Председателя Ассоциации и Генерального секретаря Всемирной конференции по конституционному правосудию

о V Конгрессе Всемирной конференции по конституционному правосудию принять к сведению.

2. Определить, что Ассоциация поддерживает кандидатуру Конституционного Суда Республики Индонезия в качестве принимающего учреждения V Конгресса Всемирной конференции по конституционному правосудию со сроком его проведения в 2022 году.

IV. Обсуждение вопросов сотрудничества с Ассоциацией азиатских конституционных судов и эквивалентных институтов и другими ассоциациями

(К.Мами, К. Дуйшеев)

1. Признать целесообразным подписание Меморандума о взаимопонимании с Ассоциацией азиатских конституционных судов и эквивалентных институтов.

2. Уполномочить Председателя Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики К. Дуйшеева на подписание Меморандума от имени Ассоциации.

3. Продолжить переговоры по подписанию таких меморандумов с другими ассоциациями.

V. Информация членов Ассоциации о проводимых и планируемых мероприятиях

(К.Мами, В.Сивицкий)

1. Информацию членов Ассоциации о проводимых и планируемых ими мероприятиях принять к сведению *(с учетом эпидемиологической ситуации в 2021 году: Международный симпозиум в Казахстане (август); международная конференция, посвященная 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)*.

2. Членам Ассоциации учесть эти мероприятия при формировании рабочих графиков работы учреждений.

Председатель Ассоциации

К. Мами

МЕМОРАНДУМ О ВЗАИМОПОНИМАНИИ МЕЖДУ АССОЦИАЦИЕЙ АЗИАТСКИХ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ И ЭКВИВАЛЕНТНЫХ ИНСТИТУТОВ И ЕВРАЗИЙСКОЙ АССОЦИАЦИЕЙ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ ПО СУДЕБНО-ПРАВОВЫМ ВОПРОСАМ

Ассоциация азиатских конституционных судов и эквивалентных институтов и Евразийская Ассоциация органов конституционного контроля, далее именуемые в единственном числе “Участник” и во множественном числе “Участники”,

учитывая необходимость развития судебно — правового сотрудничества между двумя организациями путем обмена опытом и информацией по вопросам практики конституционного контроля, **признавая** важность обеспечения адекватных правовых рамок для углубления институционального сотрудничества,

будучи уверены, что иницилируемые и расширяющиеся методы взаимодействия и обмена информацией между Участниками будут взаимовыгодными для защиты прав человека, укрепления демократии и содействия осуществлению верховенства права, достигли следующего взаимопонимания:

Параграф 1

ЦЕЛЬ

Участники, руководствуясь положениями настоящего Меморандума о взаимопонимании, будут стремиться укреплять, поощрять и развивать судебно — правовое сотрудничество между Участниками на основе взаимопомощи и взаимной выгоды.

Параграф 2

ОБЛАСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Каждый участник будет стремиться предпринять необходимые шаги для поощрения и развития сотрудничества в следующих областях:

а. создание условий для взаимного обмена информацией, опытом и иными материалами правового характера в сфере конституционного правосудия среди членов Участников;

б. совместная организация конференций, семинаров и/или других мероприятий по актуальным вопросам конституционного правосудия, представляющим взаимный интерес;

с. проведение фундаментальных исследований, касающихся методов осуществления конституционного контроля, гарантий прав и свобод человека и утверждения демократических ценностей;

д. наращивание институционального потенциала посредством взаимных визитов, профессиональных курсов, тренингов, стажировок;

е. другие направления сотрудничества по взаимному согласию Участников в соответствии с целью настоящего Меморандума о взаимопонимании, предусмотренной параграфом 1.

Параграф 3

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

1. В целях определения стратегических направлений сотрудничества Участники по мере необходимости будут проводить встречи, при этом в состав делегаций могут входить представители их членов.

2. Взаимодействие между Сторонами по настоящему Меморандуму о взаимопонимании возлагается на Секретариаты Участников.

3. Участники могут назначить одного или нескольких сотрудников в качестве своих офицеров связи для ведения текущих дел и осуществления переписки.

Параграф 4

ОФИЦИАЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ ЯЗЫК

1. Официальным рабочим языком в рамках Меморандума о взаимопонимании является английский язык.

2. Административные и все соответствующие документы составляются на языке, указанном в пункте 1 настоящего параграфа, если Участники не договорились об ином.

Параграф 5

ФИНАНСОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Финансовые вопросы, связанные с возмещением расходов на мероприятия по сотрудничеству, проекты или программы,

осуществляемые в рамках настоящего Меморандума о взаимопонимании, будут решаться Участниками на взаимной основе в каждом конкретном случае в зависимости от наличия средств.

Параграф 6

КОНСУЛЬТАЦИИ

Участники по их взаимному решению будут консультироваться друг с другом через своих представителей относительно толкования или применения настоящего Меморандума о взаимопонимании в целом или по определенным вопросам.

Параграф 7

ПЕРЕСМОТР, ВНЕСЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ

1. Любой из Участников может обратиться с письменным запросом о пересмотре, изменении или дополнении всего или части настоящего Меморандума о взаимопонимании.

2. Любой пересмотр, изменение или дополнение, согласованные Участниками, представляются в письменной форме и становятся частью настоящего Меморандума о взаимопонимании.

3. Такой пересмотр, изменение или дополнение вступают в силу с той даты, которая определена Участниками.

4. Любой пересмотр, изменение или дополнение не должны наносить ущерба пользам и обязательствам, вытекающим из настоящего Меморандума о взаимопонимании или основанным на нем, возникшим до даты такого пересмотра, изменения или дополнения.

Параграф 8

ДЕЙСТВИЕ МЕМОРАНДУМА

Настоящий Меморандум о взаимопонимании служит лишь протоколом намерений Участников и не представляет собой и не создает обязательств по международному или внутреннему праву, не порождает никаких юридических процессов и не подразумевает создание каких — либо юридически обязательных или подлежащих исполнению обязательств, явных или подразумеваемых.

Параграф 9

ВСТУПЛЕНИЕ В СИЛУ, СРОК ДЕЙСТВИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЕ

1. Настоящий Меморандум о взаимопонимании вступает в силу с даты его подписания и будет действовать в течение пяти лет. Действие настоящего Меморандума автоматически продлевается на последующие пять лет, если ни один из Участников в письменной форме не заявит о своем намерении прекратить его действие.

2. Несмотря на все положения настоящего Меморандума о взаимопонимании, любой из Участников может прекратить его действие, письменно уведомив другого Участника о таком намерении не менее чем за шесть (6) месяцев до предполагаемой даты прекращения действия.

3. Прекращение действия настоящего Меморандума о взаимопонимании не препятствует завершению мероприятия по сотрудничеству, которое было согласовано до даты прекращения действия Меморандума о взаимопонимании, если не будет принято иного решения.

Вышеизложенный Меморандум отражает понимание, достигнутое между Ассоциацией азиатских конституционных судов и эквивалентных институтов и Евразийской Ассоциацией органов конституционного контроля по указанным в нем вопросам.

Подписан в городе Нур — Султане в онлайн режиме 26 августа 2020 года в двух подлинных экземплярах, каждый на русском и английском языках, оба экземпляра аутентичны и имеют одинаковую силу. В случае расхождений в толковании, английский текст имеет преимущественную силу.

За Евразийскую Ассоциацию
органов конституционного контроля

Кайрат МАМИ

За Ассоциацию азиатских
конституционных судов
и эквивалентных институтов

Карыбек ДУЙШЕЕВ

Станислав ДАНИЛЮК,
Судья Конституционного Суда
Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

КОНСТИТУЦИЯ — ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ЖИЗНЕННО — СМЫСЛОВЫХ И ЦИВИЛИЗАЦИОННО — ОХРАНИТЕЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Введение

Конституции как основополагающему законодательному акту большинства современных государств мира посвящена обширная научно — теоретическая литература, затрагивающая различные ее аспекты: философские, исторические, политические, правовые, идеологические, национально — культурные, аксиологические и др. С учетом этого представляется крайне сложным добавить что — либо принципиально новое к результатам глубокого и всестороннего изучения многих исследователей в указанной сфере.

Тем не менее современная эпоха глобальных трансформаций, формирования нового миропорядка и смены прежних, казалось бы, устойчивых и непоколебимых, парадигм порождает неожиданные и острые проблемы, требующие современного осмысления и практического разрешения. Все это позволяет несколько иначе взглянуть на некоторые устоявшиеся постулаты конституционного права и высказать ряд дискуссионных суждений в рамках обозначенной темы.

Основная часть

1. Общая характеристика Конституции

Конституция (от лат. constitution — установление, устройство) в материальном смысле означает писаный акт, совокупность актов или конституционных обычаев, которые прежде всего провозглашают права и свободы человека и гражданина, а равно определяют основы общественного строя, форму правления и территориального устройства, основы организации центральных и местных органов власти, их компетенцию и взаимоотношения, государственную символику и столицу; в формальном смысле — закон или группа законов, обладающих высшей юридической силой по отношению ко всем остальным законам ^[1].

Нередко, подчеркивая верховенство Конституции в системе законодательных актов, ее именуют Основным Законом. В некоторых государствах, к которым относится и Республика Беларусь, особый статус Конституции закреплен непосредственно в ее преамбуле.

В статье 12 Закона Республики Беларусь “О нормативных правовых актах” определено, что Конституция Республики Беларусь – Основной Закон Республики Беларусь, имеющий высшую юридическую силу и закрепляющий основополагающие принципы и нормы правового регулирования важнейших общественных отношений.

При этом важно подчеркнуть, что Конституция — это не только юридический документ, пусть даже обладающий главенствующей ролью, но и политический акт, который, по мнению Ф. Лассалья и разделявшего его взгляды В.И.Ленина, отражает реальное действительное соотношение сил, существующее в обществе [2, с. 666–669; 3, с. 345].

О сложном неоднозначном феномене Конституции свидетельствует то, что в мировой литературе насчитываются десятки основных теорий, объясняющих природу и значение Конституции. Так, Д.Г.Шустров называет 32 теории сущности Конституции (материальная, договорная, формальная, теологическая, теория “неписаной конституции”, теория конституционных заимствований, онтологическая теория К. Лёвенштейна и др.) [4, с. 15–16].

Можно обоснованно утверждать, что Конституция представляет собой венец развития философско — правовой мысли и квинтэссенцию бесценного национального и общечеловеческого опыта, выраженного в правовых идеях.

По своей сути право является продуктом цивилизации, ее величайшим достижением и благом, закрепляющим оправдавшие себя социальные практики и жизненные ценности, обеспечивающие стабильность государств, преемственность накопленных знаний и общественный прогресс. Право в космополитическом смысле — это цивилизованная нормативность, то есть регулирование бытия на основе общемировых, трансуниверсальных правил поведения, моральных императивов, юридических принципов, норм и стандартов, иных социокультурных регуляторов, базирующихся на наиболее передовых, разумных, гуманистических, научно обоснованных и жизненно апробированных формах межличностных, межгрупповых и межнациональных взаимоотношений.

Над различными аспектами права как культурно - исторического, социо — гуманитарного и ценностно — ориентирующего феномена на протяжении тысячелетий размышляли величайшие умы человечества.

Философия права, которая фактически выполняет роль мировоззренческой междисциплинарной методологии и аккумулирует комп-

лекс знаний о праве, нацелена на исследование сущности и смысла права, его оснований, истоков и источников, места, роли и значения в жизни человека, общества и государства, а также ценности права в судьбах человеческой цивилизации в целом.

Академик Нерсисянц В.С., опираясь на основные разделы философии, выделял три главные проблемы правопонимания: проблемы юридической онтологии (“что есть право?”), аксиологии (“в чем ценность права?”) и гносеологии (“как познается право?”) [5, с. 57].

В целом соглашаясь с таким подходом, добавим еще один существенный и актуальный вопрос: “каким должно быть право?”.

Данный вопрос, на наш взгляд, является наиболее сложным, поскольку в отличие от трех предыдущих он не ограничивается философскими рассуждениями относительно интересующей нас объективной реальности (*категория “сущего”*), а требует выработки практических рекомендаций с привлечением всего массива знаний о праве, полученных рационально — теоретическим, эмпирическим, а иногда и интуитивно — эвристическим путем (*категория “должного”*).

Отметим, что при всей важности философской триады, выделенной В.С. Нерсисянцем, необходимо иметь в виду, что право плодотворно изучается также в рамках других общенаучных, философско — юридических и социогуманитарных направлений (отраслей, разделов, дисциплин), например теории государства и права, праксиологии, правовой антропологии, правовой логики, правовой герменевтики, а также современных постклассических типов правопонимания (диалогической концепции права, темпоральной онтологии права, коммуникативно — феноменологической концепции права, компрехендной теории права и др.).

Кроме того, нельзя игнорировать такой метафизически неуловимый, но реально существующий и социально значимый аспект права, как его духовное измерение.

Конституция (Основной Закон) содержит в себе все родовые черты и признаки права как ведущей соционормативной системы.

Вместе с тем с точки зрения своего видового статуса она обладает набором уникальных особенностей, не присущих иным законодательным актам.

Во — первых, Конституция отличается особым порядком принятия и изменения, обладает верховенством на всей территории страны, является базой для текущего законодательства, служит нормативно — ориентирующим стандартом для нормотворчества, содержит исходные положения и основные начала правового регулирования новых общественных отношений.

Во-вторых, важнейшая особенность Конституции заключается в том, что она имеет учредительный характер, то есть устанавливает

основы государственно — политического устройства, закрепляет основные права и обязанности человека, определяет систему высших органов государственной власти, взаимоотношения государства и гражданина, оптимальный баланс публичных и частных интересов, а также разумное соотношение конкурирующих потребностей различных социальных групп общества.

В — третьих, современные конституции юридически провозглашают приверженность общечеловеческим ценностям, общепризнанным принципам и нормам международного права, гарантируют соблюдение государствами взятых на себя международных обязательств.

В — четвертых, конституции большинства стран мира декларируют и закрепляют важнейшие национальные интересы, социальные ценности, долгосрочные стратегические цели, приоритеты и общественные идеалы.

Будучи фундаментальной основой культурно — цивилизационной модели государства и общества, Конституция выполняет не только регулирующую, но и национально — консолидирующую, а также социально — охранительную и воспитательную роли.

Конституцию можно рассматривать в узком и широком смысле.

В частности, отмечается, что “конституция шире понятия нормативного текста Основного закона. В любой развитой стране конституция — это не только конституционные законы и практика органов конституционного правосудия. Конституция как система государственного и общественного уклада — это международные договоры, законы, акты глав государств и правительств, акты министерств и ведомств, судебная практика, опыт взаимодействия органов публичной власти друг с другом и с общественными институтами, с региональной и муниципальной властью” [6, с. 33].

Наряду с этим теоретики права различают формально — юридическую Конституцию (текст Основного Закона) и фактическую Конституцию, под которой понимают реальное состояние конституционной законности и правопорядка, достигнутый уровень развития демократических институтов, качество функционирования механизма сдержек и противовесов, действительное социально — правовое положение личности, степень реализации провозглашенных прав и свобод.

Отмечая многомерный, гетерогенный, интегративный и многофункциональный характер Конституции, высокую концентрацию содержащихся в ней концептуально — смысловых идей и мировоззренческих установок, можно утверждать, что Конституция является одновременно политико — правовым, программно — идеологическим и ценностно — ориентирующим документом.

В Национальном докладе Конституционного Суда Республики Беларусь для XVII Конгресса Конференции европейских конституционных судов “Роль конституционных судов в правовой охране и применении конституционных принципов” (2016 г.) была отмечена особая природа Конституции, которая, обладая свойствами нормативного правового акта, политической программы, философско — идеологического манифеста, а также доктринального документа, имеет первостепенное значение для развития таких отраслей знания, как юриспруденция, политология, философия общества, социология, экономика, история.

Именно в силу этого положения Конституции характеризуются высокой степенью нормативной обобщенности, информативной насыщенности и содержательно — смысловой нагрузки, что предполагает необходимость особого умения адекватно воспринимать их, проникать в глубинную суть знаково — символических конструкций, герменевтической “дешифровки” содержащихся в них идей.

2. Аксиологическое значение Конституции Республики Беларусь

Конституция Республики Беларусь, принятая 15 марта 1994 года, стала первым конституционным актом независимого белорусского государства.

В Конституции провозглашено, что Республика Беларусь — демократическое социальное правовое государство (статья 1), в котором утверждается приоритет прав и свобод человека (статья 2), признается примат общепризнанных принципов международного права (статья 8). В Конституции установлены принципы демократического строя: народовластие (статья 3), политическое многообразие и идеологический плюрализм (статья 4), разделение властей (статья 6), верховенство права (статья 7), закреплены и другие общедемократические стандарты.

Эти положения Конституции лежат в основе всего социально — политического устройства страны, функционирования органов власти и должностных лиц, определяют стратегическое развитие общества и государства.

Под обобщенным термином “положения Конституции” (“конституционные положения”) обычно понимают нормы, принципы, ценности, институты, цели, идеи, идеалы и др. В ряде случаев употребляются сложносоставные слова, сконструированные по родо — видовому типу с использованием в качестве родового понятия слова “норма”: нормы — начала, нормы — принципы, нормы — дефиниции, нормы — цели, нормы — ценности, нормы — идеи, нормы — интересы, нормы — идеалы и др.

Вместе с тем с философской точки зрения большинство конституционных положений имеют ярко выраженный аксиологический

аспект, то есть выступают носителями и правовой формой проявления социальных ценностей.

Ценность в философской и социологической литературе определяется как термин, широко используемый для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности. По существу, все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве “предметных ценностей” как объектов ценностного отношения, то есть оцениваться в плане добра и зла, истины или неистины, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и др. [7, с. 765].

При этом особую значимость в определении ценностного феномена имеет восхождение к добру и злу как фундаментальным этическим категориям, являющимся мироориентирующими аксиологическими маркерами. Именно обращаясь к системе нравственных координат, в которых, например, добро и зло, праведность и грех, добродетель и порок, верность и предательство, благо и вред выступают как феномены, имеющие диаметрально противоположный характер, можно определить истинную ценность тех или иных явлений (объектов, предметов, событий, процессов и пр.) для человека.

Таким образом, все социальные ценности, в том числе правовые, проистекают из понимания добра, общего блага, истины, правды, справедливости и других добродетелей. Неслучайно юристы Древнего Рима определяли право как искусство добра и справедливости.

Аксиология как философское учение о природе ценностей, их обосновании и происхождении, сущности, функциях, типах и иерархии различных ценностей (предметы, события, произведения, а также традиции, нормы и идеалы, имеющие историческое, социальное, культурное значение для человека) [8, с. 28] представлена обширным массивом накопленных знаний (взглядов, представлений, идей, доктрин, учений и др.).

В науке существует множество подходов к определению и классификации ценностей, их видов, ранжирования (иерархии) и т.п.

Так, в Российской социологической энциклопедии представлена развернутая система ценностей, которая включает, в частности: 1. Смысложизненные ценности как представления о добре и зле, благе, счастье; 2. Универсальные ценности, включающие: а) ценности витальные (жизнь, здоровье, личная безопасность, благосостояние, семья, родственники и др.); б) ценности демократические (свобода слова, совести, партий, национальный суверенитет, гарантии социального равенства и справедливости и др.); в) ценности общественного признания (трудолюбие, квалификация, социальное положение и др.);

г) ценности межличностного общения (честность, бескорыстие, доброжелательность, порядочность, взаимопомощь, терпимость и др.); д) ценности личного развития (чувство собственного достоинства, стремление к образованию, свобода творчества и самореализации и др.); 3. Партикулярные ценности: а) ценности традиционные (любовь и привязанность к “малой Родине”, своему коллективу, семье и др.); б) ценности религиозные (вера в Бога, стремление к абсолютам и др.); в) ценности урбанистические (личный успех, предприимчивость, свобода выбора места жительства, стиля и образа жизни и др.); 4. Коллективистские ценности (взаимопомощь, солидарность, интернационализм, равенство стартовых возможностей и др.).

В указанной энциклопедии отмечается, что отношение между социальными ценностями может быть как гармоничным, взаимоподкрепляющим, так и нейтральным или даже антагонистичным, взаимоисключающим [9, с. 609–610].

Отдельные авторы (например, М.Рокич и его последователи) выделяют так называемые терминальные ценности (terminal values) и инструментальные ценности (instrumental values). Под терминальными ценностями ими понимаются ценности — цели, то есть явления, ценные сами по себе (самоценности), которые нельзя обосновать другими, более общими или более важными ценностями. Иными словами, это жизненно важные, особо значимые ценности. Инструментальные же ценности — это ценности — средства, которые служат в качестве средств, инструментов для достижения поставленных целей [10, с. 47–70].

Бачинин В.А. также различает ценности — цели и ценности — средства и, рассматривая их в контексте правовой проблематики, отмечает, что есть ценности — смыслы существования и ценности-нормы долженствования. Такие ценности, как жизнь, свобода, достоинство, выступают в качестве целей, ради которых право существует и которые оно призвано оберегать всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Ценности — нормы долженствования являются непосредственным достоянием самого права, их следует отнести к ценностям — средствам инструментального характера, предназначенным для охраны высших ценностей — целей от опасностей социогенного характера [11, с. 1007–1009].

Развивая данные рассуждения, можно утверждать, что к числу высших ценностей — целей, помимо перечисленных, относятся такие смысложизненные детерминанты, мировоззренческие убеждения и особо значимые блага, как любовь к Родине, патриотизм, забота о близких, национальные духовные святыни, служебный и моральный долг, честь и доброе имя и другие высшие витальные принципы и константы, ради которых человек готов пойти на любые жертвы и даже отдать свою жизнь.

Признавая научную обоснованность и практическую значимость вышеуказанных подходов к определению и систематизации ценностей, представляется возможным предложить следующую типологию социальных ценностей с точки зрения их генезиса, что имеет важное методологическое значение для наших дальнейших рассуждений и выводов.

Полагаем, что всю совокупность ценностей, исходя из их происхождения, можно условно разделить на две основные группы.

К первой группе следует отнести социально — культурные ценности, формирующиеся стихийно (спонтанно) в недрах народных масс в процессе длительной исторической эволюции и естественного отбора, порождаемые потребностями совместной жизнедеятельности людей конкретного социума, включающие традиционные моральные воззрения, общественно одобряемые образцы поведения, устойчивые типы взаимовыгодных отношений и т.п. Ядром таких ценностей является «золотое правило» нравственности: “не делай другому того, что не желаешь себе” (Мф. 7:12; Лк. 6:31).

Вторую группу образуют сознательно (рационально) создаваемые ценности, обусловленные представлениями политически властвующих субъектов, различных социальных групп (в том числе этнических общностей) и субкультур о правильном устройстве мира, благе, пользе, справедливости и т.п., то есть имеющие идеологическую основу в широком смысле, если понимать под идеологией систему концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики — классов, наций, общества, политических партий, общественных движений, выступающие формой санкционирования или существующего в обществе господства и власти (консервативные идеологии), или радикального их преобразования (идеологии “левых” и “правых” движений) [12, с. 81].

При этом вторая группа ценностей, получившая одобрение прежде всего на высшем политическом уровне (санкционированная властью), становится доминирующей государственной идеологией, формирующей комплекс официально признаваемых и практически реализуемых ценностей. Входящие в этот комплекс традиционные ценности могут занимать различное место в общей системе нормативного регулирования: защищены законодательством; оставлены вне соответствующей правовой поддержки; объявлены противоречащими идеологическим установкам власти и подлежащими устранению из сферы общественной жизни.

Граница между двумя указанными группами ценностей условна, поскольку даже в основе религиозных учений, которые коренным образом повлияли на формирование системы нравственных ценностей

отдельных народов и целых цивилизаций, первоначально лежали масштабные идеи преобразования основ жизнеустройства человеческого общества.

На данную особенность идеологической обусловленности ценностей обращает внимание Г.А.Гаджиев: “Понятие права, состоящее из ряда идей, является важной частью культуры человечества. Вот почему социально — культурный контекст имеет такую значимость при понимании его норм. Все системы регулирования социальных отношений опираются на самые общие руководящие идеи, такие как десять заповедей Моисея. Эти идеи обычно рассматриваются как некие аксиоматические ценности. Понятие права включает в себя такие идеи — ценности, как справедливость, идея цели, а также идея правовой стабильности и идея сложной контекстуальности” [13, с. 58].

К указанному следует добавить, что такие понятия, как социальное государство, правовое государство, разделение властей, верховенство права, презумпция невиновности и др., — это не что иное, как идеологические концепты (политико — правовые теории), первоначально возникшие как инновационные идеи отдельных мыслителей и лишь со временем, получив широкое распространение и признание со стороны интеллектуальной элиты и политических деятелей, ставшие неотъемлемым атрибутом конституционного законодательства цивилизованных сообществ.

Из данных посылок объективно — логически выводится силлогизм, опровергающий широко распространенное утверждение о том, что в современных конституциях, в том числе стран постсоветского пространства, отсутствует единая государственная идеология, поскольку в них текстуально провозглашается идеологическое многообразие (статья 4 Конституции Республики Беларусь, статья 13 Конституции Российской Федерации, статья 5 Конституции Казахстана и др.). Такое суждение следует из узкосмыслового толкования указанных норм вне исторического контекста их появления и без рассмотрения в неразрывном системном единстве и семантической взаимосвязи с другими положениями конституций постсоветского периода.

Вместе с тем главная причина закрепления идеологического плюрализма в этих конституциях была обусловлена необходимостью решительного отказа от тоталитарного правления КПСС и монополии “единственно верной” партийной идеологии, которая безраздельно господствовала все годы советской власти и наиболее четкое однозначно — императивное выражение получила в Конституции СССР 1977 года, провозгласившей высшими ценностями конституционного порядка “идеи научного коммунизма” (преамбула) и “марксистско — ленинское учение (статья 6).

Анализ статьи 4 Конституции Республики Беларусь свидетельствует о том, что Основной Закон, запрещая установление идеологии политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп в качестве обязательной для граждан, не исключает наличия конституционной идеологии как совокупности базовых философско — правовых и социально — политических идей, лежащих в основе национальной модели государственности, ее основных политических институтов, других ключевых социообразующих и культурологических элементов, а также защищаемых главенствующих общественно — консолидирующих ценностей.

Данный тезис подтверждается положениями преамбулы Конституции Республики Беларусь, которыми, в частности, декларируются такие политико — идеологические, государственно — образующие постулаты, как приверженность общечеловеческим ценностям, неотъемлемость права народа на самоопределение, стремление утвердить права и свободы граждан, обеспечение гражданского согласия, незыблемость устоев народовластия и правового государства и др.

С таким подходом согласуется и утверждение авторов Комментария к Конституции Российской Федерации о том, что “преамбула Конституции может оцениваться как концентрированное выражение отечественной конституционной идеологии, отражение исходных начал и основных идей российского конституционализма” [14].

Конституционные установления о социальном характере государства (часть первая статьи 1, часть пятая статьи 13 и др.) также неоспоримо указывают на то, что при принятии в Республике Беларусь Основного Закона конституционно — идеологический выбор был сделан в пользу модели государства для народа, которое берет на себя заботу и защиту всех членов общества на основе принципов равенства, справедливости, гуманизма, социальной поддержки, одновременно предупреждая социальное иждивенчество, стимулируя трудоспособных граждан к трудовой деятельности.

Такую трактовку конституционной идеологии разделяют отечественные ученые. Так, А.Стром отмечает, что “основы идеологии белорусского государства официально сформулированы в Конституции Республики Беларусь, где изложен главный принцип проведения государственной политики в нашей стране: все для человека и в интересах Беларуси” [15, с. 64].

В Послании Конституционного Суда Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания “О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году” отмечено, что из конституционного принципа социального государства вытекает обязанность государства обеспечивать рост благосостояния граждан, создавать условия для улучшения их жизни, удовлетворения матери-

альных и духовных потребностей, содействовать развитию их экономической активности, преодолению иждивенческих настроений в социальной сфере. В Послании “О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году” указано, что белорусская модель государства для народа, в центре которой — права человека на достойную и безопасную жизнь, строится на конституционной основе с учетом как отечественных традиций и менталитета, так и современных реалий международного правопорядка.

Значение идеологии подчеркнуто и в некоторых социально значимых законодательных актах.

Так, в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, отмечено, что общечеловеческие ценности и национальные духовные традиции нашли отражение в идеологии белорусского государства, базовыми принципами которой являются единство нации, социальная справедливость, солидарность, нравственность (глава 3); важное значение будет придаваться духовно — нравственному воспитанию граждан, в том числе путем развития идеологии белорусского государства, основанной на традиционных ценностях нашего общества (глава 8).

Важность идеологии белорусского государства (государственной идеологии) отражена также в нормах Кодекса Республики Беларусь об образовании (статья 18), Закона Республики Беларусь “Об основах государственной молодежной политики” (статья 13) и других нормативных правовых актов.

В Конституции, которая в научной литературе нередко рассматривается как выражение общественного договора, заключенного между государственной властью и народом, относительно формы государственно — общественного устройства, основных функций органов власти, социально — экономической модели, общего курса развития и приоритетов проводимой политики, системы ценностей, взаимных прав и обязанностей сторон, правового положения личности, включая права, свободы и гарантии их реализации, по сути, содержатся нормы о жизненно важных для всех договоренностях, которые могут быть достигнуты лишь в условиях осознанного и свободного выбора на основе общенационального консенсуса и общей идеологически — ценностной платформы.

Таким образом, Конституция демократического государства всегда является выражением определенной идеологии, господствующей в общественном сознании на момент принятия Конституции, содержание которой отражает глубинные чаяния народных масс как субъекта исторического процесса, объединенных общностью интересов, едиными представлениями об общем благе, справедливости

и ответственной миссии власти, которой народ вверяет свою судьбу, делегируя полномочия государственного управления.

При этом особо подчеркнем, что разделяемые нацией представления об общих ценностях имеют принципиально важное значение для политической стабильности, общественного спокойствия и устойчивого развития государства, поскольку, как свидетельствует исторический опыт человечества, в том числе закрепленный в Библии, “всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит” (Матф. 12:25, Марк. 3:24, Лук. 11:17).

Смысловое ядро конституционной (государственно — общественной) идеологии составляет национальная идея как концентрированное выражение ее сути, сформулированная в виде лаконичного и ярко образного политического тезиса.

Таким образом, именно общенациональная идеология, закрепленная в Конституции, определяет основное содержание базирующейся на ней правовой идеологии и вытекающих из нее правоидеологических задач для того, чтобы обеспечить юридическими средствами реализацию основополагающих конституционных положений, устанавливающих генеральное направление развития страны в политической, социальной, экономической, культурной и других сферах.

Термин “ценности” в различных смысловых контекстах и значениях используется в Конституции Республики Беларусь в ее преамбуле, а также в статьях 2, 42, 44, 51 и 54 (о приверженности народа Беларуси общечеловеческим ценностям; о человеке, его правах, свободах и гарантиях их реализации как высшей ценности; о равном вознаграждении за труд равной ценности; об историко — культурных ценностях; о ценностях отечественной и мировой культуры; о национальных ценностях).

В то же время указанные нормы не исчерпывают многообразия ценностей, гарантированных и защищаемых Конституцией. Как отмечалось выше, все положения Конституции представляют собой юридическое выражение жизненных базовых ценностей социума, лежащих в основе государственно — общественного строя, правового статуса личности, а также определяющих генеральный вектор дальнейшего развития страны. Конституция — это прежде всего хранитель цивилизационного, культурно — исторического, государственно — строительного опыта народа. Она, образно говоря, представляет собой священные скрижали законов многовекового бытия, благодаря которым обеспечиваются выживание нации, сохранение ее государственности, духовно — ментальной целостности, идентичности и передача наиболее успешных социальных практик (нравственных норм, традиций, обычаев, жизненных приоритетов и др.) следующим поколениям.

При этом следует согласиться с Н.С.Бондарем, который различает ценности Конституции и конституционные ценности. По мнению автора, “конституционные ценности — в отличие от ценностей самой по себе Конституции — не имеют прямого текстуального конституционного оформления, не являются формальными, эксплицитными установлениями Основного Закона; их конституционное признание и значение коренится в глубинном содержании и системно — семантических взаимосвязях нормативных положений Конституции. Соответственно их конституционная значимость требует герменевтического выявления и позитивного оформления в процессе конституционно — контрольной деятельности судебных органов (по крайней мере, на уровне актов официального толкования или истолкования Основного Закона)” [16].

Таким образом, ценности Конституции — это своего рода буква закона, а конституционные ценности – ценности, имплицитно выводимые из базовых норм и принципов Конституции, ее идеалов, высшего предназначения, то есть, выражаясь метафорически, — духа закона.

Дух закона, или, иными словами, сверхидея права, как ее понимали еще древние юристы, — это общественное благо и справедливость. Причем эти две фундаментальные категории являются диалектически взаимосвязанными и взаимодополняемыми. Как отмечал Аристотель, государственным благом является справедливость, то есть то, что служит общей пользе; а сущность справедливости – равное для равных и неравное для неравных, причем такое неравенство должно быть разумно обоснованным и выгодным для всех (подробнее см.: [17]).

Постигая дух права, воплощенный в Основном Законе, Конституционный Суд не только обращается к конституционной доктрине, черпая из нее философско — правовые, мировоззренческие и гносеологические идеи, но и сам развивает и обогащает доктрину на основе практики конституционного нормоконтроля, осмысливая положения Конституции через выявление их системного единства, внутренних смысловых связей, взаимовлияния, раскрывая закономерности мультипликативного и синергетического эффекта правового регулирования.

Такое приращение новых знаний позволяет Конституционному Суду в излагаемых им правовых позициях, адресованных субъектам нормотворчества и правоприменения, точнее и глубже выявлять конституционно — правовой смысл юридических норм, усиливая тем самым их позитивно — преобразующее регулятивное воздействие на соответствующие общественные отношения.

3. Конституционная идентичность как неотъемлемый атрибут национального суверенитета

При рассмотрении современных проблем правового регулирования представляется важным остановиться на вопросе соотношения национального и международного права.

В Конституции установлено, что Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства; не допускается заключение международных договоров, которые противоречат Конституции (части первая и третья статьи 8); государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства (часть третья статьи 21).

Общепризнанные (универсальные) принципы международного права закреплены в таких основных документах, как Устав Организации Объединенных Наций 1945 года, Декларация о принципах международного права 1970 года и Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года. Приверженность нашей страны этим принципам (так называемым нормам *jus cogens*, имеющим наивысшую юридическую силу) выражена в статье 18 Конституции, в соответствии с которой Республика Беларусь в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права.

Наряду с общепризнанными принципами международного права действуют и другие правовые принципы, и нормы (рекомендации, стандарты, требования, регламенты), имеющие международный, региональный (субрегиональный) и локальный характер.

Интерес к затронутой теме заметно возрос на фоне политических событий последнего времени, в том числе связанных с проведением конституционных реформ в России и Беларуси, которые обусловлены не только существенными изменениями, происшедшими в политической и социально — экономической сферах двух стран с момента принятия национальных конституций (соответственно в 1993 и 1994 годах), но и конфликтогенными внешнеполитическими событиями последних лет, создающими угрозу международному миру и безопасности.

Сегодня для многих очевидно, что современный исторический период характеризуется глубоким и системным кризисом международного правопорядка, вызванным безответственной политикой, проводимой рядом зарубежных государств.

Грубое нарушение Устава ООН, принципов и норм международного права, резолюций Совета Безопасности ООН; попытки навязать свою волю мировому сообществу и решение спорных вопросов силовым путем; неприкрытое давление на международные судебные и правоохранительные органы (включая Международный суд ООН, Международный уголовный суд в Гааге, Интерпол и др.) — эти и другие действия свидетельствуют о серьезных угрозах основам международной безопасности и человеческой цивилизации.

Одновременно в странах западного мира наблюдается глобальный кризис культуры и духовно — нравственных устоев, сформировавшихся в ходе исторически длительного этико — антропологического генезиса. На данное обстоятельство указывал американский социолог и политолог С. Хантингтон в своей книге “Столкновение цивилизаций”, опубликованной в 1996 году. Отмечая процессы “падения нравов, культурного суицида и политической разобщенности на Западе”, автор ставит неутешительный диагноз: “в возникающем мире этнических конфликтов и столкновения цивилизаций западная вера в универсальность западной культуры страдает тремя недостатками: она неверна; она аморальна и она опасна; ошибочность ее — краеугольная идея этой книги» [18, с. 496, 507].

На наш взгляд, данный кризис выражается, в частности, в дехристианизации как вытеснении из всех сфер общественной жизни христианских ценностей, лежащих в основе евро — атлантической цивилизации; абсолютизации политики мультикультурализма, размывающего основы национальной идентичности; поощрении мировоззрения крайне выраженного индивидуализма, ставящего личные и узкогрупповые интересы выше общественных; доведении до абсурда толерантности и политкорректности как установления аксиологического равенства нормы и аномалии, порождающего безразличие к пороку, извращению, растлению, причем к тем, кто не разделяет принципов этического релятивизма (толерантного аморализма), проявляется нетолерантная непримиримость.

Наблюдаемые процессы подтверждают вышеизложенный тезис о том, что ценности, имеющие государственно — идеологический характер, могут вступать в прямой конфликт с традиционными моральными ценностями, что на практике выражается в стигматизации и травле их носителей, а нередко и в судебном преследовании.

В последние десятилетия под предлогом расширения прав и свобод для отдельных малочисленных социальных групп происходит ревизия многих традиционных ценностей. Причем, если на первом этапе речь шла о правах лиц, принадлежащих к национальным (этническим), религиозным и языковым меньшинствам, то в настоящее

время приоритет отдается сексуальным, гендерно — небинарным и иным девиантным меньшинствам, образ жизни которых не укладывается в рамки социально принятой нормативности во многих государствах мира.

На экспертно — политическом уровне давно и обоснованно констатируется, что в основе современной концепции прав человека во многих государствах мира лежит глобальная идеология неолиберализма, которая, получив первоначальное обоснование в научных доктринах, а затем и закрепление в основополагающих документах стран западной цивилизации, приобретает юридически обязывающий статус, определяя их текущую государственно — правовую политику.

При этом предпринимаются активные попытки распространить данную идеологию на весь остальной мир вопреки положениям базовых международных документов о возможности ограничения прав и свобод личности в интересах общественной морали и нравственности (статья 29 Всеобщей декларации прав человека, статьи 19, 21, 22 Международного пакта о гражданских и политических правах, статьи 8, 9, 10, 11 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод), а также несмотря на то, что современные этические нормы западных стран кардинально отличаются от национальных духовно — нравственных традиций иных народов [19].

Между тем показательно, что, например, США придерживаются концепции полного юридического суверенитета. Так, согласно статье VI Конституции данной страны “настоящая Конституция и законы Соединенных Штатов, принимаемые во исполнение ее, и все договоры, которые заключены или будут заключены властью Соединенных Штатов, становятся верховным правом страны; и судьи в каждом штате обязаны следовать этому праву, какими бы ни были положения Конституции или законов любого из штатов” [20, с. 39–40]. В третьем издании Свода законов о международных отношениях США (Restatement (Third) of the Foreign Relations Law of the United States) 1987 года указано, что “нормы международного права и положения международных договоров США не приобретают силу закона США, если они не соответствуют Конституции Соединенных Штатов” [21, р. 63].

С учетом изложенного для стран, претендующих на независимость и самостоятельный выбор дальнейшего пути развития (к которым относится и Республика Беларусь), первоочередными должны стать задачи укрепления государственного суверенитета, обеспечения национальной безопасности и сохранения духовно-культурных основ жизни общества. Данные задачи можно решить

путем утверждения конституционной (государственно — правовой) идентичности, связанной с чувством принадлежности граждан нашей страны к единой национально — культурной общности, заботой о всеобщем благополучии и представляющей собой неотъемлемый атрибут демократического и суверенного самоопределения народа, основывающийся на безусловном верховенстве Конституции страны.

Председатель Конституционного Суда России Зорькин В.Д. отмечает по данному поводу, что в последние годы наблюдается стремление разных государств к осмыслению и отстаиванию своей конституционно — правовой идентичности, обусловленное очевидными издержками процессов глобализации в самых разных сферах человеческой жизни: экономики, социальной жизни, политики, культуры. “Отсюда возникает естественное желание противопоставить стихийным процессам социокультурной глобализации понимание собственной специфики, не поддающейся универсализации. На уровне массового сознания это проявляется в стремлении сформулировать свою религиозную, национальную или региональную (например, европейскую) идентичность, сохранять и укреплять традиционные ценности семьи, культуры, быта и др.”. Далее автор заключает, что “доктрина конституционной идентичности, над которой всем нам еще предстоит много работать, может служить тем “водоразделом”, который потенциально способен разделить приемлемые и подчас желанные изменения внутреннего конституционного правопорядка — и те принципы, которыми государства, признавшие обязательную юрисдикцию наднациональных органов, поступаться не могут и не должны” [22].

В Послании Конституционного Суда Республики Беларусь “О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году” отмечено, что международная интеграция и кооперация являются действенным средством преодоления вызовов, обусловленных процессами глобализации. Участие Республики Беларусь в межгосударственных образованиях обуславливает необходимость обеспечивать сохранение правового суверенитета и конституционной идентичности в условиях взаимодействия международного, наднационального и национального права. При этом акты международного и наднационального права не могут ограничивать суверенное право белорусского народа самостоятельно определять свой путь развития, урезать конституционные права и свободы граждан. Конституционный Суд обратил внимание, что при формировании интеграционного правового регулирования следует вырабатывать действенные механизмы обеспечения баланса национальных и наднациональных интересов исходя из верховенства Конституции, конституционных основ государст-

венного устройства, необходимости обеспечения суверенитета, являющегося достоянием всех поколений народа Беларуси.

Полагаем, что конституционная идентичность, будучи по своей сути выражением национально — государственного суверенитета, включает в себя в том числе информационный суверенитет как право государства проводить независимую информационную политику, направленную на защиту своих жизненно значимых интересов. Важно добиться, чтобы лидерами общественного мнения были не зарубежные субъекты (СМИ, общественно — политические деятели, блогеры и др.), а отечественные высокопрофессиональные и объективные масс-медиа, а также национально ориентированные, патриотически мыслящие граждане своей страны.

Таким образом, в условиях турбулентного миропорядка и “предсказуемой непредсказуемости” глобальных рисков главная задача заключается в принятии необходимых мер, направленных на защиту суверенитета страны, укрепление государственной безопасности, обеспечение политико — правовой независимости и сохранение национальных традиций и исторической памяти народа.

Заключение

В современном мире, переживающем системный экзистенциальный кризис, происходит столкновение идей и мировоззрений, в связи с чем суверенные государства должны быть готовы противопоставить навязываемым им извне рецептам жизнеустройства собственную государственную идеологию, которая в максимальной степени соответствует национальным интересам, социально — экономическим приоритетам, а также учитывает многовековое духовно — культурное наследие, традиционную систему моральных координат и ценностных ориентиров.

В этом контексте к числу ключевых, наиболее значимых функций Конституции относится цивилизационно — охранительная, которая выступает в качестве гарантии сохранения народа Беларуси как целостной и уникальной культурно — духовной общности, относящейся к восточно — славянской христианской цивилизации.

Основной Закон как квинтэссенция конституционной идентичности призван защищать независимость и самостоятельность исторического пути развития нашего государства, а также глубоко укоренившиеся в жизни неписанные нормы и правила, формирующие культурно — цивилизационный код народа, содержащие его духовно — мировоззренческую и ценностно — нравственную матрицу, высшие идеалы и смыслы бытия, в совокупности выражающие глубинную суть национального характера, отличающего его от других этнокультурных сообществ.

Именно об этой важной особенности национальных конституций прозорливо писал выдающийся русский философ И.А.Ильин: “Каждо-

му народу причитается своя, особая, индивидуальная государственная форма и конституция, соответствующая ему и только ему. Нет одинаковых народов и не должно быть одинаковых форм и конституций. Слепое заимствование и подражание нелепо, опасно и может стать гибельным” [23, с. 47].

Как показывает исторический опыт, будущее принадлежит тем нациям, у которых есть благосозидающие идеи, непоколебимая вера в добро и справедливость и всенародная суверенная воля, чтобы претворить свои мечты в жизнь.

Список источников

1. Конституционное право Российской Федерации [Электронный ресурс]: учебн. для акад. бакалавриата и магистратуры. — 4-е изд., изм. и доп. — М.: Статут, 2017 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО “КонсультантПлюс”. — М., 2020.
2. Лассаль, Ф. О сущности Конституции / Ф.Лассаль // История государственно — правовых учений: хрестоматия / авт. — сост. С.В. Липень; под общ. ред. В.В.Лазарева. — М.: Спарк, 2006. — 1071 с.
3. Ленин, В.И. Как социалисты — революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам — революционерам / В.И.Ленин // Полн. собр. соч. — Т. 17. — 655 с.
4. Шустров, Д.Г. Сущность конституции: основные теории / Д.Г.Шустров. — М.: Юрлитинформ, 2017. — 600 с.
5. Нерсесянц, В.С. Философия права: учебн. для вузов / В.С. Нерсесянц — М.: Норма 2004. — 656 с.
6. Медведев Д.А. Конституция, функции Правительства России и эффективные технологии управления / Д.А. Медведев // Закон — 2013. — № 12. С. 32 — 40.
7. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичёв [и др.]. — М.: Сов. энцикл., 1983. — 840 с.
8. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — М.: “Канон+” РООИ “Реабилитация”, 2009. — 1248 с.
9. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. академика РАН Г.В. Осипова. — М.: Издат. группа НОРМА — ИНФРА•М, 1998. — 672 с.
10. Rokeach, Milton. Understanding human values: individual and societal / Milton Rokeach. — New York: The Free Press; London: Collier Macmillan Publishers, 1979. — 322 с.
11. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права / В.А. Бачинин — СПб.: Изд — во Р. Асланова “Юридический центр Пресс”, 2006. — 1093 с.
12. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч. — ред. совета В.С. Стёпин. — М.: Мысль, 2001. — Т. II. — 634 с.

13. Гаджиев Г.А. О понимании и правопонимании в конституционном праве / Г.А. Гаджиев // Журн. конституц. правосудия. — 2018. — № 6 (66). — С. 46 — 60.

14. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс]. — 2-е изд., пересмотр. / под ред. В.Д. Зорькина. — М: Норма Инф — М., 2020.

15. Стром, А. Идеология белорусского государства как ценностный ориентир и руководство к действию / А. Стром // Беларус. думка. — 2018. — № 12. — С. 62 — 67.

16. Бондарь Н.С. Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) [Электронный ресурс] / Н.С. Бондарь // Журн. конституц. правосудия. — 2009. — № 6 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО “КонсультантПлюс”. — М., 2020.

17. Данилюк С.Е. Справедливость как конституционно — правовая категория / С.Е. Данилюк // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. — 2019. — № 1. — С. 47 — 64.

18. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. — М.: АСТ МОСКВА, 2007. — 571 с.

19. Дело “Баев и другие (Bayev and Others) против Российской Федерации” [Электронный ресурс]: Постановление ЕСПЧ, 20 июня 2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО “КонсультантПлюс”. — М., 2020.

20. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты: пер. с англ. / сост. В.И. Лафитский; под ред. и со вступ. ст. О.А. Жидкова. — М.: Прогресс, Универс, 1993. — 768 с.

21. Restatement (Third) of the Foreign Relations Law of the United States. — Vol. 1. § 115 (3). — The American Law Institute, 1987.

22. Зорькин, В.Д. Буква и дух Конституции / В.Д.Зорькин // Рос. газ. Федер. вып. — 2018. — 10 окт. — С. 1.

23. Ильин И. А. О государственной форме / И.А. Ильин // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948 — 1954 годов: в 2 т. Т. 1. — М.: МП “Папор”, 1992. — 344 с.

Карыбек ДУЙШЕЕВ,
Председатель Конституционной палаты
Верховного суда Кыргызской Республики

Роль органа конституционного контроля в обеспечении верховенства права: практика Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

В современном мире права и свободы человека имеют особое значение, которое исходит из нового понимания самой природы данного института, его ключевого места в системе ценностей демократических и правовых государств.

Сегодня права и свободы человека представляют собой “человеческое измерение” государственности, свидетельствуют о степени цивилизованности государства, определяют его стратегию развития. Соблюдение и гарантии прав и свобод человека, состояние их защищенности являются наиболее объективным отражением уровня зрелости демократии, экономической безопасности, социальной политики государства.

В свою очередь, Конституцией Кыргызской Республики гарантировано, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Исходя из данных конституционных положений, государство обязано принимать все доступные меры, которые необходимы для полного осуществления прав и свобод граждан.

Действующая Конституция нашего государства также предоставляет гражданам широкий спектр возможностей защиты прав и свобод при отправлении правосудия. Так, Конституция запрещает суду применять нормативный правовой акт, противоречащий Конституции. Если при рассмотрении дела в любой судебной инстанции возник вопрос о конституционности закона или иного нормативного правового акта, от которого зависит решение дела, суд направляет запрос в Конституционную палату (*статья 101*).

Таким образом, осуществляя разбирательство по конкретному делу, суд общей юрисдикции обязан следить за тем, чтобы подлежащий применению закон полностью соответствовал Конституции.

При этом обязанность суда по направлению запроса в Конституционную палату о соответствии применяемого закона Конституции,

ставит перед любым судом проблему различения права и закона, т.е. выявления правовой сущности закона. Так, в рамках концепции правового государства упор всегда делается именно на правовой характер закона, который по своему содержанию должен соответствовать основополагающим демократическим ценностям. Права человека должны выступать основанием правового пространства, т.е. вся сфера позитивного законодательства должна соизмеряться с правами человека. Из этого следует, что они выступают высшим легитимирующим источником властных, в том числе правозащитных функций государства.

Изложенное свидетельствует, что в правозащитном механизме особая роль принадлежит Конституционной палате, которая обеспечивает верховенство Конституции и ее непосредственное действие на территории Кыргызской Республики.

Я нахожу подтверждение этому в норме конституционного Закона, регулирующей деятельность Конституционной палаты. Так, в соответствии с конституционным Законом “О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики”, в случае, если акт, конституционность которого оспаривается, был отменен или утратил силу в процессе подготовки или рассмотрения дела, начатое Конституционной палатой производство может быть прекращено, за исключением случаев, когда действием этого акта были нарушены конституционные права и свободы физических или юридических лиц (*пункт 3 части 1 статьи 41*). Смысл этой важной оговорки состоит в том, чтобы нарушение прав и свобод было устранено в любом случае, а права и свободы были восстановлены. Я специально обращаю внимание на эту существенную оговорку как воплощающую конституционный принцип приоритетности прав человека в качестве высшей ценности. При этом Конституция Кыргызской Республики гласит, что судебные акты, основанные на нормах законов, признанных неконституционными, пересматриваются судом общей юрисдикции в каждом конкретном случае по жалобам граждан, чьи права и свободы были затронуты (*часть 10 статьи 97*).

Основным законом нашего государства также установлено, что каждый вправе оспорить конституционность закона и иного нормативного правового акта, если считает, что ими нарушаются права и свободы, признаваемые Конституцией (*часть 7 статьи 97*). Данное конституционное установление является важной гарантией обеспечения конституционности всей нормативно — правовой базы в целях предотвращения искажения смысла и содержания прав и свобод, гарантированных Конституцией.

Между тем, хотя объем судебной практики Конституционной палаты является небольшим (2013-2020 гг.), тем не менее, она внесла

положительный вклад в то, чтобы сделать конституционный текст более наглядным, понятным, и следовательно, более доступным как для нормотворческих, так и для правоприменительных органов.

Так, путем интерпретации конституционных положений, Конституционной палате удалось закрепить писанные конституционные ценности, основные идеи и гарантии господства права.

При проверке конституционности законов Конституционная палата исходит из необходимости создания законодательного механизма эффективной реализации конституционных прав граждан, укрепления гарантий защиты прав и свобод человека как высшей ценности и цели общества и государства. При этом Конституционная палата, как отмечалось выше, обращает внимание на необходимость развития конституционных ценностей при регулировании конкретных правоотношений, недопустимость непропорционального ограничения прав граждан на законодательном уровне, ориентирует на правильное понимание конституционно — правового смысла норм законов в законотворческом и правоприменительном процессах.

Вынося такие решения, Конституционная палата исходит из конституционных положений о правах и свободах человека и гражданина и необходимости выработки законодательного механизма, обеспечивающего полноту и недвусмысленность конституционно — правового регулирования, и при выявлении правовых пробелов отмечает о необходимости их устранения нормотворческими органами.

При этом Конституционная палата действует в пределах своего конституционного статуса, не подменяя законодателя или иной нормотворческий орган, но в некоторой мере выполняет функции “позитивного законодателя” с целью выработки действенных механизмов реализации конституционных прав и свобод граждан.

В практике Конституционной палаты отмечается, что права и свободы человека, с одной стороны, абсолютны, а с другой — Конституция допускает возможность их определенного ограничения в интересах общего блага при безусловном соблюдении справедливого баланса между интересами личности и интересами общества и государства.

В случае, если законом вводятся ограничения в отношении некоторых прав и свобод граждан, оценивается их соответствие целям, принципам и нормам Конституции, а также соблюдение принципа пропорциональности.

Так, в своем решении от 29 октября 2013 года Конституционная палата обозначила, что любое ограничение должно преследовать конституционно значимые цели и должно быть продиктовано необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей. Далее, Конституционная палата указала, что ограничения, не предус-

мотренные Конституцией и законами, не могут вводиться подзаконными нормативными правовыми актами.

В последующем другие решения Конституционной палаты были основаны именно на этих конституционно — доктринальных положениях, которые послужили неким путеводителем в обеспечении гарантированных Конституцией Кыргызской Республики прав и свобод граждан.

Ярким примером строгого следования своей данной позиции является одно из недавних решений Конституционной палаты от 30 мая 2018 года, где оспариваемой нормой предусматривалась что, если в отношении заявителя предъявлен гражданский иск в суд, то до окончания производства по делу, гражданину Кыргызской Республики может быть временно отказано в выезде из Кыргызской Республики.

По результатам рассмотрения данного дела, оспариваемая норма была признана неконституционной. Выводы о неконституционности Конституционная палата мотивировала тем, что права, связанные с возможностью свободного передвижения и выезда за пределы страны, а также беспрепятственного возвращения на ее территорию, в условиях интеграции в мировое пространство, являются исходным показателем степени свободы личности. В силу этого, согласно Конституции Кыргызской Республики каждый имеет право свободно выезжать за пределы Кыргызской Республики (*часть 2 статьи 25*).

Право свободного выезда за пределы страны представляет собой одно из наиболее существенных проявлений индивидуальной свободы человека и служит предпосылкой полноценной реализации иных прав и свобод. Другими словами, возможность свободного выезда из страны лежит в основе полноценной человеческой жизнедеятельности и признания государством достоинства личности.

Соответственно, правовой режим ограничения права на свободу выезда за пределы Кыргызской Республики может вводиться с учетом необходимости достижения баланса интересов личности и государства в соответствующих сферах государственной и общественной жизни.

Однако в контексте оспариваемой нормы, как указала Конституционная палата в своем решении, введение такого ограничения не является обоснованным и необходимым, и не может служить причиной ограничения субъективных прав человека и гражданина.

Рассмотрение дел в Конституционной палате обусловлено противоречиями в законодательстве, в том числе возникающими по объективным причинам, невозможностью во многих случаях правоприменителями однозначно определить, соответствуют ли нормативные правовые акты Конституции. Так, конституционные права и гарантии их обеспечения не всегда получают в текущем законодательстве необходимое развитие и реализацию на практике. Нередко нормативные

правовые акты, принимаемые во исполнение положений Основного закона страны, не только не согласуются с содержанием его норм, но и выходят за пределы предмета допустимого регулирования.

В частности, решением от 5 июля 2017 года Конституционная палата дала оценку конституционности нормы Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (*пункт 7 части 4 статьи 60*), не допускающей допрос близких родственников подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и признала оспариваемую норму противоречащей Конституции в той мере, в какой не допускает допрос близких родственников подозреваемого, обвиняемого, подсудимого при наличии их желания давать показания.

В своем решении Конституционная палата отметила, что показания против себя или близких родственников, то есть лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, могут быть даны только с соблюдением принципа добровольности и диспозитивности. Данную норму следует рассматривать как правовую гарантию против самообвинения и принуждения к даче показаний против себя самого, своего супруга или близких родственников.

Между тем, Конституционная палата отметила, что установление запрета на допрос в качестве свидетелей близких родственников подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, тем не менее, не должно ограничивать их в праве давать соответствующие показания в случаях, когда они заинтересованы в оглашении той или иной информации. Следовательно, органы следствия и суды не вправе отказывать в даче свидетельских показаний лицам, изъявившим такое желание при заявлении ими соответствующего ходатайства. Таким образом, исходя из данного решения Конституционной палаты близкие родственники подозреваемого, обвиняемого, подсудимого не должны лишаться возможности давать показания об известных им обстоятельствах по делу.

В своих решениях Конституционная палата в пределах своих полномочий и исходя из особенностей рассматриваемых дел, обращает внимание законодателя на необходимость внесения в действующее правовое регулирование изменений, направленных в том числе, на совершенствование реализации прав и свобод человека и гражданина.

В частности, в своем решении от 26 ноября 2013 года, Конституционная палата осуществила проверку конституционности нормы Трудового кодекса Кыргызской Республики (*статья 427*) и указала на то, что законотворческим органом изначально неправильно понят смысл и содержание такого понятия как “политическая должность”. Поэтому в своем решении Конституционная палата раскрыла суть этого понятия. В последующем законодатель, руководствуясь основополагающими принципами и признаками, заложенными в указанном

решении Конституционной палаты при принятии Закона Кыргызской Республики “О государственной гражданской службе и муниципальной службе” в новой его редакции сформулировал четкое определение “политической должности”. Почему я обращаю ваше внимание на этот пример? Так, его суть заключается в том, что отныне ряд должностных лиц имеют право обжаловать свое освобождение от занимаемой должности в судебном порядке, чего они лишались ранее, поскольку в ранее действовавшей редакции законодательства, ряд должностей необоснованно были отнесены к числу политических, освобождение которых не подлежит судебному обжалованию.

Уважаемые коллеги!

Приведенные примеры как нельзя полно и всесторонне подтверждают важность и необходимость существования самостоятельного органа конституционного контроля в Кыргызской Республике, показывают важную роль, которую играет Конституционная палата в надлежащем обеспечении конституционных прав и свобод граждан, которая порой является единственной инстанцией, способной восстановить конституционные права граждан, нарушаемые, в том числе и судами общей юрисдикции при применении, соответственно, будучи неконституционных законов. Если обратить внимание на практику Конституционной палаты, то можно заметить, что защита конституционных прав и свобод человека и гражданина выходит на первый план, как в количественном, так и в качественном отношениях.

Дела по защите основных прав и свобод человека и гражданина в практике Конституционной палаты являются самой многочисленной из категорий дел, рассматриваемых ею при осуществлении своих судебных полномочий. Как показывает статистика, все большее количество граждан обращаются в Конституционную палату за защитой своих конституционных прав и свобод. Доля рассмотренных дел по обращениям граждан в общей практике Конституционной палаты превышает 95 процентов и из года в год увеличивается.

Таким образом, специальный конституционный контроль в Кыргызской Республике остается одним из эффективных средств защиты прав и свобод человека и гражданина, поскольку, в результате конституционного судопроизводства судебную защиту получают не только лицо, обратившееся в орган конституционного правосудия, но и другие граждане, права которых нарушались или могли бы быть нарушены в будущем.

Владимир СИВИЦКИЙ,
Руководитель Секретариата
Конституционного Суда Российской
Федерации, кандидат юридических наук

Совершенствование организации и функционирования публичной власти в России: изменения Конституции в 2020 году

1. В 2020 году в России произошло значимое конституционно-правовое событие — внесение изменений в Конституцию Российской Федерации. Первый пакет изменений в Конституцию был инициирован Президентом Российской Федерации в ходе ежегодного послания Парламенту. Он стал поводом для широкого обсуждения, выдвижения институтами гражданского общества новых предложений, которые рассматривались специально сформированной из представителей юридической науки и общественности рабочей группой. В результате к принятию во втором чтении состав изменений в Конституцию был существенно расширен. Изменения охватили все главы Конституции, положения которых могут быть изменены в рамках действующей Конституции без ее пересмотра (главы 3 — 8). Фундаментальные положения Конституции, содержащиеся в главах 1 (“Основы конституционного строя”) и 2 (“Права и свободы человека и гражданина”), этими изменениями затронуты не были.

Порядок вступления данных изменений Конституции в силу имел определенные особенности. В соответствии со статьей 136 Конституции Российской Федерации поправки к ее главам 3 - 8 принимаются в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного закона (то есть требуется одобрение большинством не менее трех четвертей голосов от общего числа членов Совета Федерации и не менее двух третей голосов от общего числа депутатов Государственной Думы), и вступают в силу после их одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов Российской Федерации. Эта процедура была полностью соблюдена.

Но в дополнение к ней в качестве условия вступления изменений Конституции в силу сам Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти” предусмотрел два дополнительных элемента.

Во — первых, предусматривалось получение Заключения Конституционного Суда о соответствии изменений положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации (глава 9 устанавливает порядок пересмотра Конституции и внесения в нее поправок), а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу этих изменений. Установление несоответствия исключало бы вступление изменений в силу. В Заключении от 16 марта 2020 года Конституционный Суд пришел к выводу, что проверяемые положения в противоречие с соответствующими предписаниями Конституции не вступают.

Во — вторых, по инициативе Президента Российской Федерации было предусмотрено, что изменения в Конституцию Российской Федерации должны получить одобрение в ходе общероссийского голосования, и только при положительных результатах голосования вступают в силу. Это голосование как таковое не заменяет собой процедуру внесения поправок, и поэтому, как отмечено в Заключении Конституционного Суда, конституционный законодатель, руководствуясь принципом народовластия, в целях конституционной легитимации своего решения был вправе обратиться к общероссийскому голосованию.

1 июля состоялось голосование. Изменения получили поддержку 77,92 % проголосовавших при явке 67,97 % избирателей. 4 июля 2020 года с момента опубликования в официальных изданиях текста Конституции Российской Федерации с изменениями они вступили в силу.

Кратко остановлюсь на содержании внесенных изменений.

2. В конституционное регулирование функций и полномочий органов государственной власти внесены дополнения, которые определяют не только предмет государственной деятельности, но и ее целевую направленность. Например:

— дети определены как важнейший приоритет государственной политики России. Установлено, что государство создает условия, способствующие всестороннему развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим;

— установлено, что государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия;

— определены важные, и главное, конкретные параметры трудовых и социальных гарантий: на конституционном уровне гарантируются минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации, индексация пенсий не реже одного раза в год, индексация социальных пособий и иных социальных выплат;

— к обязанностям государства отнесены не только обычные вопросы здравоохранения, но и создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью;

— предусматривается защита института брака как союза мужчины и женщины;

— предписывается создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях.

Современные реалии учтены путем закрепления функций в сфере научно — технологического развития Российской Федерации, информационных технологий, обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных. Не забыт в конституционном тексте и такой важный в условиях ускоренного технологического развития аспект как установление единых правовых основ системы непрерывного образования.

В качестве полномочий Правительства Российской Федерации дополнительно закреплено, в частности, принятие мер:

по социальной интеграции инвалидов, созданию для них доступной среды;

по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, и добровольческой (волонтерской) деятельности;

по реализации принципов социального партнерства;

по воспитанию экологической культуры.

Особое внимание хотел бы обратить на новую статью 75.1 Конституции Российской Федерации. Согласно ней в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Тем самым многоаспектно закрепляются принципы общественной солидарности в качестве императива деятельности органов публичной власти нашей страны.

3. Определены изменениями Конституции России и значимые параметры деятельности государства на международной арене. Так, установлено, что Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства. При этом подчеркивается, что Российская Федерация обеспечивает защиту своего

суверенитета и территориальной целостности, а действия, направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются. Во взаимосвязи с данным конституционным установлением находится указание, что Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство. При этом, как подчеркнуто в упомянутом выше Заклучении Конституционного Суда, включение в текст Конституции Российской Федерации указания на веру в Бога не означает отказа от светского характера Российского государства, провозглашенного в ее статье 14, и от свободы совести, гарантируемой ее статьей 28.

С положением о защите суверенитета Российской Федерации связано новое положение статьи 79 Конституции, согласно которому решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации. Данное положение вызвало несогласие Венецианской комиссии в ее заключении от 18 июня текущего года. В связи с этим хотелось бы отдельно обратить внимание на следующее.

Это конституционное положение, как это прямо следует из его формулировки, не предполагает отказ Российской Федерации от соблюдения международных договоров и выполнения своих международных обязательств. Положения части 4 статьи 15 Конституции о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, а если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора, действуют в полной мере.

Речь идет о том, что в Российской Федерации не могут исполняться производные от международных договоров решения межгосударственных органов, в которых международным договорам придается истолкование, противоречащее Конституции Российской Федерации. Дело в том, что Конституция Российской Федерации не допускает, чтобы международные договоры, заключаемые Российской Федерацией, противоречили ее положениям, но в самих решениях межгосударственных органов на основе иволютивного толкования положений международных договоров такое противоречие может наступать.

Причем неисполнение решения межгосударственного органа должно быть опосредовано решением Конституционного Суда. По

существо, дополнение статьи 79 Конституции Российской Федерации предполагает лишь включение непосредственно в текст Конституции уже существующего в законодательном регулировании и применяемого в практике Конституционного Суда механизма обеспечения высшей юридической силы Конституции Российской Федерации. Это открытый, прозрачный и, главное, судебный механизм. Как показывает практика, он направлен на поиск компромисса в вопросе об интерпретации положений международных договоров.

4. Ряд изменений направлен на корректировку организации публичной власти. Остановлюсь на некоторых из них.

Во — первых, увеличиваются контрольные полномочия палат Парламента. В частности, вводится отдельная статья по этому вопросу.

Во — вторых, увеличивается роль Парламента в формировании Правительства. Ранее Государственная Дума только согласовывала кандидатуру Председателя Правительства. Сейчас она утверждает как эту кандидатуру, так и представленные Председателем Правительства кандидатуры членов Правительства. Только после этого Президент осуществляет назначение. Исключение составляют руководители ведомств, действующих в сфере обороны и безопасности. Но и здесь предусматривается участие Парламента — требуется перед их назначением Президентом проведение консультаций с Советом Федерации.

В — третьих, предусматривается придание конституционного статуса Государственному Совету. Установлены его функции — “обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально — экономического развития государства”. Также непосредственно в Конституции закреплены функции Совета Безопасности и прокуратуры. Уточнены полномочия высших органов государственной власти.

В — четвертых, для защиты суверенитета Российской Федерации устанавливаются требования для замещения ряда должностей, связанные с необходимостью отсутствия гражданства либо вида на жительство иностранного государства, а также финансовых активов за пределами Российской Федерации.

В — пятых, в конституционный текст вводится понятие единой системы публичной власти в Российской Федерации. Предусмотрено, что в рамках этой системы органы местного самоуправления и органы государственной власти осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Регулирование местного самоуправления претерпело и ряд других изменений, направленных на обеспечение эффективности такого взаимодействия.

Хотелось бы обратить внимание на то, что для того, чтобы обновленная система функций, полномочий и взаимодействия органов публичной власти эффективно заработала, конституционный законодатель на основании внесенной одним из депутатов Государственной Думы (первой женщиной — космонавтом В.В. Терешковой) поправки счел возможным установить, что ограничение числа сроков, которые лицо может замещать должность Президента Российской Федерации, не препятствует лицу, занимавшему и (или) занимающему должность Президента Российской Федерации на момент данных изменений Конституции, участвовать в качестве кандидата на выборах Президента Российской Федерации на установленное допустимое число сроков вне зависимости от числа сроков, в течение которых указанное лицо занимало и (или) занимает эту должность на момент вступления изменений в силу. Конституционный Суд в Заключении внимательно рассмотрел данную поправку и не усмотрел в ней выход за пределы дискреции конституционного законодателя. На будущее же допустимое число сроков полномочий Президента ограничивается — если ранее не допускалось занятие этой должности более двух раз подряд, то в соответствии с изменениями — вообще более двух раз.

5. Расширена изменениями Конституции компетенция Конституционного Суда. Так, в частности, предусмотрено полномочие по предварительному конституционному контролю проектов законов, включая законы о поправке к Конституции. Прямо предусмотрена возможность по жалобам граждан и по запросам судов проверять конституционность не только законов, но и подзаконных нормативных актов.

Хотя вводится дополнительное условие подачи конституционной жалобы — исчерпание всех других внутригосударственных средств судебной защиты, это не должно привести к ограничению права на судебную защиту. Как отмечено в Заключении Конституционного Суда, последовательное обжалование гражданином решения суда по крайней мере в апелляционном и кассационном порядке и лишь затем обращение в Конституционный Суд Российской Федерации в системе действующего правового регулирования судоустройства и процессуального законодательства обеспечат эффективность обжалования в рамках согласованного функционирования всех судов, составляющих единую судебную систему Российской Федерации.

Изменяется количество судей Конституционного Суда Российской Федерации с 19 на 11. Тем самым, с учетом того, что все решения принимаются Конституционным Судом в полном составе (то есть не предусмотрено наличие палат, “сенатов” и других неполных составов), обеспечивается эффективность его работы при сохранении достаточно широкой коллегиальности. Но при этом данное изменение не влечет

прекращение полномочий действующих судей — Законом, вносящим изменение в Конституцию, установлены соответствующие переходные положения.

6. В целом можно констатировать, что состоявшиеся в 2020 году изменения Конституции направлены на совершенствование организации и функционирования публичной власти. Но в конечном счете они служат главной цели – реализации обязанности государства по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина.

**Карим КАРИМЗОДА,
Заместитель Председателя
Конституционного Суда Республики
Таджикистан**

Конституционализм и демократизация общественно — политической жизни Республики Таджикистан

На протяжении последних столетий вопросы теории и практики конституционализма были и остаются самой актуальной проблемой общественного развития. Такое отношение к конституционализму, по сути, и является обоснованием сущности данной многогранной категории со всеми её природой и закономерностями формирования и развития. И, как отмечает Н.С. Бондарь, понятие “конституционализм” по уровню обобщения приобрело качество одного из наиболее значимых и ёмких понятий, исполняя роль системообразующей категории.¹

Сегодня конституционализм осознается и воспринимается обществом как фундаментальная основа построения демократического государства, развития политической системы, совершенствования государственной власти, создания институциональных структур гражданского общества.

Несмотря на то, что нет единого понятийного аппарата конституционализма, он рассматривается как важнейшее направление политической жизни современных государств.

В.В. Нерсесянц считает, что дальнейшее развитие начал гражданского общества и правового государства в России прямо зависит от прочности конституционализма.²

Конституционализм как политико — правовая и социальная категория, универсальный институт и продукт мировой цивилизации, в частности европейской и американской культуры, вошел в теорию и практику таджикской государственности в процессе его заимствования из российского конституционализма, но с присущими ему публично — властными, социокультурными и нравственно — этическими началами.

¹ См.: Бондарь Н.С. Права человека в теории и практике российского конституционализма // Российский конституционализм: проблемы и решения. — М., 1999. — С. 135 — 140.

² См.: Нерсесянц В.С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно — правовая реформа в Российской Федерации: сб. ст. / отв. ред. Ю.С. Пивоваров. — М., 2000. — С. 6 — 8.

Распад Советского Союза и возникновение на его месте пятнадцати новых суверенных государств поставил перед ними совершенно иные задачи по институционально-политическому оформлению национальных государств.

Республика Таджикистан не является исключением.

Став независимой, перед ней актуальной и не менее важной оказалась проблема переоценки некоторых политико — правовых и духовных ценностей прежних социально — политических и экономических систем, их осмысление и корректировка. Также потребовалось рассматривать и воспринимать некоторые ценности, считавшихся в практике советского государственного строительства чуждыми (плюрализм, принцип разделения властей, многопартийность и др.) в позитивном плане и в контексте построения национального государства на основе демократических ценностей.

Однако процесс переоценки ценностей, поиска своей идентичности и определения пути государственного развития не всегда проходил безболезненно и гладко.

Но, будущее государство объективно толкнуло политического руководства страны к зарождению новых государственно — политических, правовых и социально — экономических воззрений и концепций.

Среди этих воззрений и доктрин:

— конституционализм как социально — политический и правовой институт, объединяющий и аккумулирующий в себе такие общепризнанные демократические ценности как политико — правовой режим, одним из проявлений которого является внесение в общество начал гармонии и справедливости³;

— общегосударственная, надпартийная объединяющая идеология⁴; наличие конституционной формы правления, государственное управление, ограниченное Конституцией⁵;

— самоограничения государства⁶ и другие не исчерпывающие себя формулировки стали идейной основой, ценностным началом и фундаментальным принципом политического переустройства Таджикистана.

Надо отметить, что определение конституционализма как государственного правления, ограниченного Конституцией, тесно связано с исторической эволюцией данного явления, которое отражает эпохи

³ Сони́на Л.В. Конституционализм в Российской Федерации как политико — правовой режим.: автореф. дис. канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2001. — С. 7 — 8.

⁴ Нерсесянц В.С. Конституционализм как общегосударственная идеология// Конституционно — правовая реформа в Российской Федерации: сб. статьи /Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. — М. 2000. — С. 6 — 8.

⁵ Пуздрач Ю.В. История российского конституционализма IX — XX веков. — СПб., 2014. — С. 7.

⁶ Шайо А. Транснациональные сети и конституционализм //Сравнительное конституционное обозрение — 2008 г. №5 (66). — С.123.

борьбы с монархией как формой правления. Идейной вдохновительницей данной борьбы выступает Конституция как политический документ и юридический акт, обладающий высшей юридической силой, а также дальнейшая эволюция и развитие политической системы общества.

Прав О.Е.Кутафин в том, что в дальнейшем этот термин получил более широкое значение и стал применяться для характеристики демократизма общественного строя различных государств.⁷

В.С. Нерсесянц со своей стороны рассматривает конституционализм как идеологию уважения, соблюдения и защиты конституции, как общегосударственную, надпартийную идеологию любого правового государства⁸.

Из представленного множества определений конституционализма видно, что понятие “конституционализм” рассматривается как многоуровневое, сочетающее в себе различные аспекты: как политические, так и мировоззренческие, методологические и юридические.

Эти понятия и определения основаны на исторических традициях и теоретических концепциях, и в них прослеживается процесс взаимодействия власти и гражданского общества, сущность современной публичной власти и неотделимость государства от общества. И конституционализм представляет собой устройство всего общества, выраженное в системе публично — правовых и частных институтов, принципов и практики их реализации.

Определение понятия конституционализма, равно и как выявление его закономерностей, социально — политических предпосылок, особенностей становления и развития, влияние на формирование политической системы и разделение государственной власти приобретают первостепенное значение для социально — политических процессов в Таджикистане, и они должны идентифицировать Таджикистан как истинно демократическое государство и гражданское общество.

Таджикистан, будучи демократическим государством, идёт по пути дальнейшей демократизации социально — политической жизни таджикского общества, и демократия как политический режим и социально — политическое явление, основанное на конституционализме, воспринимается как самая востребованная форма организации власти.

Такая форма организации власти исходит из процесса формирования необходимых политических институтов и практики, использование которых позволяет обществу определить эффективные пути развития демократического государства и интересы гражданского общества.

⁷ Кутафин О. Е. Российский конституционализм. — М.: Норма, 2008. — С.3.
URL: http://www.juristlib.ru/book_3675.html

⁸ См.: Нерсесянц В.С. Конституционализм как общегосударственная идеология //Конституционно — правовая реформа в Российской Федерации: сб. ст. / отв. ред. Ю.С. Пивоваров. — М., 2000. — С. 6 — 8.

Нельзя не согласиться с мнением судьи Конституционного Суда Российской Федерации, профессора Бондаря Н.С., что “Конец XX — начало XXI веков характерны масштабными конституционными преобразованиями, отразившими всю глубину, противоречивость, а порой и национально — исторический трагизм геополитических изменений современного мира и его отдельных стран. В том числе это находит свое отражение в зарождении новой политической философии современной эпохи, новой конституционной идеологии и, соответственно, в разработке принципиально новых подходов к пониманию и обоснованию ценностей современного конституционализма в условиях глобалистского мира”⁹.

Республика Таджикистан идёт нога в ногу с политическими, социальными и правовыми явлениями современности, и даёт очень аккуратную и объективную оценку роли конституционализма и его развитию в современном глобальном мире, так как конституционализм по своему характеру является всеохватывающим и глобальным институтом развития современных государств и гражданского общества.

Исходя из этих соображений, в Таджикистане сформирована государственная власть и политическая система, адекватная его национальную специфику и с подлинно социально — демократическими характеристиками. В данной системе Конституционный Суд занимает особое место.

Конституционный суд учрежден как специализированный орган конституционного контроля, который является независимым органом судебной власти и осуществляет свою деятельность в целях охраны и обеспечения верховенства и непосредственного действия норм Конституции, а также защиты прав и свобод человека и гражданина.

Введение государством Республики Таджикистан в свою правовую систему конституционного правосудия указывает на то, что государство предпочитает предоставить полномочия по принятию решений о конституционно — правовых вопросах специализированному органу. Так как специфика органа конституционного контроля, как и всей судебной власти, заключается в его относительном, постоянстве, нейтральности и независимости.

Само создание этого нового органа в системе нашей государственности, которому в этом году, 3 ноября, которого исполняется 25 лет, является ярким примером интеграции правовой системы Таджикистана с современными правовыми системами и реализации идей конституционализма.

И таким образом, обеспечение слаженной и согласованной работы законодательной, исполнительной и судебной властей сформировало важнейшую функцию конституционного контроля.

⁹ Бондарь, Н. С. Конституция, конституционный контроль и социальные противоречия современного общества. Журнал российского права. -2003.- № 11. - С. 55 – 64.

Придав особое значение роли и месту Конституционного суда в системе государственной и судебной власти, его компетенция закреплена в отдельной статье Конституции страны с тем, чтобы он мог эффективно осуществлять судебную власть. Власть, которая возможна и эффективна лишь в контексте теории разделения властей, исключающей излишнюю концентрацию власти и гарантирующей гражданам подлинную свободу. Власть, которая является результатом самоограничения государства, допускающего контроль над собой со стороны независимого органа конституционного контроля.

Такой субъект в современных системах конституционного контроля, наряду с другими существующими субъектами, успешно выполняет свою функцию по защите Конституции и обеспечению её верховенства.

Конституционный суд Республики Таджикистан по своей характеристике полностью соответствует природе и предназначению современных органов конституционного контроля.

В своей деятельности он осуществляет и предварительный и последующий, как конкретный, так и абстрактный, обязательный и факультативный виды контроля. Он осуществляет внешний контроль, т.е. контроль за всеми нормативными правовыми актами, принятыми органами государства, и осуществляет решающий вид контроля, т.е. его акты являются обязательными для исполнения всеми органами государственной власти и их должностными лицами.

По порядку вступления в силу акты Конституционного суда Республики Таджикистан действуют после их принятия.

Как видно из предлагаемой характеристики Конституционного суда Республики Таджикистан, в нем аккумулируются и интегрируются положительные характеристики и основные моменты всех современных моделей конституционного контроля, относящихся к различным правовым системам.

Развитию института конституционного контроля в Таджикистане придаёт важное значение и руководство нашей страны. Так, на основе Послания Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона Парламенту страны ещё в июне 2007 года была разработана и принята Программа судебно — правовой реформы в Республике Таджикистан.

В частности, в этой Программе отмечается, что “одной из главных ценностей Конституции суверенного Таджикистана является верховенство и непосредственное действие её норм. С целью обеспечения этих ценностей и защиты Конституции был создан Конституционный суд, более чем десятилетняя деятельность которого доказала необходимость и значение этого органа для новой таджикской государственности, а также показала, что для прогресса и развития общества необходимо укрепление статуса и роли Конституционного суда”.

В дальнейшем, на основе четырёх Программ судебно — правовой реформы, в июле 2014 года конституционный закон о Конституционном суде был принят в новой редакции

В соответствии с этим Законом Конституционный суд наделён новыми, весьма важными полномочиями. Теперь он будет определять соответствие Конституции проектов изменений и дополнений, вносимых в Конституцию Республики Таджикистан, проектов законов и других вопросов, представляемых на всенародный референдум. Кроме того, существенно расширен круг субъектов, имеющих право на обращение в Конституционный суд.

Касаясь правового статуса органа конституционного контроля, надо отметить, что понятие “конституционный контроль” непосредственно связывается с наличием конституции, защитой конституционно закреплённых норм и принципов, обеспечивающих установленный баланс полномочий высших органов власти. Важное значение имеет также обеспечение конституционных гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

Его правовой статус обусловлен спецификой его полномочий и положением в системе органов государственной власти. Он стоит в одном ряду с другими ветвями власти и посредством реализации своей конституционной компетенции, оказывает непосредственное воздействие на процесс правотворчества в стране.

Главная миссия конституционного контроля заключается в обеспечении верховенства и стабильности конституции, и сохранении конституционного баланса разделения властей. Он выступает механизмом сдержек и противовесов, и главной его задачей являются обнаружение, оценка и восстановление нарушенного равновесия.

На уровне Конституции закреплено, что решения Конституционного суда Республики Таджикистан являются окончательными.

Нельзя не согласиться с мнениями большинства специалистов в области конституционного судопроизводства в том, что правовые позиции Конституционного Суда ближе всего находятся к прецеденту, и в силу этого его правовые позиции следует считать источниками права.

Следует также отметить, что юридическая сила итоговых решений Конституционного Суда превышает юридическую силу любого закона, а, соответственно, она практически равна юридической силе самой Конституции, которую уже нельзя применять в отрыве от итоговых решений Конституционного Суда, относящихся к соответствующим нормам, и тем более вопреки этим решениям.

Такая оценка, бесспорно, и в полном объеме относится и к решениям Конституционного суда Республики Таджикистан.

Существует объективная потребность интеграции Таджикистана в мировое правовое пространство, определения возможностей адаптации зарубежного опыта в условиях таджикской действительности, так как учёт зарубежной правовой культуры дает новые идеи и направления для развития таджикского законодательства, определения правовой политики государства.

Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон в своем поздравительном послании ещё первому заседанию вновь избранному Парламенту в марте 2010 года поставил перед законодательным органом определенные задачи. В частности он отметил, что “в условиях, когда сегодняшний мир стремительно движется к глобальной информационной цивилизации, беспрецедентным преобразованиям в науке и технике, острому экономическому противостоянию, наша правовая система также должна быть современной, соответствовать развитию общественной жизни и отвечать экономическим, социальным и политико — культурным отношениям в цивилизованном мире.”

Таким образом, конституционализм как государственное управление, ограниченное Конституцией, является источником дальнейшей демократизации социально — политической жизни в Таджикистане, так как на основе теории конституционализма и Конституции страны как политический документ и юридический акт, обладающий высшего юридической силой, успешно функционирует политическая и социально — экономическая система страны, осуществляется государственная власть, в том числе конституционный контроль. Они направлены на реализацию конституционных ценностей, таких как, создание справедливого общества; социального государства, создающего условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие каждого человека, а также защиту конституционных прав и свобод человека.

ИЗ ПРАКТИКИ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики

*О проверке соответствия постановления Верховного Суда
Азербайджанской Республики от 19 марта 2019 года по жалобе
Н. Салимова Конституции и законам Азербайджанской Республики*

город Баку

20 мая 2020 г.

Пленум Конституционного суда Азербайджанской Республики в составе Фархада Абдуллаева (председатель), Соны Салмановой, Судябы Гасановой, Ровшана Исмаилова, Джейхуна Гараджаева, Рафаэля Гваладзе, Махира Мурадова, Исы Наджафова и Кямрана Шафиева (судья — докладчик),

с участием секретаря суда Фараида Алиева,

в соответствии с частью V статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, статьями 27.2 и 34 Закона Азербайджанской Республики “О Конституционном суде” и статьей 39 Внутреннего устава Конституционного суда Азербайджанской Республики рассмотрел в судебном заседании в порядке письменной процедуры конституционного судопроизводства конституционное дело по жалобе Н. Салимова о проверке соответствия постановления Верховного Суда Азербайджанской Республики от 19 марта 2019 года Конституции и законам Азербайджанской Республики.

Изучив и обсудив доклад судьи К. Шафиева по делу, письменное выступление представителя заявителя Азера Гулиева, письменные выступления адвоката заявителя — Кямандара Насибова, специалистов — старшего консультанта отдела административного и военного законодательства Аппарата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики Кямали Пашаевой и судьи Бакинского Апелляционного Суда Гадима Бабаева изучив материалы дела, Пленум Конституционного суда Азербайджанской Республики

УСТАНОВИЛ:

Рауф Керимов продал свои квартиры №№ 12/13 и 2 в доме № 46 по улице Низами Сабаильского района города Баку Нураддину Салимову на основании договора купли — продажи от 15 марта 2011 года.

Хотя Н.Салимов приобрел право владения и пользования данными квартирами, однако не получил документов, подтверждающих право собственности на них.

Приговором от 18 октября 2016 года Бакинского Суда по Тяжким Преступлениям Р.Керимов признан виновным по ст. ст. 178.3.2, 179.3.2, 213.2.2, 308.2 и 313 Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики, и приговорен к наказанию в виде лишения свободы, а также было принято постановление о конфискации и продаже с открытых торгов квартир №№ 12/13 и 2 в доме № 46 по улице Низами Сабаильского района города Баку, и другого имущества, на которые наложен арест, с целью обеспечения возмещения ущерба, нанесенного гражданским истцам и потерпевшим лицам по делу, с обращением полученных денежных средств, в первую очередь, на погашение задолженности по долгам, и далее — возмещение ущерба, причиненного Открытому Акционерному Обществу “Техникабанк” и Открытому Акционерному Обществу “Юнайтед Кредит Банк”.

Постановлением Уголовной Коллегии Бакинского Апелляционного Суда от 26 июля 2017 года приговор был оставлен без изменения в части возмещения ущерба, нанесенного гражданским истцам и потерпевшим лицам по делу, за счет средств, полученных от конфискации и продажи с открытых торгов недвижимого имущества, принадлежащего Р.Керимову.

После получения информации о конфискации и продаже с открытых торгов квартир №№ 12/13 и 2 в доме № 46 по улице Низами Сабаильского района города Баку, их владелец Н. Салимов обратился к председателю Верховного Суда Азербайджанской Республики (далее — “Верховный Суд”) как заинтересованное лицо, и просил подать представление об отмене постановления Уголовной Коллегии Бакинского Апелляционного Суда от 26 июля 2017 года в части конфискации и продажи с открытых торгов недвижимого имущества, принадлежащего Р. Керимову, с обращением полученных денежных средств на погашение задолженности по долгам и возмещение причиненного ущерба, и передаче дела на новое апелляционное рассмотрение по указанной части.

Постановлением Верховного Суда от 19 марта 2019 года было отказано во внесении представления по основанию истечения срока давности, указанного в ст. 410.1 Уголовно — Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики (далее — “Уголовно — Процессуальный Кодекс”).

В данном постановлении указано, что оспариваемое постановление Уголовной Коллегии Бакинского Апелляционного Суда вынесено 26 июля 2017 года, а заявление о внесении представления поступило в Верховный Суд 30 января 2019 года.

Н.Салимов обратился с жалобой в Конституционный Суд Азербайджанской Республики (далее — “Конституционный Суд”) с просьбой о проведении проверки соответствия постановления Верховного Суда Азербайджанской Республики от 19 марта 2019 года Конституции Азербайджанской Республики (далее — “Конституция”) и ее законам.

Жалоба обоснована тем, что Верховным Судом были неверно применены ст. ст. 1.1, 10.1, 12.1, 18.1, 408.3, 416 и 419 Уголовно — Процессуального Кодекса, тем самым были нарушены права заявителя, предусмотренные частью I ст. 29 и частью I ст. 60 Конституции, а также требования ст. 13 и части III ст. 129.

Пленум Конституционного Суда считает необходимым отметить следующее в связи с жалобой.

Согласно части I ст. 60 Конституции, гарантируется защита прав и свобод каждого в административном порядке и в суде.

Согласно правовой позиции, сформированной Пленумом Конституционного Суда, право на защиту в суде, наряду с нахождением в ряду основных прав и свобод человека и граждан, также выступает и в качестве обеспечения иных прав и свобод, зафиксированных в Конституции. Судебная гарантия определяет, с одной стороны, право каждого на обращение в суд с целью восстановления нарушенных прав и свобод, с другой стороны — обязанность судов рассмотреть данные обращения и принять по ним справедливое решение.

По затронутому в жалобе вопросу необходимо отметить, что защита и гарантия прав и законных интересов лиц, не участвующих в уголовном процессе, также должно осуществляться в соответствии с требованиями правосудия.

Пленум Конституционного Суда в Постановлении от 29 июля 2016 года по жалобе К. Мараева внес ясность в “правовой статус” лица, не привлеченного к участию в деле, права и законные интересы которого затронуты судебным постановлением, подчеркнул необходимость их обеспечения рациональными средствами для восстановления нарушенных прав и свобод.

Согласно ст. 12 Уголовно — Процессуального Кодекса, органы, осуществляющие уголовный процесс, обязаны обеспечивать соблюдение закрепленных Конституцией прав и свобод человека и гражданина для всех лиц, принимающих участие в уголовном процессе. В ходе уголовного процесса каждый имеет право защищать свои закрепленные Конституцией права и обязанности всеми не запрещенными законодательством способами и средствами.

Согласно ст. 408.1 Уголовно — Процессуального Кодекса, кассационная жалоба или кассационный протест могут быть поданы в порядке и в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, на приговоры и постановления, вынесенные судами апелляционной инстанции.

Согласно ст. 408.3 того же Кодекса, Председатель Верховного Суда Азербайджанской Республики по обращению лиц, интересов которых касается приговор или иное итоговое судебное решение, не привлеченных к участию в уголовном деле, вносит представление на приговор или иное итоговое решение суда апелляционной инстанции в соответствии с требованиями, предусмотренными статьями 408.2.4 — 408.2.7, 410, 413 настоящего Кодекса.

Следовательно, при определении круга лиц, обладающих правом обжалования приговора или иного окончательного постановления суда апелляционной инстанции в порядке внесения кассационной жалобы или кассационного протеста, законодатель не ограничился лишь участниками процесса, и отнес к их числу также других лиц, не привлеченных к участию в уголовном деле, интересы которых затрагиваются приговором или иным итоговым решением суда, права и свободы которых были нарушены.

Пленум Конституционного Суда считает, что факт нарушения прав и свобод лиц, не привлеченных к участию в уголовном деле, должен расцениваться как веское основание для обращения к председателю Верховного Суда с целью внесения представления.

Аналогичная правовая позиция прослеживается и в отношении обвиняемого лица в Постановлении Пленума Конституционного Суда от 17 июня 2010 года “О толковании ст. ст. 39.1.5 и 41.2 Уголовно — Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики”.

Статья 408.3 Уголовно — Процессуального Кодекса предусматривает соблюдение требований, предусмотренных статьями 408.2.4 — 408.2.7, 410, 413 настоящего Кодекса для внесения представления на приговор или иное итоговое решение суда. Срок внесения кассационной жалобы или кассационного протеста установлен в ст. 410.1 в следующем порядке:

— на постановления суда апелляционной инстанции, предусмотренные статьями 391.3 (за исключением решения, предусмотренного статьей 391.3.4 настоящего Кодекса) и 520.7 настоящего Кодекса, — в течение 1 (одного) месяца со дня их вынесения;

— на оправдательный приговор либо на судебное постановление о прекращении производства по уголовному делу, материалам упрощенного досудебного производства или жалобе в порядке частного обвинения — в течение 6 (шести) месяцев со дня их вынесения;

— на обвинительный приговор по необходимости применения закона о более тяжком преступлении, чрезмерной мягкости назначенного наказания или иным основаниям, ухудшающим положение осужденного, а равно на судебное постановление о применении принудительных мер воспитательного характера — в течение 12 (двенадцати) месяцев со дня их вынесения;

— на обвинительный приговор по невинности осужденного, основаниям необходимости применения закона о менее тяжком преступлении, а равно на судебное постановление о применении принудительных мер медицинского характера — в течение 18 (восемнадцати) месяцев со дня их вынесения.

Следовательно, в ст. 410 Уголовно — Процессуального Кодекса не установлен отдельный срок для внесения кассационной жалобы или кассационного протеста лицом, не привлеченным к участию в уголовном деле, интересы которого затрагиваются приговором или иным итоговым решением суда.

Следует принять во внимание, что неопределенность правовой нормы, регулирующей соответствующие уголовно — процессуальные отношения, не должно служить основанием для отказа от рассмотрения судом какого — либо законного обращения.

В уголовно — процессуальном законодательстве применение в отношении лиц, не привлеченных к участию в уголовном деле, интересы которых затрагиваются приговором или иным итоговым решением суда, аналогичного срока, применяющегося в отношении участников уголовного процесса, не может считаться соответствующим основным принципам правосудия. Здесь необходимо учесть, что лицо, не привлеченное к участию в уголовном деле, может быть информирован о наличии судебных актов по истечении достаточного времени после их вынесения.

Таким образом, не удовлетворение обращения о внесении представления лиц, не привлеченных к участию в деле, интересы которых затрагиваются приговором или иным итоговым решением суда, только по причине истечения сроков давности, установленных в ст. 410.1 Уголовно — Процессуального Кодекса, может повлечь нарушение права данного лица на судебную защиту, закрепленного в ст. 60 Конституции.

Каждый должен быть убежден в рассмотрении своего заявления или жалоб в установленном процессуальным законом порядке, и вынесении соответствующего обоснованного судебного акта (Постановление Пленума Конституционного Суда от 13 июля 2009 года по жалобе С. Теймуровой).

Судебная защита — важнейший защитный механизм, включающий решение в судебном процессе любого спора, возникшего в связи с правами и свободами каждого. В этом плане, прямое назначение судов заключается в восстановлении нарушенных прав и свобод в ходе осуществления правосудия. Правосудие же осуществляется путем вынесения законного и обоснованного судебного постановления на основании рассмотрения дела в установленном законом порядке (Постановление Пленума Конституционного Суда от 24 декабря 2019

года по жалобе директора предприятия № 18 Производственного Объединения “Азерчорек” Рауфа Эфендиева).

Вынесение постановления, повлекшее нарушение прав и свобод лица без его привлечения к участию в деле, наносит ущерб сути и основным принципам правосудия.

В это связи решение судом вопросов относительно прав и свобод лиц, не привлеченных к участию в деле, ставит под сомнение справедливость судебного разбирательства, рассмотрение споров о правах и свободах каждого самостоятельным и беспристрастным судом в разумные сроки, обеспечение права на всестороннее и открытое рассмотрение дела.

Лицо, не привлеченное к участию в уголовном деле, в отношении которого вынесено постановление, нарушающее его права и свободы, либо возлагающее на него дополнительные обязательства, в любом случае должен быть обеспечен рациональными средствами для восстановления его нарушенных прав. Такое лицо должно иметь право на обжалование судебного акта, вступившего в законную силу, с соблюдением законодательных требований.

На основании изложенного, Пленум Конституционного Суда считает, что было бы целесообразным установить течение сроков для обращения в суд с целью внесения представления лицами, не привлеченными к участию в уголовном деле, интересы которых затрагиваются приговором или иным итоговым решением суда.

Также решающее значение имеет определение начала сроков, установленных в ст. 410 Уголовно — Процессуального Кодекса.

Как правило, лицу известно или должно быть известно о нарушении своего права с момента такого правонарушения. Поэтому начало сроков, установленных в ст. 410 Уголовно — Процессуального Кодекса, необходимо координировать с днем, в который лицу, не привлеченному к участию в уголовном деле, интересы которого затрагиваются приговором или иным итоговым решением суда, стало известно или должно было стать известно о нарушении его права.

Необходимо подчеркнуть, что нарушение права на обращение в суд делает незначительным осуществление права на судебную защиту в целом. Данное право обеспечивает доступ сторон по делу к средствам открытой судебной защиты, и предусматривает наличие эффективных и реальных возможностей для защиты своих прав.

Таким образом, отказ во внесении представления лицами, не привлеченными к участию в уголовном деле, права и законные интересы которых затрагиваются приговором или иным итоговым решением суда по основанию, указанному в ст. 410.1 Уголовно — Процессуального Кодекса, и формальное отношение к данному основанию, чинит препятствие осуществлению гарантии судебной защиты, закрепленной в ст. 60 Конституции.

На основании изложенного Пленум Конституционного Суда приходит к выводу о нижеследующем:

— Следует признать несоответствующим постановление Верховного Суда Азербайджанской Республики от 19 марта 2019 года части I ст. 60 Конституции, пересмотреть его в порядке и сроках, установленных уголовно — процессуальным законодательством Азербайджанской Республики в соответствии с изложенными в Постановлении правовыми позициями.

— Необходимо исчислять начало сроков, установленных в ст. 410 Уголовно — Процессуального Кодекса для обращения лиц, не привлеченных к участию в уголовном деле, права и законные интересы которых затрагиваются приговором или иным итоговым решением суда, в соответствии со ст. 408.3 того же Кодекса, со дня, в который данным лицам стало известно или должно было стать известно о нарушении их права.

Руководствуясь ч. ч. V и IX ст. 130 Конституции Азербайджанской Республики, ст. ст. 52, 62, 63, 65 — 67 и 69 Закона Азербайджанской Республики “О Конституционном Суде”, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Признать несоответствующим постановление Верховного Суда Азербайджанской Республики от 19 марта 2019 года части I ст. 60 Конституции, пересмотреть его в порядке и сроках, установленных уголовно — процессуальным законодательством Азербайджанской Республики в соответствии с изложенными в Постановлении правовыми позициями.

2. Исчислять начало сроков, установленных в ст. 410 Уголовно — Процессуального Кодекса для обращения лиц, не привлеченных к участию в уголовном деле, права и законные интересы которых затрагиваются приговором или иным итоговым решением суда, в соответствии со ст. 408.3 того же Кодекса, со дня, в который данным лицам стало известно или должно было стать известно о нарушении их права.

3. Постановление вступает в силу со дня его опубликования.

4. Опубликовать Постановление в газетах “Азербайджан”, “Республика”, “Халг газети”, “Бакинский рабочий” и в “Сообщении Конституционного Суда Азербайджанской Республики”.

5. Постановление является окончательным и не может быть отменено, изменено или официально истолковано ни один органом или лицом.

РЕЗЮМЕ

решения Конституционного Суда Республики Беларусь

*О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “Об изменении кодексов” от 8 июля 2020 г.
№ Р-1219/2020*

Конституционный Суд рассмотрел в открытом судебном заседании в порядке обязательного предварительного контроля конституционность Закона Республики Беларусь “Об изменении кодексов” (далее — Закон), положениями которого предусматривается использование в хозяйственном, гражданском и уголовном процессах современных информационно — коммуникационных технологий.

1. Конституционный Суд отмечает, что право на судебную защиту (статьи 60 и 115 Конституции, статьи 7, 8 и 10 Всеобщей декларации прав человека, статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах), гарантируя действенное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям законности и справедливости, предполагает наличие эффективных процессуальных механизмов, позволяющих реализовывать это право в полном объеме и одновременно учитывающих критерии процессуальной эффективности и экономии в использовании средств осуществления судебной защиты.

Законом вносятся изменения в ряд процессуальных кодексов: Хозяйственный процессуальный, Гражданский процессуальный, Уголовно — процессуальный кодексы (далее соответственно — ХПК, ГПК, УПК).

Законодатель устанавливает обязательное фиксирование с использованием средств звуко или видеозаписи хода каждого судебного заседания судов первой инстанции, рассматривающих экономические, гражданские и уголовные дела; судебного заседания суда апелляционной инстанции в случае необходимости допроса свидетелей, экспертов, специалистов, участия переводчика по гражданским делам; определяет содержание краткого протокола, протокола судебного заседания и протокола совершения отдельного процессуального действия, а также порядок принесения и рассмотрения замечаний на звуко или видеозапись, краткий протокол, протокол судебного заседания (статьи 1, 2 и 3 Закона).

Конституционный Суд отмечает, что положения Закона, которыми предусматривается использование в судопроизводстве современных информационно — коммуникационных технологий, способствуют достоверному и последовательному отражению хода судебного разбирательства, вынесению законных и обоснованных судебных поста-

новлений в соответствии с исследованными в судебном заседании доказательствами, гарантируют осуществление действенного контроля вышестоящими судебными инстанциями за выполнением судами требований закона при разрешении дел и тем самым обеспечивают реализацию конституционного права каждого на судебную защиту.

2. Законом (статьи 1, 2 и 3) устанавливается, что звуко- или видеозапись хода судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия суда вне заседания ведется непрерывно; электронный носитель информации, содержащий копию звуко- или видеозаписи, приобщается к делу и является неотъемлемой частью краткого протокола (статья 189² ХПК, статья 175 ГПК); звуко или видеозаписи хода судебных заседаний являются источниками доказательств; электронный носитель информации, содержащий копию звуко или видеозаписи хода судебного заседания, приобщается к уголовному делу и является неотъемлемой частью краткого протокола судебного заседания (статья 88, статья 308 УПК).

Конституционный Суд считает, что звук- или видеозапись хода судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия, наряду с кратким протоколом, протоколом судебного заседания, является важным источником информации о ходе рассмотрения дела и об исследовании доказательств, обеспечивающим объективность фиксации судебного разбирательства, а также служит одним из средств проверки и оценки законности, обоснованности и справедливости принятых судами первой инстанции решений по экономическим, гражданским и уголовным делам, установления оснований для отмены или изменения судебных постановлений в апелляционном, кассационном либо надзорном порядке.

С целью обеспечения эффективной реализации конституционного права сторон и лиц, участвующих в процессе, обжаловать решения, приговоры и другие судебные постановления (статья 115 Конституции), наряду с сохранением права лиц, участвующих в деле, подавать замечания на неполноту и имеющиеся неправильности в отношении протокола судебного заседания, Законом предусматривается их право подавать замечания также на звуко или видеозапись и краткий протокол по экономическим и гражданским делам в течение пяти дней после его подписания, по уголовным делам — в течение пяти суток после ознакомления с кратким протоколом, протоколом судебного заседания, со звуко или видеозаписью хода закрытого судебного заседания, получения копии звуко или видеозаписи хода открытого судебного заседания с возможностью продления срока подачи замечаний по ходатайству сторон до десяти суток.

Этому праву корреспондирует обязанность суда в конкретные сроки (от трех до десяти суток в зависимости от вида процесса) рас-

смотреть полученные замечания с вынесением судебного постановления и приобщением замечаний и судебного постановления к краткому протоколу, материалам дела (статья 189³ ХПК, статья 176 ГПК, статьи 309 и 310 УПК).

Предоставление участвующим в экономических и гражданских делах лицам и сторонам в уголовном процессе возможности изложить свою позицию относительно полноты и правильности изложения в протоколе судебного заседания относящихся к делу обстоятельств, по мнению Конституционного Суда, является важной составляющей конституционного права на эффективную судебную защиту.

Конституционный Суд отмечает, что конституционная гарантия защиты прав и свобод каждого компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки (статья 60 Конституции) предполагает соблюдение участниками гражданского, уголовного судопроизводства и судопроизводства по экономическим делам установленных процессуальными законами сроков, что в полной мере относится к определяемым Законом процессуальным срокам подачи замечаний на звуко- или видеозапись, краткий протокол, протокол судебного заседания и рассмотрения таких замечаний судами.

3. В уголовном процессе сторонам предоставляется возможность ознакомления с кратким протоколом, протоколом судебного заседания в полном объеме или с их частями по мере их изготовления. Стороны вправе также ходатайствовать о получении копии звуко- или видеозаписи хода открытого судебного заседания на предоставленном ими электронном носителе информации. Обвиняемому, содержащемуся под стражей, по его ходатайству копия звуко или видеозаписи хода открытого судебного заседания направляется судом по месту его содержания под стражей; в случае рассмотрения дела в закрытом судебном заседании по ходатайству сторон суд обеспечивает возможность ознакомления их со звуко- или видеозаписью хода закрытого судебного заседания (статья 309 УПК).

Оценивая конституционность приведенных норм Закона, Конституционный Суд исходит из взаимосвязанных положений Конституции, согласно которым каждому гарантируется защита его личных неимущественных прав, таких как свобода, неприкосновенность и достоинство личности, личная жизнь, честь и достоинство (статья 25 и 28) пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав (статья 34); слушание дел в закрытом судебном заседании допускается лишь в случаях, определенных законом, с соблюдением всех правил судопроизводства (статья 114).

Положениями международно — правовых актов, в том числе статьей 12 Всеобщей декларации прав человека, предусматривается, что никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию; каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств.

Международным пактом о гражданских и политических правах установлено, что никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию (пункт 1 статьи 17); государства — участники обязаны принять необходимые меры в соответствии со своими конституционными процедурами и положениями этого Пакта для принятия таких законодательных или других мер, которые могут оказаться необходимыми для осуществления прав, признаваемых в данном Пакте (пункт 2 статьи 2).

Конституционный Суд отмечает, что в соответствии с приведенными положениями Конституции и международно — правовых актов законодателем в рамках дискреционных полномочий на основе принципа пропорциональности определяются правовые механизмы, с одной стороны, предусматривающие процессуальные права участников судопроизводства, необходимые для эффективной реализации их конституционного права на судебную защиту, а с другой — устанавливающие ограничения конституционного права на получение и пользование информацией в случае рассмотрения дела в закрытом судебном заседании, необходимые для обеспечения и защиты конституционных прав и свобод других лиц.

4. Конституционный Суд считает, что нормами Закона, предусматривающими внедрение современных информационно — коммуникационных технологий в судопроизводство для обеспечения открытости, доступности и оперативности правосудия, гарантируется наиболее полная и эффективная реализация конституционного права каждого на судебную защиту, а также иных принципов и норм Конституции.

На основании изложенного Конституционный Суд считает, что Закон, предусматривающий использование в хозяйственном, гражданском и уголовном процессах современных информационно — коммуникационных технологий, по содержанию норм, форме акта, разграничению компетенции между государственными органами и порядку принятия соответствует Конституции.

РЕЗЮМЕ

решения Конституционного Суда Республики Беларусь

О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О третейских судах» от 8 июля 2020 г. № Р-1220/2020

Конституционный Суд рассмотрел в открытом судебном заседании в порядке обязательного предварительного контроля конституционность Закона Республики Беларусь “Об изменении Закона Республики Беларусь “О третейских судах”” (далее — Закон), принятие которого обусловлено необходимостью дальнейшего развития и повышения эффективности применения в Республике Беларусь института третейского разбирательства.

При рассмотрении дела Конституционный Суд исходит из следующего.

1. Согласно статье 60 Конституции каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки (статья 60).

Одним из способов реализации конституционного права каждого защищать свои права и свободы от нарушений и противоправных посягательств в сфере гражданско — правовых отношений является обращение в третейский суд.

Возможность передачи на рассмотрение третейскому суду споров признана международно — правовыми актами. Общие принципы рассмотрения споров такими судами определены Европейской конвенцией о внешнеторговом арбитраже от 21 апреля 1961 года, участницей которой является Республика Беларусь, и рекомендованы Арбитражным регламентом Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) от 15 декабря 1976 года.

2. В соответствии с Законом в Закон Республики Беларусь “О третейских судах” (далее — Закон о третейских судах) вносятся изменения, расширяющие полномочия Министерства юстиции в области создания и деятельности третейских судов.

Конституционный Суд отмечает, что Конституция предоставляет законодателю достаточно широкие дискреционные полномочия по регулированию общественных отношений, в том числе связанных с деятельностью третейских судов, определению особенностей правового регулирования, установлению, изменению и ограничению прав, условий и механизмов их реализации, учитывая, что третейский суд осуществляет защиту гражданских прав на основании частноправовой инициативы самих спорящих сторон. Совершенствование правового

механизма гарантирования исполнения третейскими судами требований законодательства способствует обеспечению прав и законных интересов сторон третейского соглашения, укреплению законности и соответствует положениям части пятой статей 13 и 59 Конституции.

Конституционный Суд обращает внимание правоприменителей, что при применении статьи 7 Закона о третейских судах, согласно которой постоянно действующий третейский суд может быть ликвидирован по решению суда за неустранение нарушений, содержащихся в письменном предупреждении, вынесенном в пределах своей компетенции Министерством юстиции, соответствующим главным управлением юстиции, необходимо исходить из ее конституционно — правового смысла, заключающегося в том, что предусмотренная ею санкция — ликвидация постоянно действующего третейского суда за неустранение нарушений, содержащихся в предложении органа юстиции об их устранении, — должна применяться не только по одному такому формальному основанию, как нарушение законодательства о третейских судах и (или) устава либо положения, а в соответствии с общеправовыми принципами юридической ответственности и быть соразмерной допущенным постоянно действующим третейским судом нарушениям и вызванным ими последствиям.

4. Положениями Закона в Закон о третейских судах вносится ряд изменений, касающихся деятельности третейских судей. Так, при формировании состава третейского суда исключается возможность назначения третейских судей для третейского разбирательства председателем постоянно действующего третейского суда; в отличие от действующего правового регулирования они будут избираться только сторонами; исключается требование, предъявляемое к третейским судьям в случае коллегиального разрешения спора, о необходимости наличия у них любого высшего образования и стажа работы по соответствующей специальности не менее трех лет (статья 1 Закона).

Статья 15 Закона о третейских судах, предусматривающая случаи отвода третейского судьи, дополняется положением о том, что отвод третейскому судье может быть заявлен в случае, если его связывают с одной из сторон по рассматриваемому делу отношения брака, родства, усыновления (удочерения), опеки или попечительства.

Конституционный Суд считает, что приведенные нормы Закона обеспечивают независимость и беспристрастность третейского судьи, что является необходимым условием соблюдения принципа справедливого судебного разбирательства, который по смыслу статьи 60 Конституции распространяется как на разбирательство в государственном суде, так и на третейское разбирательство. Такое законодательное регулирование согласуется с положениями Международного пакта о гражданских и политических правах (пункт 1 статьи 14) и Конвенции о

защите прав человека и основных свобод (пункт 1 статьи 6), согласно которым каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым, беспристрастным судом, созданным на основании закона, при соблюдении принципа равенства всех перед судом.

5. Статья 13 Закона о третейских судах дополняется новым положением, предусматривающим, что в целях координации деятельности, обеспечения защиты прав, представления совместных интересов, организации обучения, повышения квалификации, обеспечения издательско — просветительской деятельности без образования коммерческих организаций и (или) участия в них могут создаваться общественные объединения третейских судей в порядке, установленном законодательством об общественных объединениях.

Конституционный Суд считает, что закрепление права на создание общественных объединений третейских судей обусловлено необходимостью обеспечения защиты прав третейских судей, а также повышения их профессионального уровня при осуществлении производства в третейских судах, что отвечает статье 36 Конституции, укрепляет демократические начала правосудия.

7. Законом вносятся изменения в статью 19 Закона о третейских судах, определяющую споры, разрешаемые третейским судом. Так, устанавливается, что третейский суд разрешает любые споры, возникающие между сторонами, заключившими третейское соглашение, за исключением споров, непосредственно затрагивающих права и законные интересы третьих лиц, не являющихся сторонами третейского соглашения, и споров, которые не могут быть предметом третейского разбирательства в соответствии с законодательством Республики Беларусь или законодательством иностранного государства, если применение законодательства иностранного государства предусмотрено третейским соглашением или иным договором между сторонами.

В решении Конституционного Суда от 7 июля 2011 г. “О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О третейских судах”” указано на необходимость при определении компетенции третейских судов исходить из договорной природы третейского суда, что допустимо только в гражданско — правовых отношениях.

Сложность правоотношений, складывающихся в рамках гражданского оборота, создает неопределенность в вопросе о том, является ли спор предметом третейского разбирательства. Статьей 19 Закона о третейских судах не предусматривается, какие конкретно споры между сторонами гражданско — правовых отношений не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда. Такое правовое регулирование

может повлечь неоднозначное понимание норм права и их не единообразное применение и тем самым нарушение конституционных гарантий реализации и защиты прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц.

Конституционный Суд считает, что в целях обеспечения конституционного принципа верховенства права законодателю при дальнейшем совершенствовании законодательства о третейских судах в рамках предоставленной ему дискреции, исходя из необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов, следует определить перечень видов споров, которые не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда в зависимости от их социальной значимости, конкретных условий развития гражданского оборота и социально — экономической системы в целом.

8. Конституционный Суд пришел к выводу, что устанавливаемое законодательное регулирование порядка создания (образования) и деятельности третейских судов, требований, предъявляемых к третейскому соглашению, порядка третейского разбирательства обеспечивает более широкое использование альтернативных способов разрешения споров между субъектами права, реализацию конституционных гарантий равной защиты прав и законных интересов граждан и организаций и соответствует принципам и нормам Конституции.

На основании изложенного Конституционный Суд считает, что Закон, направленный на совершенствование правового регулирования института третейского разбирательства, по содержанию норм, форме акта, разграничению компетенции между государственными органами и порядку принятия соответствует Конституции.

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Конституционного Суда Республики Армения

по делу об определении вопроса соответствия Конституции части 3 статьи 7, частей 3 и 4 статьи 8, части 2 статьи 17, пункта 4 части 1 статьи 19.3 Закона Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения”, части 10 статьи 6, частей 1 и 2 статьи 9, статей 15 и 16, частей 2, 3 и 4 статьи 19, части 1 статьи 22 Закона Республики Армения “О психиатрической помощи”, второго абзаца пункта 4 раздела 6 приложения к тому же закону и части 2 статьи 32 Закона Республики Армения “О правах ребенка” на основании обращения защитника прав человека

город Ереван

17 декабря 2019 г.

Конституционный Суд в составе Г. Товмасына (председательствующий), А. Диланяна, Ф. Тохяна, А. Туняна, А. Хачатряна (докладчик), А. Петросян, с участием (в рамках письменной процедуры): заявителя — Защитника прав человека А. Татояна, привлеченного в качестве стороны — ответчика по делу официального представителя Национального Собрания — начальника Отдела правового обеспечения и обслуживания Аппарата Национального Собрания К. Мовсисяна, согласно пункту 1 статьи 168, пункту 10 части 1 статьи 169 Конституции, части 1 статьи 23 и статьи 68 Конституционного закона “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия Конституции части 3 статьи 7, частей 3 и 4 статьи 8, части 2 статьи 17, пункта 4 части 1 статьи 19.3 Закона Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения”, части 10 статьи 6, частей 1 и 2 статьи 9, статей 15 и 16, частей 2, 3 и 4 статьи 19, части 1 статьи 22 Закона Республики Армения “О психиатрической помощи”, второго абзаца пункта 4 раздела 6 Приложения к тому же Закону и части 2 статьи 32 Закона Республики Армения “О правах ребенка” на основании обращения Защитника прав человека”.

Закон Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения” номер НО — 42 принят Национальным Собранием 4 марта 1996 года, подписан Президентом Республики 4 апреля 1996 года и вступил в силу 16 мая 1996 года.

Содержание оспариваемых норм Закона гласит:

“Статья 7. Право человека на получение сведений о состоянии своего здоровья

(...)

Сведения о состоянии здоровья пациентов, не достигших 18 лет, или пациентов, признанных недееспособными, в установленном законом порядке предоставляются их законным представителям”.

“Статья 8. Согласие на медицинское вмешательство

(...)

Согласие на медицинское вмешательство за пациента, не достигшего 18 лет, или пациента, признанного недееспособным в установленном законом порядке, а также в случаях, когда состояние пациента не позволяет выразить свою волю, дается его законным представителем.

В случае отсутствия законного представителя, если медицинское вмешательство не терпит отлагательства, решение о медицинском вмешательстве, исходя из интересов пациента, принимается совещанием врачей (консилиумом), а в случае невозможности этого — врачом”.

“Статья 17. Отказ от медицинского вмешательства

(...)

Факт отказа от медицинского вмешательства с указанием возможных его последствий регистрируется в медицинских документах и заверяется пациентом или его законным представителем”.

“Статья 19.3. Обязанности медицинских работников

1. Медицинские работники обязаны:

(...)

4) информировать пациента и (или) его законного представителя о результатах исследований, касающихся его здоровья, диагнозе и методах лечения заболевания, о связанных с этим рисках, возможных вариантах медицинского вмешательства, последствиях и результатах лечения.

(...)”.

Закон Республики Армения “О психиатрической помощи” номер НО — 80 — N принят Национальным Собранием 25 мая 2004 года, подписан Президентом Республики 19 июня 2004 года и вступил в силу 30 августа 2004 года.

Содержание оспариваемых норм Закона гласит:

“Статья 6. Права лиц с психическими расстройствами

(...)

10. Право на обращение в психиатрическую организацию для лечения, обследования и выписки, а также права, предусмотренные пунктами 12 — 13 и 18 части 3 настоящей статьи, осуществляются законным представителем ребенка с психическим расстройством”.

“Статья 9. Внебольничная психиатрическая помощь и диспансерное наблюдение

1. Исходя из медицинских показаний, психиатрические организации в случае обращения лица, страдающего психическим расстройством, или его законного представителя амбулаторно предоставляют лицу медицинскую консультацию, проводят освидетельствование либо диагностику или лечение.

2. Лицу с хроническими психическими расстройствами на основании его заявления или заявления его законного представителя предоставляется диспансерная внебольничная психиатрическая помощь, куда входят учет и постоянное наблюдение, и лечение или социальная реабилитация либо психиатрическое освидетельствование. (...).”

“Статья 15. Согласие на лечения

1. Лечение лица с психическим расстройством проводится на основании его письменного заявления или письменного заявления его законного представителя, за исключением случаев, предусмотренных в части 3 настоящей статьи.

2. Врач обязан предоставить лицу, страдающему психическим расстройством, или его законному представителю информацию о характере психического расстройства, цели предлагаемого лечения, методологии, продолжительности, а также побочных эффектах и ожидаемых результатах. По предоставленной информации в медицинской документации (в амбулаторной карте или в истории болезни) делается запись.

3. Лечение лица, страдающего психическим расстройством, может проводиться без его согласия или согласия его законного представителя только при применении предусмотренных законом принудительных мер медицинского характера, а также при недобровольной госпитализации”.

“Статья 16. Отказ от лечения

1. Лицо, страдающее психическим расстройством, или его законный представитель имеют право отказаться от предлагаемого лечения или прекратить его, за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи 15 настоящего Закона.

2. Лицу, отказывающемуся от лечения, либо его законному представителю должны быть разъяснены возможные последствия прекращения лечения. 3. Отказ от лечения с указанием сведений о возможных последствиях прекращения лечения оформляется записью в медицинской документации за подписью отказавшегося от лечения лица или его законного представителя и врача — психиатра”.

“Статья 19. Психиатрическое обследование

(...)

2. Врач, проводящий психиатрическое обследование, обязан представиться обследуемому или его законному представителю как психиатр и сообщать о характере и последствиях обследования.

3. Психиатрическое обследование проводится с согласия обследуемого или его законного представителя после предоставления им полной информации о состоянии больного и характере обследования.

4. Психиатрическое обследование может быть проведено без согласия обследуемого или его законного представителя только в тех случаях, когда обследуемый, исходя из его психического состояния, не может свободно выражать свою волю и не имеет законного представителя”.

“Статья 22. Порядок недобровольной госпитализации

1. Лицо, страдающее психическим расстройством, может быть госпитализировано без его согласия или без согласия его законного представителя после обязательного обследования психиатрической комиссией, если:

- 1) представляет опасность для себя или окружающих лиц, или
- 2) непроведение или прекращение лечения может привести к ухудшению здоровья больного.

(...)”.

Приложение

VI. Уведомление лиц, страдающих психическими расстройствами, об их правах в психических организациях.

4. (...)

Лечащий врач или врач приемного отделения либо заведующий отделением делает записать в медицинской карте лица, страдающего психическим расстройством, за его подписью или подписью его законного представителя (если лицо признано недееспособным или ограничено дееспособным или если лицо является несовершеннолетним)”.

Закон Республики Армения “О правах ребенка” номер НО — 59 принят Национальным Собранием 29 мая 1996 года, подписан Президентом Республики 31 мая 1996 года и вступил в силу 27 июня 1996 года.

Содержание оспариваемых норм Закона гласит:

“Статья 32. Защита прав ребенка в специальных воспитательных или психиатрических учреждениях

(...)

Ребенок может быть госпитализирован в психиатрическое учреждение без согласия законного представителя только по решению суда в случаях и порядке, предусмотренных законом.

(...)”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде 30 мая 2019 года обращение Защитника прав человека.

Изучив обращение, письменное объяснение стороны — ответчика, проанализировав касающиеся настоящего дела законы, а также другие имеющиеся в деле документы, Конституционный Суд

УСТАНОВИЛ:

1. Позиции заявителя

Заявитель считает, что несовершенство оспариваемых правовых регулирований ставит под угрозу ряд основополагающих конституционных прав детей и недееспособных лиц с ограниченными возможностями, обусловленными их личностными особенностями.

Согласно заявителю, законодательные положения, являющиеся предметом рассмотрения в той части, по которой не учитывают мнение недееспособных совершеннолетних лиц по вопросам осуществления медицинского вмешательства в отношении них или их лечения, фактически предусматривают возможность без согласия лица, на основании заявления его законного представителя подвергать человека медицинскому вмешательству, оказывать медицинскую помощь и услуги, организовывать и осуществлять лечение лиц с проблемами психического здоровья, внебольничные медицинские консультации, освидетельствование, диагностику и лечение, а также диспансерное наблюдение и внебольничную психиатрическую помощь и психиатрическое обследование. То есть в качестве условия для согласия лица на медицинское вмешательство вполне достаточно согласия законного представителя без реального, осознанного волеизъявления того человека, в отношении которого будет проводиться медицинское вмешательство.

Заявитель также утверждает, что нет четкого разделения, в каких именно случаях лечение проводится с письменного согласия лица с психическим расстройством, а в каких случаях — с письменного согласия его законного представителя.

В дополнение к вышеизложенному заявитель также отмечает, что даже на уровне законодательного принципа не закреплено, что желательно получение согласия признанного недееспособным лица как пациента непосредственно подвергающегося влиянию медицинского вмешательства: отсутствует какой — либо механизм вовлечения таких пациентов в медицинский процесс в соответствии с их восприятием и способностью принимать решения, между тем, согласно заявителю, закрепление на законодательном уровне в силу факта недееспособности лица согласия его законного представителя как косвенного волеизъявления лица позволяет избежать требования реализации

пациентом своих прав лично и выражения личного согласия или несогласия.

По мнению заявителя, оспариваемые регулирования в аспекте принудительной госпитализации лица в психиатрическое учреждение не обеспечивают права, гарантированные статьями 25 — 29 Конституции и статьями 3 и 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Заявитель считает, что помимо ознакомления законного представителя недееспособного пациента с информацией о состоянии здоровья пациента или с другой медицинской информацией, проблематичным является и то, что согласно действующим правовым регулированиям, факт отказа от медицинского вмешательства с указанием возможных последствий фиксируется в медицинской документации и заверяется пациентом или его законным представителем, а также об объяснении лицу, страдающему психическим расстройством, его прав лечащий врач или врач приемного отделения либо заведующий отделением делает записать в медицинской карте лица, страдающего психическим расстройством, за его подписью или подписью его законного представителя (если лицо признано недееспособным или ограниченно дееспособным или если лицо является несовершеннолетним).

Согласно заявителю, получается, что если лицо признано недееспособным или ограниченно дееспособным, то с состоянием здоровья, а также с правами последнего знакомят не его, а его законного представителя, то есть основная составляющая информированного согласия пациента, а именно быть уведомленным об этом, уже игнорируется в силу закона, в результате чего во всех вышеупомянутых случаях мнения лиц с проблемами психического здоровья не принимается во внимание при принятии решения относительно них. Согласно заявителю, в отношении совершеннолетнего недееспособного лица мера защиты может быть установлена только с его полного и добровольного согласия. В тех случаях, когда необходимо установление защитной меры, она должна соответствовать степени недееспособности лица и быть приспособленной к индивидуальным обстоятельствам и потребностям лица, по возможности необходимо определить прошлые и настоящие желания и чувства лица, которые должны быть учтены и удостоены уважения.

Подводя итог вышеизложенному, заявитель считает, что оспариваемые правовые регулирования:

- в аспекте принудительной госпитализации лица в психиатрическое учреждение не гарантируют закрепленное статьей 27 Конституции право на личную свободу;
- подлежат оспариванию с точки зрения принципа соразмерности, установленного статьей 78 Конституции, поскольку ограничения в указанных регулированиях не равноценны ограничиваемому основному праву и не вытекают из его цели;

- проблематичны с точки зрения статьи 80 Конституции, поскольку по разным причинам полностью лишают лиц с инвалидностью возможности осуществлять свои права, в том числе вообще не позволяют им участвовать в вопросах, связанных с лишением их свободы или медицинским вмешательством и лечением;

- будучи проблематичными с двух точек зрения, нарушают установленное статьей 25 Конституции право на психическую неприкосновенность, которое является одним из основных прав человека и суть которой незыблема, более того, согласно статье 75 Конституции для осуществления основных прав и свобод законами устанавливаются организационные механизмы и процедуры, необходимые для их эффективного осуществления;

- проблематичны с точки зрения статьи 81 Конституции, поскольку противоречат ряду международных правовых актов и правовым позициям Европейского суда по правам человека.

В части неучета мнения несовершеннолетних в вопросах, связанных с медицинским вмешательством и их лечением, заявитель констатирует, что в рамках осуществления права на защиту здоровья несовершеннолетних с проблемами психического здоровья Закон Республики Армения “О психиатрической помощи” предусматривает возможность без получения согласия на то лица на основании заявления его законного представителя проводить лечение, обследование, производить выписку, а также давать согласие и на любом этапе отказываться от методов и средств лечения (пункт 10 статья 6). В соответствии с действующими регулированиями без учета мнения или согласия лица, не достигшего 18 лет, с согласия его законного представителя предусмотрена возможность подвергать лицо медицинскому вмешательству. В случае невозможности получения согласия законного представителя или его отсутствия может возникнуть тупиковая ситуация.

Заявитель констатирует, что в результате вышеперечисленные основополагающие права могут быть осуществлены законным представителем ребенка без выслушивания ребенка и учета его мнения.

Анализируя закрепленное в части 2 статьи 32 Закона Республики Армения “О правах ребенка” положение, согласно которому ребенок может быть госпитализирован в психиатрическое учреждение без согласия законного представителя только по решению суда в случаях и порядке, предусмотренных законом, заявитель считает, что для лечения несовершеннолетних требуется только согласие законного представителя и госпитализация несовершеннолетнего не становится предметом судебного контроля, независимо от возраста последнего, его способности выражать свое мнение и деятельности законного представителя в интересах несовершеннолетнего, в результате чего для стационарного обследования и лечения достаточно только согласия законного представителя несовершеннолетнего.

Кроме того, заявитель отмечает, что право на получение информации, являющееся важнейшим предусловием для того, чтобы ребенок был заслушан, ограничено Законом Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения”, в части 3 статьи 7 которого императивно установлено, что сведения о состоянии здоровья пациентов, не достигших 18 лет, предоставляются их законным представителям, следовательно, не предусмотрена возможность предоставления этой информации пациентам, именно вследствие чего нарушается конституционное право ребенка быть услышанным.

В дополнение к вышеизложенному заявитель считает, что вопрос неконституционности регулирований, ограничивающих права совершеннолетних недееспособных лиц, с той же неправомерной логикой закреплён также в случае несовершеннолетних, между тем как, согласно заявителю, в отношении детей должны применяться не только конституционные и международно — правовые всеобщие гарантии обеспечения прав личности, но и касающиеся детей особые принципы — требования учета приоритета наилучших интересов ребенка, того, чтобы он был услышанным и его развивающихся возможностей.

Подводя итог представленным позициям, заявитель констатирует, что оспариваемые законодательные регулирования относительно несовершеннолетних противоречат не только конституционным правам, гарантированным каждому, но и статье 37 Конституции, согласно которой ребенок имеет право свободно выражать свое мнение, которое в соответствии с возрастом и уровнем зрелости ребенка учитывается в касающихся его вопросах. В вопросах, касающихся ребенка, интересам ребенка должно быть уделено первоочередное внимание.

2. Позиции ответчика

Ответчик считает, что настоящий конституционно — правовой спор следует рассматривать в контексте конституционно — правовых требований в отношении права на физическую и психическую неприкосновенность, личной свободы, защиты личных данных, прав ребенка, принципов соразмерности и определенности.

Согласно ответчику, законодатель, установив оспариваемые регулирования, прежде всего взял за основу право на личную свободу и неприкосновенность, где в качестве правовой базы признал тот наиболее важный правовой компонент, что право на личную свободу и неприкосновенность является физической свободой человека — естественным правом человека с момента рождения, в более широком смысле — физической и духовно — нравственной неприкосновенностью человека.

По мнению ответчика, законодатель, установив рамки соответствующих полномочий, осуществляемых законным представителем вместо лица, признанного недееспособным или ограниченно дееспособным,

собным (в том числе ребенка), в связи с состоянием здоровья последнего, в частности, закрепил принцип, по которому представители лиц (в том числе ребенка) с проблемами психического здоровья руководствуются исключительно первоочередностью интересов и прав этого лица.

Ответчик констатирует, что законодатель четко установил, что ребенок может быть госпитализирован в психиатрическое учреждение без согласия законного представителя только по решению суда в случаях и порядке, предусмотренных законом.

Следовательно, оспариваемые правовые положения, по убеждению ответчика, созвучны правовым составляющим как принципа определенности правового акта, так и принципов соразмерности и предсказуемости.

Сравнивая правовые позиции, изложенные в Постановлениях Конституционного Суда ПКС — 827 и ПКС — 913, ответчик считает очевидным, что применив ограничения к лицу, признанному недееспособным или ограниченно дееспособным (с согласия его представителя), с целью его лечения, учредитель Конституции в то же время предоставил выбор форм лишения свободы в целях и по основаниям в нем отраженных на усмотрение законодателя, никоим образом не предопределяя, какие процедурные меры применимы в каждом конкретном случае или для достижения конкретной цели.

Следовательно, по убеждению ответчика, правовые положения, ставшие предметом настоящего конституционно — правового спора, созвучны и вытекают из конституционноправовых требований физического и психического иммунитета, личной свободы, прав ребенка, принципов пропорциональности и определенности.

3. Позиции Правительства Республики Армения

Обращаясь к анализу оспариваемых правовых регулирований, Правительство констатировало: "... поднятые в обращении вопросы приемлемы для Правительства РА. В частности, участие в реализации прав несовершеннолетних, имеющих проблемы с психическим здоровьем, или недееспособных лиц на получение информации о состоянии своего здоровья или на дачу согласия на медицинское вмешательство или отказ от него нельзя обуславливать их статусом, однако исходя из особенностей их статуса, необходимо установить четкие регулирования".

Одновременно в объяснении Правительства говорится: "Министерство здравоохранения в настоящее время внесло в Правительство законопроект о внесении изменения в Закон Республики Армения "О медицинской помощи, обслуживании населения", и рассматривается вопрос о закреплении в указанном законопроекте механизмов судебного контроля в случае госпитализации в психиатрическое учреждение

и лечения недееспособных лиц и несовершеннолетних с учетом их мнения и с согласия их законного представителя”.

В выводах объяснения Правительство констатировало: “... В законопроекте о внесении изменения в Закон Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения”, уже предусмотрено право ребенка, достигшего 16 лет, на информированное согласие при наличии определенных условий”.

4. Обстоятельства, подлежащие установлению в рамках дела

Конституционный Суд констатирует, что оспариваемые по настоящему делу нормы непосредственно касаются основных прав, закрепленных в статьях 25 и 37 Конституции, — правомерности ограничения права на физическую и психическую неприкосновенность и надлежащего осуществления права ребенка свободно выражать свое мнение.

В связи с этим в рамках настоящего дела Конституционный Суд, оценивая конституционность оспариваемых норм, считает необходимым, в частности, выяснить следующее: гарантируют ли оспариваемые правовые регулирования с точки зрения статей 25 и 37 Конституции право на физическую и психическую неприкосновенность и право ребенка свободно выражать свое мнение?

4.1. Конституционный Суд считает необходимым обратиться к части 3 статьи 7, частям 3 и 4 статьи 8, части 2 статьи 17, пункту 4 части 1 статьи 19.3 Закона Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения”, части 10 статьи 6, частям 1 и 2 статьи 9, статьям 15 и 16, частям 2, 3 и 4 статьи 19, части 1 статьи 22 Закона Республики Армения “О психиатрической помощи”, к второму абзацу пункта 4 раздела 6 Приложения к тому же Закону и части 2 статьи 32 Закона Республики Армения “О правах ребенка” в рамках контент — анализа правовых регулирований, установленных частями 1 и 2 статьи 25 и частью 1 статьи 37 Конституции, исходя из общей логики реализации прав лица с его согласия на медицинское вмешательство и на получение информации о состоянии своего здоровья, соблюдения требований по обеспечению для несовершеннолетних и лиц, признанных недееспособными, информированного добровольного согласия и надлежащего участия в проводимом в отношении них медицинском вмешательстве, а также требования надлежащего гарантирования прав ребенка с психическим расстройством, с тем условием, что возраст и уровень зрелости ребенка, характер его психического расстройства, а также характер психического расстройства лица, признанного недееспособным, позволяют, чтобы указанные лица могли выразить свою волю и осознавали характер и последствия проводимого медицинского вмешательства.

Согласно частям 1 и 2 статьи 25 Конституции “1. Каждый имеет право на физическую и психическую неприкосновенность. 2. Право на физическую и психическую неприкосновенность может быть

ограничено только законом — в целях государственной безопасности, предупреждения или раскрытия преступлений, защиты общественного порядка, здоровья и нравственности или основных прав и свобод других лиц”.

Таким образом, любое вмешательство в указанное право может иметь место исключительно по основаниям, предусмотренным в части 2 статьи 25 Конституции с соблюдением требования соразмерности подобного вмешательства. Во всех остальных случаях медицинское вмешательство может проводиться только с согласия лица, подвергающегося подобному вмешательству.

Конституционное требование осуществлять медицинское вмешательство вправо на физическую и психическую неприкосновенность исключительно с согласия лица, подвергаемого подобному вмешательству, относится к тем случаям, когда лицо осознает состояние своего психического здоровья, четко понимает и предвидит возможные последствия для своего психического здоровья в случае медицинского вмешательства или невмешательства.

Ситуация меняется, когда лицо из — за определенных проблем с психическим здоровьем полностью или в некоторой степени не способно осознавать свое психическое состояние, четко понимать и предвидеть возможные последствия для его психической неприкосновенности в случае медицинского вмешательства или невмешательства. В таких ситуациях лицо не может самостоятельно и полноценно осуществлять свои основные права, и вместо него эти права осуществляет законный представитель. Однако полное осуществление законным представителем прав лица с проблемами психического здоровья не может считаться оправданным во всех тех случаях, когда лицо не полностью лишено способности осознавать состояние своего психического здоровья, четко понимать и предвидеть возможные последствия в случае медицинского вмешательства или невмешательства и влияния этого на его психическое здоровье.

То есть в случае необходимости медицинского вмешательства и посягательства на психическую неприкосновенность, задачей законного представителя должно быть содействие лицу, имеющему **проблемы с психическим здоровьем, в той мере, в какой последний не способен осознавать состояние своего психического здоровья, четко понимать и предвидеть возможные последствия в случае медицинского вмешательства или невмешательства и влияния этого на его психическое здоровье.**

4.2. Согласно части 1 статьи 37 Конституции “ребенок имеет право свободно выражать свое мнение, которое в соответствии с возрастом и уровнем зрелости ребенка учитывается в касающихся его вопросах”. Учредитель Конституции поставил четкое требование,

чтобы гарантировать правовую возможность свободного выражения ребенком своего мнения по любому вопросу. Однако это мнение в соответствии с возрастом и уровнем зрелости ребенка обязательно должно учитываться только в тех случаях, когда вопрос касается именно ребенка.

То есть из конституционной формулировки “в соответствии с возрастом и уровнем зрелости ребенка” следует, что степень, в которой мнение ребенка является решающим, зависит от конкретных обстоятельств: от возраста и уровня зрелости ребенка, который может отличаться у разных людей. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо оценить возраст и уровень зрелости ребенка, чтобы можно было оценить его способность осознавать свое психическое здоровье, четко понимать и предвидеть возможные последствия в случае медицинского вмешательства или невмешательства и влияния этого на его психическую неприкосновенность.

При регулировании права на психическую неприкосновенность лиц, в установленном законом порядке признанных недееспособными или не достигших 18 лет, законы должны устанавливать организационные механизмы и процедуры, необходимые для эффективного осуществления этого права, с учетом того, чтобы не нарушить являющееся частью принципа соразмерности ограничения прав требование необходимости избранных для ограничения мер для достижения цели, установленной Конституцией.

Все вышеперечисленные требования должны быть выполнены в контексте реализации как права лица быть подвергнутым медицинскому вмешательству с его согласия, так и права лица на получение сведений о состоянии своего здоровья.

4.3. Особенности правовой защиты признанных недееспособными лиц с проблемами психического здоровья, в том числе детей, отводится важное значение также в ряде международных правовых документов.

Так, в Приложении к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН номер 46/119 от 17 декабря 1991 года “Защита психически больных лиц и улучшение психиатрической помощи” установлены принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи, которые непосредственно касаются основных вопросов предмета рассмотрения.

В соответствии с ними, в частности:

а) не допускается никакой дискриминации на основании психического заболевания, исключается любое отличие, исключение или предпочтение, следствием которого является отмена или затруднение равного пользования международно признанными гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными правами (Принцип 1);

б) уход за каждым пациентом и его лечение обсуждается с пациентом и регулярно пересматривается (Принцип 9);

в) лечение каждого пациента должно быть направлено на сохранение и развитие автономности личности (Принцип 9);

г) никакое лечение не может назначаться пациенту без его осознанного согласия, за исключением особо установленных случаев (Принцип 11);

д) любой пациент, содержащийся в психиатрическом учреждении, имеет право на полное уважение его повсеместного признания в качестве субъекта права (Принцип 13);

е) пациент, его законный представитель и опекун должны иметь право присутствовать на любом слушании, участвовать в нем и быть заслушанными (Принцип 18);

ж) каждый пациент (в том числе и бывший пациент) имеет право подать жалобу в соответствии с процедурами, определенными во внутригосударственном законодательстве (Принцип 21).

В то же время необходимо учитывать, что согласно Принципу 23 указанной Резолюции, государства должны осуществлять настоящие Принципы с помощью соответствующих законодательных, судебных и административных мер, мер в области образования и других мер, которые они периодически пересматривают.

Эти фундаментальные подходы лежат также в основе Конвенции ООН от 13 декабря 2006 года “О правах инвалидов”. В частности, согласно пункту d) статьи 25 указанной Конвенции, государства обязаны предоставлять инвалидам, в том числе лицам с психическими и интеллектуальными нарушениями, медицинские услуги на основе их свободного и информированного согласия.

Выполнение требований упомянутых и иных норм Конвенции подразумевает, что государства в рамках предоставления психиатрических услуг обязаны посредством законодательных реформ обеспечить инвалидам возможность принимать решения на основе их свободного и информированного согласия.

Отдельные регулирования международной правовой защиты прав признанных недееспособными лиц, имеющих проблемы с психическим здоровьем, в том числе детей, закреплены в актах Парламентской Ассамблеи и Комитета министров Совета Европы. В частности, согласно пункту 17 рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 8 октября 1977 года номер 818 (1977) “О положении психически больных”, лицо, проходящее лечение по причине психического заболевания, имеет право быть выслушанным.

А в рекомендации Комитета министров Совета Европы от 23 февраля 1999 года номер R(99) 4 “Относительно принципов правовой защиты совершеннолетних недееспособных лиц” установлены прин-

ципы правовой защиты совершеннолетних недееспособных лиц. Согласно упомянутым принципам, в частности:

1) меры правовой защиты совершеннолетних недееспособных лиц не должны автоматически лишать лицо права выражать согласие или отказываться от любого вмешательства в области здоровья или возможности принимать иные решения личного характера в любое время, когда лицо способно совершать такие действия (Принцип 3);

2) мера защиты может назначаться при полном и свободном согласии совершеннолетнего недееспособного лица (Принцип 5);

3) в тех случаях, где необходимо применение меры защиты, она должна быть пропорциональна степени дееспособности лица и соответствовать его индивидуальным обстоятельствам и потребностям (Принцип 6);

4) при назначении или осуществлении меры защиты совершеннолетнему недееспособному лицу необходимо, насколько это возможно, выяснять его прошлые и настоящие желания и чувства, а также учитывать и уважать таковые;

5) лицо, представляющее интересы либо оказывающее помощь совершеннолетнему недееспособному лицу, должно предоставить ему должную информацию, в особенности в отношении любых важных решений, затрагивающих его интересы, для того, чтобы заинтересованное лицо могло выразить свое мнение (Принцип 9);

6) в тех случаях, когда пациент, даже при условии применения к нему меры защиты, фактически обладает способностью дать свободное информированное согласие на конкретное вмешательство в сфере здоровья, такое вмешательство может осуществляться только на основе его согласия. Согласие должно испрашиваться лицом, уполномоченным на осуществление вмешательства (Принцип 22);

7) в тех случаях, когда пациент фактически не обладает способностью дать свободное информированное согласие на конкретное вмешательство, осуществление такого вмешательства, тем не менее, возможно при условии, что оно осуществляется ради его непосредственной пользы, и получено согласие его представителя, органа или лица, предусмотренного законом (Принцип 22);

8) если государство не применяет положения Принципа 22, необходимо, тем не менее, приложить усилия, чтобы получить согласие такого совершеннолетнего лица, если оно фактически обладает способностью дать его (Принцип 23).

Помимо этого, согласно рекомендации Комитета министров Совета Европы от 22 февраля 1983 года номер R (83) 2 по правовой защите недобровольно госпитализированных лиц с психическими расстройствами, был выдвинут тот подход, что данные лица имеют право

быть незамедлительно проинформированными о своих правах. В частности:

а) пациент должен иметь право опротестовать решение относительно госпитализации в психиатрическую больницу, более того, лицо, обязанностью которого является ухаживать за пациентом, чтобы решить, стоит ли обращаться в суд или нет, должно быть назначено соответствующими властями без ограничения права подать прошение от любого другого заинтересованного лица (пункт 2 статьи 4);

б) в психиатрическом учреждении лицу должна быть обеспечена возможность быть персонально заслушанным судьей, даже в тех случаях, когда лицо помещается в данное учреждение на ограниченный срок, и необходимость этого должна периодически пересматриваться (пункт 3 статьи 4);

в) пациент с обоснованной периодичностью может требовать пересмотра судом необходимости помещения в психиатрическое учреждение. В то же время Помещение может быть прервано в любой момент решением врача или компетентного органа власти, действующего по собственной инициативе, или по запросу пациента или другого заинтересованного лица (статья 8).

Еще в одной рекомендации Комитета министров Совета Европы номер R(2004) 10 “Относительно защиты прав человека и достоинства лиц с психическим расстройством: установлено:

1) люди с психическими расстройствами должны иметь возможность осуществлять все свои гражданские и политические права. Любое ограничение на осуществление этих прав должно соответствовать положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод и не должно быть основано исключительно на том факте, что лицо страдает психическим расстройством (часть 2 статьи 4);

2) при принятии решения о госпитализации и лечении (принудительном или непринудительном) несовершеннолетнего необходимо учитывать мнение самого несовершеннолетнего и рассматривать его как фактор, значение которого растет в зависимости от его возраста и уровня зрелости (часть 2 статьи 29).

Таким образом, в контексте оспариваемых правовых регулирований Конституционный Суд констатирует, что сопоставительный анализ регулирований, закрепленных в вышеупомянутых международно — правовых документах, свидетельствует, что:

1) нормативные регулирования, гарантирующие основное право на физическую и психическую неприкосновенность, должны быть направлены на создание предпосылок надлежащей реализации права лица на медицинское вмешательство с его согласия и права лица на получение информации о состоянии своего здоровья;

2) на основании эффективной реализации права на доступ к медицинской информации в ходе осуществления в отношении несовершеннолетних и признанных недееспособными лиц медицинского вмешательства должно быть гарантировано их надлежащее участие при строгом соблюдении требования их информированного согласия;

3) в рамках медицинского вмешательства права ребенка с психическим расстройством должны быть надлежащим образом гарантированы законом, если возраст ребенка и характер психического расстройства позволяют ему выразить свою волю и осознать природу и последствия осуществляемого в отношении него медицинского вмешательства.

Несмотря на то, что вышеупомянутые международно — правовые документы отмечают важность право признанного недееспособным лица с проблемами психического здоровья, в том числе ребенка, быть услышанным, когда лицо фактически способно дать согласие на медицинское вмешательство, тем не менее в контексте упомянутых международно — правовых актов особое значение отводится также праву того лица быть услышанным, получение согласия которого на основании его фактической неспособности дать согласие, не является обязательным, но в этом случае для надлежащей реализации его прав обязательным условием является принятие во внимание желания и мнения, выраженных им ранее.

Обращаясь к национальному опыту по обеспечению надлежащего участия несовершеннолетних и признанных недееспособными лиц в ходе осуществления в их отношении медицинского вмешательства с их информированного согласия, Конституционный Суд выделяет следующие критерии, установленные Европейским судом по правам человека:

а) факт недееспособности не обязательно означает, что он не способен реально воспринимать свое состояние (Постановление от 27 июня 2008 года по делу *Shtukaturov v. Russia*, жалоба номер 44009/05, §108);

б) любое средство защиты, по возможности, должно отражать желания лиц, способных выразить свою волю. Игнорирование их мнения может привести к злоупотреблению правами уязвимых лиц и к препятствующим этому ситуациям. Именно поэтому без предварительной консультации с заинтересованным лицом любое примененное средство, как правило, потребует тщательного изучения (Постановление от 17 января 2012 года по делу *Stanev v. Bulgaria*, жалоба номер 36760/06, § 153);

в) в некоторых ситуациях желания людей с психическими расстройствами могут быть на законных основаниях заменены желаниями другого человека, действующего в контексте способа

защиты, и иногда сложно оценить реальные желания или предпочтения заинтересованных лиц (Постановление от 17 января 2012 года по делу *Stanev v. Bulgaria*, жалоба номер 36760/06, § 130);

г) участие в судебном процессе через законного представителя не дает лицу полной гарантии реализации этого права, и лицо становится полностью зависимым от своего законного представителя (Постановление от 14 февраля 2012 года по делу *D.D. v. Lithuania*, жалоба номер 13469/06, § 166);

д) несмотря на факт признания лица недееспособным и на обстоятельство лишения его свободы по требованию его представителя, если человек может высказать свое мнение, ему необходимо предоставить возможность оспорить в суде правомерность лишения его свободы посредством отдельного юридического представительства (Постановление от 14 февраля 2012 года по делу *D.D. v. Lithuania*, жалоба номер 13469/06, § 166);

е) чтобы лишение свободы лица с психическими проблемами было законным, необходимо выполнение трех основных требований: а) лишение свободы лиц с психическими расстройствами допускается только в том случае, если психическое расстройство констатируется на основании объективных критериев, связанных со здоровьем; б) если больной, в зависимости от характера или тяжести психического расстройства, представляет серьезную опасность для других людей или существует угроза для него самого; в) лишение свободы может продолжаться только до тех пор, пока сохраняется обосновывающее его психическое расстройство (Постановление от 24 октября 1979 года по делу *Winterwerp v. The Netherlands*, жалоба номер 6301/73);

ж) ограничения в отношении недееспособных лиц не должны вести к искажению сути права: подобные ограничения должны преследовать правомерную цель, а также необходим разумный баланс между применяемыми средствами и преследуемой целью (Постановление от 2 мая 2013 года по делу *Zagidullina v. Russia*, жалоба номер 11737/06).

4.4. Из комплексного анализа оспариваемых положений и закрепляющих их законов следует:

1) законодательные формулировки касаются несовершеннолетних и детей в возрасте до 18 лет, в установленном законом порядке признанных недееспособными, а также лиц с психическими расстройствами, которые наделены правами лично или посредством законного представителя получать информацию о состоянии своего здоровья и лечении, обращаться с просьбой о медицинском вмешательстве, соглашаться на медицинское вмешательство или отказываться от него;

2) сведения о состоянии здоровья больных, не достигших 18 лет, или больных, признанных недееспособными в установленном законом

порядке, предоставляются исключительно их законным представителям (часть 3 статьи 7 Закона Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения”);

3) согласие на медицинское вмешательство за больного, не достигшего 18 лет, или больного, признанного недееспособным в установленном законом порядке, а также в случаях, когда состояние больного не позволяет выразить свою волю, дается его законным представителем (часть 3 статьи 8 Закона Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения”);

4) в случае отсутствия законного представителя несовершеннолетнего или лица, признанного недееспособным, решение о медицинском вмешательстве, исходя из интересов больного, принимается совещанием врачей (консилиумом), а в случае невозможности этого — врачом (часть 4 статьи 8 Закона Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения”);

5) факт отказа от медицинского вмешательства регистрируется в медицинских документах и заверяется больным или его законным представителем (часть 2 статьи 17 Закона Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения”);

6) медицинские работники обязаны информировать пациента и (или) его законного представителя о его здоровье или о медицинском вмешательстве и ходе лечения (пункт 4 части 1 статьи 19.3 Закона Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения”);

7) право на лечение, обследование ребенка с психическим расстройством и обращение в психиатрическую организацию предоставлено его законному представителю, а вопросы, связанные с лечением или отказом от лечения, должны быть согласованы с ребенком или его законным представителем (часть 10 статьи 6, части 1 — 2 статьи 9, статьи 15, 16 Закона Республики Армения “О психиатрической помощи”);

8) психиатрическое обследование или уведомление о правах обследуемого может осуществляться без согласия обследуемого либо с согласия обследуемого или его законного представителя (части 3 — 4 статьи 19 Закона Республики Армения “О психиатрической помощи”, второй абзац пункта 4 раздела VI Приложения);

9) лицо, страдающее психическим расстройством, может быть госпитализировано психиатрической комиссией без его согласия или согласия его законного представителя, если представляет опасность для себя или других лиц, либо непроведение лечения или прекращение лечения может ухудшить здоровье больного (часть 1 статьи 22 Закона Республики Армения “О психиатрической помощи”);

10) ребенок может быть госпитализирован в психиатрическое учреждение без согласия законного представителя только по решению

суда в случаях и порядке, предусмотренных законом (часть 2 статьи 32 Закона Республики Армения “О правах ребенка”).

Анализирую соответствующие нормы законов, регулирующих отношения, связанные с определением условий согласия на предоставляемую несовершеннолетним или лицам, признанным недееспособными, медицинскую помощь и услуги, а также регулирующих их волеизъявление в процессе оказания психиатрической помощи или согласие на медицинское вмешательство, Конституционный Суд отмечает, что в рамках относимого законодательства **пациенты, не достигшие 18 лет или признанные недееспособными в установленном законом порядке, в аспекте проведения медицинского вмешательства приравниваются к пациентам, чье состояние не позволяет им выражать свою волю, и вместо них согласие дают их законные представители.**

С другой стороны, следует подчеркнуть, что законодатель не рассматривал лиц моложе 18 лет или лиц, признанных недееспособными в установленном законом порядке, как пациентов, состояние которых не позволяет им выражать свою волю. То есть согласно этой логике, хотя состояние лица и может позволить ему выразить свою волю, однако в силу того факта, что ему меньше 18 лет или что оно признано недееспособным в установленном законом порядке, лицо лишается возможности выразить свою волю. Между тем такой чисто механический подход не может соответствовать вышеупомянутым конституционным требованиям.

Кроме того, в соответствии с законодательством Республики Армения лица в возрасте до 18 лет могут иметь определенные права и обязанности. Так, например, в рамках уголовного законодательства уголовная ответственность за некоторые преступления наступает с 14 лет, а в рамках гражданского законодательства несовершеннолетние в возрасте до 14 лет имеют право совершать определенные операции; несовершеннолетний, достигший 16-летнего возраста, может быть признан полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору или если с согласия родителей, усыновителей или опекунов занимается предпринимательской деятельностью, а в тех случаях, когда закон разрешает вступать в брак до восемнадцати лет, лицо, достигшее шестнадцати лет, может приобрести полную дееспособность.

В то же время Конституционный Суд отмечает, что хотя требование предоставления признанному недееспособным совершеннолетнему лицу медицинской помощи и услуг, а также принятие во внимание воли последнего в процессе оказания ему психиатрической помощи и закреплено законодательно, однако на практике это часто не учитывается в силу определенной законом альтернативы, например, по согласию законного представителя лица, в качестве достаточного условия, в случае несовершеннолетнего или пациента, признанного

недееспособным в установленном законом порядке, или в тех случаях, когда состояние пациента не позволяет ему выразить свою волю.

Кроме того, в оспариваемых положениях условие согласия лица на медицинское вмешательство удовлетворяется согласием его законного представителя, без реального, осознанного волеизъявления пациента. Эти положения закрепляют безотлагательные случаи в тех обстоятельствах, когда речь идет о лечении признанных недееспособными, страдающих психическими расстройствами лиц, о медицинских консультациях или медицинской экспертизе либо диагностики или лечении в психиатрических учреждениях во внебольничной форме, об амбулаторной внебольничной психиатрической помощи по заявлению лица или его законного представителя.

То есть на практике не предусмотрено, в каких случаях лечение осуществляется с письменного согласия лица, страдающего психическим расстройством, и в каких случаях с письменного согласия его законного представителя. **Оспариваемые положения не устанавливают никакого механизма для того, чтобы согласие пациента стало преимущественным и чтобы сделать его участником медицинского процесса, и данное вместо лица согласие законного представителя само по себе считается достаточным требованием.** Хотя на практике это правовое требование и удовлетворяется, однако подобное регулирование проблематично с точки зрения гарантирования основных прав лица.

Конституционный Суд констатирует, что ни одно из закрепленных в части 2 статьи 25 Конституции оснований ограничения основного права на психическую неприкосновенность не может быть достаточным и необходимым условием для ограничения основного права на психическую неприкосновенность. Так, государственная безопасность, предупреждение или раскрытие преступлений, защита общественного порядка, здоровья и нравственности или основных прав и свобод других лиц никоим образом не могут оправдывать отсутствие требования согласия лица и (или) предоставление преимущества его законному представителю, следовательно, нет никакого конституционного основания для ограничения основного права лица на психическую неприкосновенность в соответствии с указанными целями.

Что касается ограничения права лица на психическую неприкосновенность исходя из соображений защиты здоровья других лиц, то Конституционный Суд считает, что именно с этой целью нужно не ограничивать получение информированного согласия лица, а оно должно быть гарантировано во всех случаях, когда лицо способно осуществить это право самостоятельно. Обуславливание вмешательства в его психическое здоровье этим согласием само по себе не предполагает, что, если в соответствии с пунктом 6 части 1 статьи 27 Конституции лицо имеет психическое расстройство и от него исходит опас-

ность, то в установленном законом порядке оно не может быть лишено личной свободы.

Кроме того, Конституционный Суд считает, что привлечение законного представителя оправдано только принципом субсидиарности, то есть если носитель права на психическое здоровье фактически не способен самостоятельно осуществлять свое основное право на психическую неприкосновенность. Это может включать в себя также случаи, когда лицо хотя и имеет возможность осуществлять свое право под собственную ответственность, однако этим он сам неизбежно может нанести вред своему психическому здоровью.

Конституционный Суд считает, что в каждом конкретном случае необходима надлежащая профессиональная оценка относительно психического здоровья человека и его способности самостоятельно осуществлять свое основное право. Что касается закрепленного в части 1 статьи 37 Конституции основного права ребенка на свободное выражение своего мнения по связанным с ним вопросам, то его реализация обусловлена исключительно возрастом и уровнем зрелости ребенка. Поэтому во всех тех случаях, когда ребенок может самостоятельно реализовать свое основное право на психическую неприкосновенность, а его возраст и уровень зрелости позволяют учитывать его мнение по связанным с ним вопросам, закон должен создать необходимые предпосылки для того, чтобы его мнение было учтено, а привлечение законного представителя, как и в случае с совершеннолетними лицами, должно осуществляться на основании принципа субсидиарности.

Таким образом, Конституционный Суд считает необходимым констатировать, что:

1) часть 3 статьи 7, части 3 и 4 статьи 8 Закона Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения” постольку, поскольку с точки зрения требования получения информированного согласия не обеспечивают надлежащее участие несовершеннолетних и признанных недееспособными лиц в проводимых в отношении последних медицинских мероприятиях, то и не гарантируют право упомянутых лиц на доступность к медицинской информации о своем состоянии;

2) часть 10 статьи 6 Закона Республики Армения “О психиатрической помощи” надлежащим образом не обеспечивает основное право детей с психическими расстройствами на психическую неприкосновенность, если возраст ребенка и характер психического расстройства позволяют ему выразить свою волю и осознать характер и последствия проводимого в отношении него медицинского вмешательства;

3) часть 2 статьи 32 Закона Республики Армения “О правах ребенка” не обеспечивает обязательного согласия ребенка при его госпитализации в психиатрическое учреждение в том случае, когда возраст

и психическое здоровье ребенка позволяют последнему выразить свою волю.

Следовательно, вышеупомянутые правовые положения противоречат правам, закрепленным в частях 1 и 2 статьи 25 и в части 1 статьи 37 Конституции, ограничивая основное право на психическую неприкосновенность на не предусмотренных Конституцией основаниях, а также необоснованно ограничивая основное право ребенка на свободное выражение своего мнения.

4.5. Что касается оспариваемого правового регулирования, закрепленного статьей 17 Закона Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения”, то Конституционный Суд констатирует, что в рамках упомянутого регулирования в части подтверждения факта отказа от медицинского вмешательства пациенту или его законному представителю была предоставлена надлежащая возможность. А согласно статье 19.3 того же Закона пациент и (или) его законный представитель должны быть проинформированы о результатах исследований, касающихся здоровья пациента, о диагнозе и методах лечения заболевания, о связанных с этим рисках, возможных вариантах медицинского вмешательства, последствиях и результатах лечения.

Вышеизложенное относится также к частям 1 и 2 статьи 9, статьям 15 и 16, частям 2, 3 и 4 статьи 19 и части 1 статьи 22 Закона Республики Армения “О психиатрической помощи” и второму абзацу пункта 4 раздела 6 Приложения к упомянутому Закону, так как в силу упомянутых регулирований в рамках процесса осуществления медицинского вмешательства в отношении лица с психическим расстройством учитывается мнение этого лица или его законного представителя.

В то же время Конституционный Суд считает, что в рамках отказа от медицинского вмешательства, информирования лица о результатах исследований, касающихся его здоровья, о диагнозе и методах лечения заболевания, о связанных с этим рисках, возможных вариантах медицинского вмешательства, последствиях и результатах лечения и процесса осуществления медицинского вмешательства в отношении лица с психическим расстройством, в ходе применения статей 17 и 19.3 Закона Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения”, а также частей 1 и 2 статьи 9, статей 15 и 16, частей 2, 3 и 4 статьи 19 и части 1 статьи 22 Закона Республики Армения “О психиатрической помощи” и второго абзаца пункта 4 раздела 6 Приложения к упомянутому Закону необходимо обеспечить, чтобы согласие лица имело приоритет над согласием его законного представителя.

В то же время, учитывая тот факт, что предпочтение следует отдавать мнению того несовершеннолетнего, чей возраст позволяет

ему выражать свою волю, а также обеспечить приоритет в предоставлении несовершеннолетнему информации о его здоровье, в правоприменительной практике необходимо исключить проблемные ситуации с точки зрения права на физическую и психическую неприкосновенность несовершеннолетних. На основании изложенного Конституционный Суд считает, что до того, как законодатель посредством внесения соответствующих изменений установит организационные механизмы и процедуры, необходимые для эффективного осуществления прав лиц в возрасте до 18 лет или лиц, признанных недееспособными в установленном законом порядке, оспариваемые правовые положения должны применяться таким образом, чтобы учитывалась воля лиц в возрасте до 18 лет или лиц, признанных недееспособными в установленном законом порядке, **в соответствии со способностью осознания состояния своего психического здоровья, осознания и предвидения возможных последствий медицинского вмешательства или отказа от него** как в случае необходимости медицинского вмешательства, так и в случае необходимости получения информации относительно состояния своего здоровья.

Исходя из результатов рассмотрения дела и принимая за основание пункт 1 статьи 168, пункт 10 части 1 статьи 169 и статью 170 Конституции, статьи 63, 64 и 68 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд

ПОСТАНОВИЛ:

1. Часть 3 статьи 7, части 3 и 4 статьи 8 Закона Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения” признать противоречащими статье 25 Конституции постольку, поскольку они не обеспечивают надлежащее участие несовершеннолетних и признанных недееспособными лиц в проводимых в отношении последних медицинских мероприятиях, не устанавливают требование получения информированного согласия, а также не гарантируют право упомянутых лиц на доступность к медицинской информации об их состоянии.

2. Часть 10 статьи 6 Закона Республики Армения “О психиатрической помощи” признать противоречащей статьям 25 и 37 Конституции постольку, поскольку она надлежащим образом не обеспечивает основное право детей с психическими расстройствами на психическую неприкосновенность, когда возраст ребенка и характер психического расстройства позволяют ему выразить свою волю и осознать характер и последствия проводимого в отношении него медицинского вмешательства.

3. Часть 2 статьи 32 Закона Республики Армения “О правах ребенка” признать противоречащей статьям 25 и 37 Конституции постольку, поскольку в ней не закреплено обязательное согласие

ребенка при его госпитализации в психиатрическое учреждение в тех случаях, когда возраст и психическое здоровье ребенка позволяют последнему выразить свою волю.

4. Часть 2 статьи 17 и пункт 4 части 1 статьи 19.3 Закона Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения” соответствуют Конституции в том толковании, что в части подтверждения факта отказа от медицинского вмешательства, а также информирования лица о результатах исследований, касающихся его здоровья, о диагнозе и методах лечения заболевания, о связанных с этим рисках, возможных вариантах медицинского вмешательства, последствиях и результатах лечения согласие лица должно быть в приоритете.

5. Части 1 и 2 статьи 9, статьи 15 и 16, части 2, 3 и 4 статьи 19, часть 1 статьи 22 Закона Республики Армения “О психиатрической помощи” и второй абзац пункта 4 раздела 6 Приложения к упомянутому Закону соответствуют Конституции в том толковании, что в рамках процесса медицинского вмешательства получение согласия лица с психическим расстройством должно быть приоритетным.

6. Принимая за основание часть 3 статьи 170 Конституции, пункт 4 части 9 и часть 19 статьи 68 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, а также учитывая то обстоятельство, что на момент оглашения настоящего Постановления признание части 3 статьи 7, частей 3 и 4 статьи 8 Закона Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения”, части 10 статьи 6 Закона Республики Армения “О психиатрической помощи” и части 2 статьи 32 Закона Республики Армения “О правах ребенка” противоречащими Конституции и недействительными неизбежно создаст для государства или общества такие тяжелые последствия, которые нарушат устанавливаемую отменой данного нормативно — правового акта в этот момент правовую безопасность, а именно возникнет такой пробел в правовом регулировании, который станет препятствием для предоставления медицинской помощи и обслуживания несовершеннолетних и признанных недееспособными лиц, окончательным сроком утраты силы положений, признанных настоящим Постановлением противоречащими Конституции, установить 1 июня 2020 года, предоставив Национальному Собранию возможность привести правовые регулирования Закона Республики Армения “О медицинской помощи, обслуживании населения”, Закона Республики Армения “О психиатрической помощи” и Закона Республики Армения “О правах ребенка” в соответствие с требованиями настоящего Постановления.

7. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Р Е Ш Е Н И Е

Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики

*по делу о проверке конституционности части 4 статьи 106
Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики
в связи с обращением Швайберова Сергея Анатольевича*

город Бишкек

16 сентября 2020 г.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в составе: председательствующего — Дуйшеева К.А., судей Бобукеевой М.Р., Жумабаева Л.П., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Осмонбаева Э.Ж., Саалаева Ж.И., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Лобановой Ж.А., с участием:

обращающейся стороны — Швайберова Сергея Анатольевича;
стороны — ответчика — Ишекеевой Нурзаады Назаркуловны, Орозобек уулу Максата, представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по доверенности;

иных лиц — Букамбаевой Айсулуу Жаныбаевны, представителя Аппарата Президента Кыргызской Республики, Искакова Эркина Бакбуровича, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Токторова Элдара Майрамбековича, представителя Правительства Кыргызской Республики по доверенности, Курманбаевой Аиды Маратовны, представителя Министерства юстиции Кыргызской Республики по доверенности;

руководствуясь частями 1, 6 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 18, 19, 37, 42 конституционного Закона “О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики”, рассмотрела в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности части 4 статьи 106 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Поводом к рассмотрению данного дела явилось ходатайство Швайберова С.А.

Основанием к рассмотрению данного дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Кыргызской Республики часть 4 статьи 106 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Заслушав информацию судьи — докладчика Саалаева Ж.И., проводившего подготовку дела к судебному заседанию, исследовав представленные материалы, Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики

УСТАНОВИЛА:

В Конституционную палату Верховного суда Кыргызской Республики 5 августа 2019 года поступило ходатайство Швайберова С.А. о проверке соответствия части 4 статьи 106 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики части 1 статьи 5, части 1 статьи 6, абзацам первому, второму части 2, части 3 статьи 16, частям 1, 2, 3, пунктам 3, 8 части 5 статьи 20, части 1 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики.

Из ходатайства следует, что заявитель, как участник Общества с ограниченной ответственностью “GIT for EP” (далее – ОсОО “GIT for EP”), обратился в Межрайонный суд города Бишкек с иском о признании недействительным решения Межрайонного суда города Бишкек от 14 января 2019 года об исключении из состава участников ОсОО “GIT for EP” Лазаревой Марины Аркадьевны. В своем исковом заявлении заявитель указал, что Лазарева М.А. с момента создания не принимала участия в деятельности общества. В 2009 году через месяц после создания общества Лазарева М.А. отказалась оплачивать учредительный взнос, взяв на себя обязательство выйти из общества и оформить все надлежащим образом. Для этого она взяла оригинал Свидетельства о государственной регистрации, но не выполнила своих обязательств, а с 2016 года прилагает усилия для ликвидации общества, создает препятствия его деятельности, распространяет информацию негативного характера об обществе, наносит ущерб чести, достоинству и деловой репутации общества и лично заявителю. К данному исковому заявлению субъект обращения приложил ходатайство об отсрочке уплаты государственной пошлины, ссылаясь на часть 1 статьи 106 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики, регламентирующую право лица, подающего жалобу, ходатайствовать об отсрочке уплаты государственной пошлины.

14 января 2019 года Межрайонный суд города Бишкек вынес определение о возврате искового заявления, сославшись на часть 4 статьи 106 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики, исключающую возможность отсрочки и рассрочки уплаты государственной пошлины юридическим лицам и гражданам, осуществляющим предпринимательскую деятельность.

Не согласившись с вышеуказанным определением суда, Швайберов С.А. подал 24 января 2019 года частную жалобу на указанное определение суда.

Судебная коллегия по административным и экономическим делам Бишкекского городского суда 13 февраля 2019 года отменила вышеуказанное определение Межрайонного суда города Бишкек и направила дело на новое рассмотрение в Межрайонный суд города Бишкек.

Не согласившись с вышеуказанным определением суда, Лазарева М.А. подала кассационную жалобу в Верховный суд Кыргызской Республики.

Судебная коллегия по административным и экономическим делам Верховного суда Кыргызской Республики 16 апреля 2019 года своим постановлением отменила определение судебной коллегии Бишкекского городского суда от 13 февраля 2019 года и оставила в силе определение Межрайонного суда города Бишкек от 14 января 2019 года.

Заявитель отмечает, что судебная коллегия Верховного суда Кыргызской Республики, используя другие основания для принятия решения и выйдя за пределы доводов жалобы Лазаревой М.А., подтвердила законность определения Межрайонного суда города Бишкек от 14 января 2019 года, вынесенного на основании части 4 статьи 106 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Субъект обращения считает, что согласно части 1 статьи 5 Конституции, государство и его органы служат всему обществу, а не какой — то его части. Вместе с тем, оспариваемой нормой из общества исключаются предприниматели в части подачи ходатайства об отсрочке или рассрочке уплаты государственной пошлины и возможность предоставления таковых судом.

Кроме того, Швайберов С.А. указывает, что оспариваемая им норма действует самостоятельно и находится в противоречии с частью 1 статьи 6 Конституции, которая устанавливает, что Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие в Кыргызской Республике.

При этом заявитель считает, что данная норма нарушает требования абзацев первого, второго части 2, части 3 статьи 16 Конституции, определяющих права и свободы человека и гражданина, как высших ценностей государства, и устанавливающих недопустимость дискриминации по какому — либо признаку и равенство перед законом и судом.

Швайберов С.А. отмечает, что оспариваемая им норма ограничивает доступ к правосудию, на судебную защиту, равно как и на повторное рассмотрение дела вышестоящим судом для субъектов предпринимательства, что, по его мнению, нарушает требования частей 1, 2, 3, пунктов 3, 8 части 5 статьи 20 Конституции, предусматривающих недопустимость принятия законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина, возможности ограничения указанных прав только в целях, предусмотренных Конституцией, недопустимости ограничения права на судебную защиту и права на пересмотр дела вышестоящим судом.

С учетом изложенного, заявитель просит признать оспариваемую норму противоречащей Конституции Кыргызской Республики.

Постановлением Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 28 октября 2019 года ходатайство было принято к производству.

В судебном заседании Швайберов С.А. поддержал свои требования и просит их удовлетворить.

Представитель стороны — ответчика Орозобек уулу Максат считает доводы заявителя несостоятельными по следующим основаниям.

Статьи 105, 106 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики предусматривают два института, которые направлены на обеспечение полного доступа к правосудию: институт освобождения от уплаты государственной пошлины, институт отсрочки и рассрочки от уплаты государственной пошлины.

Кроме того, Конституция Кыргызской Республики провозглашает в статье 103, что правосудие отправляется бесплатно в предусмотренных законом случаях, а также в любом случае, когда участвующие в судебном разбирательстве лица предъявляют доказательства, что не имеют достаточных средств для его ведения.

В то же время, в отношении института отсрочки и рассрочки от уплаты государственной пошлины в отличие от института освобождения от ее уплаты в Конституции Кыргызской Республики не существует каких — либо установлений. В связи с чем, он считает, что определение порядка предоставления отсрочки и рассрочки от уплаты государственной пошлины является дискрецией законодателя.

По мнению представителя стороны — ответчика, сущность государственной пошлины заключается в том, что органы государственной власти Кыргызской Республики по роду своей деятельности обязаны оказывать ряд услуг юридическим и физическим лицам за плату в порядке, установленном законодательством о неналоговых доходах.

Согласно статье 98 Конституции Кыргызской Республики государство должно обеспечивать финансирование и надлежащие условия для функционирования судов и деятельности судей. Финансирование судов производится за счет средств республиканского бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия. При этом, согласно статье 47 Бюджетного кодекса Кыргызской Республики в республиканский бюджет поступает, в том числе, государственная пошлина.

Представитель стороны — ответчика также отметил, что в правовой позиции Конституционной палаты, изложенной в ее решении от 24 января 2018 года, взыскание государственной пошлины при обращении в суд преследует, в том числе, компенсационную цель, заключающуюся в обеспечении возмещения части государственных средств, выделяемых на содержание судебной системы.

Законодатель, предусмотрев льготы в виде возможности предоставления судом отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины до одного года только для определенных субъектов обраще-

ния, однако установил, что такая льгота не распространяется на юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

По утверждению Орозобек уулу Максата, законодатель, устанавливая в рамках своих дискреционных полномочий изъятия из общих правил для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, исходил из того, что эти лица, являясь субъектами предпринимательства, имеют возможность оплатить государственную пошлину на этапе обращения в суд и не нуждаются в предоставлении отсрочки или рассрочки до одного года. При установлении льгот по отсрочке или рассрочке уплаты государственной пошлины не преследовалась цель дискриминировать юридические и физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность по признаку имущественного или иного положения, или поставить их в неравное положение по сравнению с другими лицами, либо иным образом ограничить их права и свободы, предусмотренные Конституцией. Наоборот, ставилась задача оказать поддержку лицам с низким материальным и имущественным положением. Законодатель руководствовался необходимостью реализации социальных функций государства (статья 1 Конституции).

Кроме того, оспариваемая норма, предоставляя повышенные гарантии более уязвимым лицам с низким материальным и имущественным положением, была направлена на достижение большей социальной справедливости в вопросах обеспечения доступа к правосудию.

Также, по его мнению, согласно части 2 статьи 16 Конституции не являются дискриминацией специальные меры, установленные законом и направленные на обеспечение равных возможностей для различных социальных групп в соответствии с международными обязательствами. В связи с чем указанные законодательные меры не могут расцениваться как дискриминация юридических и физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность по признаку имущественного положения.

Второй представитель стороны — ответчика Ишекеева Н.Н. поддержала доводы Орозобек уулу Максата.

Представитель Аппарата Президента Кыргызской Республики Букамбаева А.Ж. отмечает, что согласно статье 103 Конституции правосудие отправляется бесплатно в предусмотренных законом случаях, а также в любом случае, когда участвующие в судебном разбирательстве лица предъявляют доказательства, что не имеют достаточных средств для его ведения.

Статьей 141 Кодекса Кыргызской Республики “О неналоговых доходах” приведен перечень физических и юридических лиц, которые освобождены от уплаты государственной пошлины в зависимости от

характера подаваемых исковых заявлений, в том числе некоммерческие и общественные организации, которые в качестве своей деятельности не имеют цели извлечения прибыли.

Как отмечает Букамбаева А.Ж., при рассмотрении заявления об отсрочке или рассрочке уплаты государственной пошлины суд учитывает имущественное положение заявителя. Имущественное положение лица следует понимать как отсутствие у заинтересованной стороны возможности уплаты государственной пошлины в установленном размере при подаче искового заявления или жалобы. Принимая оспариваемую норму, законодатель исходил из целей защиты прав и свобод большинства граждан, которые не занимаются предпринимательской деятельностью. При этом субъекты предпринимательства наделены специальными правами по организации хозяйственной деятельности с целью извлечения дохода. Их положение в этой части несравнимо с положением простых граждан при разрешении споров в суде. Указанное допускается частью 2 статьи 20 Конституции, установившей, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Конституцией и законами в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц. А вводимые ограничения должны быть соразмерными указанным целям.

Представитель Аппарата Президента Кыргызской Республики считает, что субъекты права при равных условиях должны находиться в равном положении, если же условия не являются равными, законодатель вправе устанавливать для них различный правовой статус. Конституционный принцип, предполагающий равный подход к формально равным субъектам, не обуславливает необходимость предоставления одинаковых гарантий лицам, относящимся к разным категориям, а равенство перед законом не исключает фактических различий и необходимости их учета законодателем.

Она считает, что участие заявителя в судебных процессах на всех трех стадиях судебного производства в судах общей юрисдикции показывает, что учредитель и само юридическое лицо пользовались всеми правами, предоставленными им Конституцией и законами, включая право на доступ к правосудию и судебную защиту.

С учетом изложенного, представитель Аппарата Президента Кыргызской Республики просит принять обоснованное решение.

Представитель Верховного суда Кыргызской Республики Исков Э.Б. также выразил мнение о конституционности оспариваемой нормы.

Он считает, что права физических лиц на отсрочку и рассрочку уплаты государственной пошлины не могут быть поставлены в рав-

ные условия с правами юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность, учитывая род их деятельности.

Кроме того, вопрос о нераспространении на юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность рас-срочки и отсрочки уплаты государственной пошлины при обращении в суд по гражданским делам является дискрецией законодателя, которая вытекает из конституционных норм, и не является нарушением права на доступ к правосудию и, как следствие, не ограничивает право лица на судебную защиту и право на повторное рассмотрение дела вышестоящим судом.

Представитель Правительства Кыргызской Республики Токторов Э.М. отмечает, что изменения, предусматривающие осуществление оплаты государственной пошлины при подаче иска в суд внесены во избежание предъявления необоснованных исков и жалоб, а также в целях исключения загруженности исполнительного производства по взысканию государственных пошлин.

Он считает, что утверждения обращающейся стороны о нарушении части 1 статьи 5 Конституции являются следствием неверного понимания определения и понятия общества.

Кроме того, в положениях Конституции отсутствуют нормы, регламентирующие деятельность юридических лиц и граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью, в связи с чем оспариваемая норма не может нарушать часть 1 статьи 6 Конституции.

По мнению Токторова Э.М., приведенные в ходатайстве доводы относительно дискриминационного характера оспариваемой нормы, а также установление ограничительных мер не состоятельны. Дискриминация представляет собой предвзятое и неравное отношение к лицу или лицам по признаку пола, расы, языка, инвалидности, этнической принадлежности, вероисповедания, возраста, политических или иных убеждений, образования, происхождения, имущественного или иного положения, а также других обстоятельств. Ограничений конституционных прав и свобод в данном случае не усматривается.

Право на судебную защиту, предусмотренное частью 1 статьи 40 Конституции обстоятельствами, изложенными в ходатайстве заявителя, не нарушается, так как юридическое лицо должно быть финансово обеспечено для осуществления гражданских правоотношений, в том числе готово оплатить государственную пошлину. В целом обращение Швайберова С.А. содержит больше вопросов правоприменительного характера.

В связи с вышеизложенным Токторов Э.М. считает, что оспариваемая норма не противоречит Конституции.

Представитель Министерства юстиции Кыргызской Республики Курманбаева А.М. отмечает, что согласно действующему правовому

регулированию ставки государственной пошлины дифференцированы в зависимости от цены иска и характера заявленных требований. Ставки государственной пошлины по делам, рассматриваемым судами, различаются не только по видам юридически значимых действий, но и по характеру заявленных исковых требований, а также имеют определенную градацию. Наличие градации и случаев освобождения, отсрочки, рассрочки говорит о том, что государственная пошлина учитывает необходимые особенности и возможности лиц, подающих такие исковые заявления, и, соответственно, подразумевает наличие достаточной меры обеспечения доступности правосудия.

В связи вышеизложенным, Курманбаева А.М. считает, что оспариваемая заявителем норма не противоречит Конституции Кыргызской Республики.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики, обсудив доводы сторон, выслушав пояснения иных лиц и исследовав материалы дела, пришла к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 19 конституционного Закона “О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики” Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики по данному делу является часть 4 статьи 106 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики, следующего содержания:

“Статья 106. Отсрочка и рассрочка уплаты государственной пошлины

4. Положения настоящей статьи не распространяются на юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность.”.

Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 25 января 2017 года №14 был принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете “Эркин Тоо” от 2 февраля 2017 года №12 — 13, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Конституция Кыргызской Республики провозглашает, что общественная и правовая жизнь в стране базируется на принципе равенства всех перед законом и судом. Никто не может подвергаться дискриминации по признаку пола, расы, языка, инвалидности, этнической принадлежности, вероисповедания, возраста, политических или иных убеждений, образования происхождения, имуществ-

венного или иного положения, а также других обстоятельств (части 2, 3 статьи 16).

В этой связи установление социальной справедливости в обществе является стержневой задачей органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц, выполнение которой требует внедрения во все сферы жизнедеятельности человека принципа всеобщего равенства. Это означает признание равной ценности каждой личности, предоставление индивидам равных возможностей в приобретении одинакового по объему и содержанию прав и обязанностей, а также способов их реализации и защиты.

В соответствии с правовой позицией Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики, выраженной в решениях от 7 октября 2014 года, 22 февраля 2017 года, 19 апреля 2017 года конституционный принцип равенства всех перед законом и судом должен пониматься, прежде всего, как требование антидискриминационного характера, предполагающее недопустимость установления в законе какого — либо различия, исключения или предпочтения, основанного на обстоятельствах, ведущих к нарушению равенства правовых возможностей человека и гражданина в различных сферах его общественной и личной жизни.

Соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (решения Конституционной палаты от 11 мая 2016 года, от 17 февраля 2017 года).

3. Конституционный принцип равенства всех перед законом и судом имеет непосредственное отношение и к реализации конституционной гарантии права на судебную защиту (статья 40 Конституции), о чем неоднократно Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики отмечала в своих решениях. Так, в Решении от 16 января 2019 года была выражена правовая позиция о том, что равенство всех перед законом и судом проявляется в единстве права, которое применяется одинаково ко всем субъектам процессуальных правоотношений и в общем смысле гарантирует право равного доступа к суду и равенства состязательных возможностей и обеспечивает, чтобы обращение со сторонами в таких разбирательствах было свободным от какой бы то ни было дискриминации. Эта гарантия запрещает также любые различия в отношении доступа к судам, не основанные на законе и не могущие быть оправданными по объективным и разумным основаниям.

Судебная защита является базисом правового и демократического государства, поскольку позволяет обеспечить, а в случае необходи-

мости, восстановить гарантированные Конституцией Кыргызской Республики все другие права и свободы человека и гражданина. В этой связи, среди функций институтов государства обеспечение эффективного и справедливого правосудия должно занимать центральное место, как самый действенный механизм восстановления в правах. При этом судебная защита невозможна в условиях ее недоступности, поэтому вопросы доступа к правосудию не могут рассматриваться в отрыве от права на судебную защиту.

Таким образом, законодатель, располагая достаточной свободой усмотрения при регулировании способов и процедур судебной защиты, тем не менее, обязан предоставить участникам судопроизводства равные возможности как при обращении в суд, так и при использовании процессуальных средств защиты.

Следует особо отметить, что конституционный принцип о беспрепятственном доступе к правосудию признан международным сообществом в качестве фундаментального права каждого.

4. Гарантируя каждому судебную защиту прав и свобод, Конституция Кыргызской Республики одновременно предусматривает, что процессуальные права участников судебного процесса, а также порядок их осуществления определяются законом (часть 5 статьи 99). Тем самым, учитывая специфику отправления правосудия, предполагается, что заинтересованные лица вправе обратиться в суд за защитой нарушенного права либо охраняемого законом интереса в строго установленном порядке. При этом принятые законодателем требования при обращении в суд должны быть обязательны для всех обращающихся в равной степени и, во всех случаях, не должны создавать необоснованных препятствий в доступности правосудия.

В целях достижения баланса между предоставлением возможности каждому обратиться за судебной защитой, с одной стороны, и обеспечением эффективной деятельности судов, с другой, законодателем был использован правовой механизм, предусматривающий уплату государственной пошлины. Еще одной целью введения такого платежа является необходимость предотвращения обращений в суд с заведомо необоснованными требованиями.

В соответствии с правовой позицией, выраженной Конституционной палатой Верховного суда Кыргызской Республики в Решении от 24 января 2018 года взыскание государственной пошлины преследует компенсационную и превентивную цели. Если компенсационная цель обеспечивает возмещение части государственных средств, выделяемых на содержание судов, то превентивная, в свою очередь, предупреждает неосновательные обращения в суд и побуждает лиц к добровольному исполнению обязанностей перед управомоченными лицами. В то же время, государственная пошлина в рамках

гражданского судопроизводства не должна быть чрезмерной или неразумной, чтобы не нарушать принцип доступности правосудия.

5. В соответствии со статьей 103 Конституции Кыргызской Республики правосудие отправляется бесплатно в предусмотренных законом случаях, а также в любом случае, когда участвующие в судебном разбирательстве лица предъявляют доказательства, что не имеют достаточных средств для его ведения.

Тем самым, Конституция Кыргызской Республики требует, чтобы неплатежеспособность заинтересованного лица никак не препятствовала реализации им права на судебную защиту. Основной Закон, таким образом обозначив первостепенность доступности правосудия, относит имущественное положение заинтересованного лица к оценочной категории, соответственно, подлежащей оценке со стороны судов в каждом конкретном случае, а не посредством императивного правового регулирования.

Из указанного также следует, что цель взимания государственной пошлины, как возмещения части государственных средств, потраченных на содержание органов правосудия, не может быть приоритетной. Подтверждением тому являются и установления части 1 статьи 98 Конституции Кыргызской Республики, согласно которой государство обеспечивает финансирование и надлежащие условия для функционирования судов и деятельности судей. Финансирование судов производится за счет средств республиканского бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия.

Реализуя конституционные положения о доступности правосудия, статья 105, часть 1 статьи 106 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики предусматривают, что заинтересованные лица вправе ходатайствовать перед судом об освобождении полностью или частично от уплаты государственной пошлины, а также просить об отсрочке или рассрочке ее уплаты.

Следует заметить, что освобождение полностью или частично от уплаты государственной пошлины, отсрочка или рассрочка ее уплаты относятся к правовым инструментам, имеющим общую конституционно — правовую природу, и всецело относятся к вопросу реализации конституционного права на судебную защиту и к ее неотъемлемой составной части — доступности правосудия.

Оспариваемая норма права, являясь императивной, исключает возможность предоставления отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины для юридических лиц и граждан Кыргызской Республики, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Тем самым, для данной категории лиц законодатель ввел ограничение права, предусмотренного законом.

В этой связи следует отметить, что в силу статьи 20 Конституции Кыргызской Республики права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Конституцией и законами в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц. Вводимые ограничения должны быть соразмерными указанным целям. Законом не могут устанавливаться ограничения прав и свобод в иных целях и в большей степени, чем это предусмотрено Конституцией. Не подлежит никакому ограничению установленное Конституцией право на судебную защиту.

Однако в ходе рассмотрения данного дела оснований для признания введенного ограничения права юридических лиц и граждан Кыргызской Республики, занятых в сфере предпринимательства, ходатайствовать перед судом об отсрочке или рассрочке уплаты государственной пошлины соразмерными конституционно — значимым целям не установлено. Доводы стороны ответчика и иных лиц о том, что такое правовое регулирование направлено на защиту интересов неимущих слоев населения, ввиду чего относятся к специальным мерам, допускаемым Конституцией, не могут быть приняты во внимание. Исходя из дефиниции статьи 106 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики в число физических и юридических лиц, не связанных с предпринимательской деятельностью, но обладающих рассматриваемым правом, могут входить не только уязвимые социальные группы, но и иностранные лица, лица без гражданства и граждане Кыргызской Республики с вполне благополучным имущественным положением, тогда как занятие предпринимательской деятельностью не может являться гарантией безоговорочной платежеспособности.

К тому же, когда речь идет об обеспечении права на судебную защиту и доступности правосудия, как неотъемлемой его части, никакие благие цели и намерения не могут лежать в основе вводимых ограничений, поскольку подобное прямо запрещено Конституцией Кыргызской Республики (пункт 8 части 5 статьи 20).

Таким образом, часть 4 статьи 106 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики, исключив юридических лиц и граждан Кыргызской Республики, занимающихся предпринимательской деятельностью, из числа субъектов, правомочных ходатайствовать перед судом об отсрочке или рассрочке уплаты государственной пошлины, вводит недопустимые ограничения и различия по имущественному положению в процессуальных правах заинтересованных субъектов при обращении в суд, тем самым, нарушает установленные Конституцией Кыргызской Республики гарантии на недопустимость ограничения права на судебную защиту, в том числе права на повторное рассмотрение дела вышестоящим судом, на равенство всех перед законом и судом,

запрета на дискриминацию по имущественному положению (абзацы первый, второй части 2, 3 статьи 16, пункты 3, 8 части 5 статьи 20).

Что же касается утверждений субъекта обращения о противоречии оспариваемой нормы части 1 статьи 5, части 1 статьи 6 Конституции Кыргызской Республики, то Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики отмечает, что данные положения являются нормами — принципами и применены заявителем в качестве усиления своей правовой позиции по специальным нормам Конституции Кыргызской Республики, на которые он ссылается. Следовательно, оспариваемая норма не может оцениваться с точки зрения соответствия вышеуказанным нормам — принципам Конституции Кыргызской Республики.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 1 части 6, частями 8, 9 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 46, 47, 48, 51 и 52 конституционного Закона “О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики”, Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики

РЕШИЛА:

1. Признать часть 4 статьи 106 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики противоречащей абзацам первому, второму части 2, части 3 статьи 16, частям 1, 2, 3, пунктам 3, 8 части 5 статьи 20, части 1 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики.

2. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

3. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

4. Опубликовать настоящее решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики и в “Вестнике Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики”.

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РЕШЕНИЕ

Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики

по делу о проверке конституционности части 2 статьи 12 и пункта 1 части 2 статьи 28 конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” в связи с обращением Иманалиева Курманбека Белековича

город Бишкек

21 октября 2020 г.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в составе: председательствующего — Дуйшеева К.А., судей Бобукеевой М.Р., Жумабаева Л.П., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К. Дж., Осмонбаева Э.Ж., Саалаева Ж.И., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Аблакимове К.А., с участием:

обращающейся стороны — Иманалиева Курманбека Белековича;
стороны — ответчика — Букашева Мирлана Абылбековича, представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по доверенности;

иных лиц — Курманбаевой Аиды Маратовны, представителя Министерства юстиции Кыргызской Республики по доверенности, Кулбаева Аслана Касымалиевича, представителя Дисциплинарной комиссии при Совете судей Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1 и 6 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 18, 19, 37, 42 конституционного Закона “О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики”, рассмотрела в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности части 2 статьи 12 и пункта 1 части 2 статьи 28 конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики”.

Поводом к рассмотрению данного дела явилось ходатайство Иманалиева К.Б.

Основанием к рассмотрению данного дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Кыргызской Республики часть 2 статьи 12, пункт 1 части 2 статьи 28 конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики”.

Заслушав информацию судьи — докладчика Бобукеевой М.Р., проводившей подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав представленные материалы, Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики

УСТАНОВИЛА:

В Конституционную палату Верховного суда Кыргызской Республики 11 июня 2019 года поступило ходатайство Иманалиева К.Б. о проверке соответствия части 2 статьи 12, пункта 1 части 2 статьи 28 конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики” части 1 статьи 93, частям 1, 3 статьи 94, части 3 статьи 96 Конституции Кыргызской Республики. Кроме того, дополнением к ходатайству от 25 июня 2019 года заявитель просит проверить оспариваемую норму на соответствие частям 1, 2 статьи 6, части 3 статьи 16, частям 1, 2, 3, пунктам 3, 8 части 5 статьи 20, части 1 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики.

Иманалиев К.Б. считает, что часть 2 статьи 12 конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” противоречит части 3 статьи 94 Конституции, установившей, что никто не вправе требовать от судьи отчета по конкретному судебному делу. При этом он указывает, что данная норма Конституции сформулирована в закрытом от возможного ее расширительного толкования виде и не предполагает ее дополнения законами. Однако оспариваемая норма указанного конституционного Закона установила, что никто не вправе требовать от судьи отчета по конкретному судебному делу, за исключением случаев, когда в соответствии с указанным конституционным Законом рассматривается вопрос об ответственности судьи. В связи с чем, по мнению Иманалиева К.Б., часть обозначенной нормы, установившей случаи, когда отчет о конкретном судебном деле может быть потребован от судьи, является неконституционной.

Также заявитель отмечает, что 28 июля 2017 года был принят конституционный Закон Кыргызской Республики “О внесении изменений в конституционный Закон “О статусе судей Кыргызской Республики”. В соответствии с внесёнными изменениями в статью 28 дисциплинарным проступком признается виновное действие или бездействие судьи при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, выразившееся в очевидном и грубом нарушении законности при осуществлении правосудия. По мнению заявителя, именно внесённое изменение в отмеченный конституционный Закон противоречит частям 1 и 3 статьи 94 Конституции, согласно которым судьи независимы и подчиняются только Конституции и законам Кыргызской Республики. Никто не вправе требовать от судьи отчета по конкретному судебному делу.

Как утверждает Иманалиев К.Б., признание Дисциплинарной комиссией при Совете судей Кыргызской Республики (далее — Дисциплинарная комиссия) наличия в действиях судьи очевидного и грубого

нарушения законности при осуществлении правосудия предполагает дачу оценки и получение объяснений судьи по принятому судебному акту, что означает требование от судьи отчёта по конкретному судебному делу в нарушение конституционного принципа его независимости.

Кроме того, субъект обращения считает, что проверка законности судебного акта является прерогативой вышестоящих судебных инстанций.

Согласно части 1 статьи 93 Конституции правосудие в Кыргызской Республике осуществляется только судом. При этом в соответствии с частями 1 и 3 статьи 96 Конституции высшим судебным органом является Верховный суд Кыргызской Республики, акты которого являются окончательными и обжалованию не подлежат. Оспариваемая норма, в противоречие вышеуказанным конституционным требованиям, фактически создает судебную инстанцию по проверке судебного акта, не предусмотренную Конституцией. В качестве примера субъект обращения приводит правовые позиции Верховного суда Российской Федерации, суть которых заключается в возможности проверки законности и обоснованности судебного акта исключительно вышестоящими судебными инстанциями.

В связи с чем, заявитель утверждает, что пункт 1 части 2 статьи 28 конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики” противоречит принципу прямого действия Конституции и его верховенства, отражённые в частях 1, 2 статьи 6 Конституции. Все законы, в том числе конституционные, должны приниматься только на основе Конституции.

Кроме того, субъект обращения неконституционность оспариваемой нормы связывает и с частью 3 статьи 16 Конституции, предусматривающей равенство всех перед законом и судом. Также Иманалиев К.Б. отмечает, что оспариваемые нормы противоречат положениям частей 1, 2, 3, пунктам 3, 8 части 5 статьи 20 Конституции, устанавливающих недопустимость принятия законов, отменяющих и умаляющих права и свободы человека и гражданина, а также ограничения права на судебную защиту.

Субъект обращения также полагает, что оспариваемая норма противоречит части 1 статьи 40 Конституции, в соответствии с которой каждому гражданину гарантирована судебная защита его прав и свобод. Судебная защита предопределяет независимость судебной власти, что является гарантией справедливого, беспристрастного и эффективного отправления правосудия в Кыргызской Республике.

На основании вышеизложенного, заявитель просит признать часть 2 статьи 12 и пункт 1 части 2 статьи 28 конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики” противоречащими Конституции Кыргызской Республики.

Определением коллегии судей Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 5 июля 2019 года данное ходатайство было принято к производству в части проверки соответствия части 2 статьи 12, пункта 1 части 2 статьи 28 конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики” пункту 8 части 5 статьи 20, абзацу первому части 1 статьи 40, части 1 статьи 93, частям 1 и 3 статьи 94, части 3 статьи 96 Конституции Кыргызской Республики. В то же время коллегия судей отказала в принятии ходатайства к производству в части требования о проверке оспариваемых норм на соответствие частям 1, 2 статьи 6, части 3 статьи 16, частям 1, 2, 3, пункту 3 части 5 статьи 20 Конституции Кыргызской Республики ввиду отсутствия доводов правового характера.

В судебном заседании Иманалиев К.Б. поддержал свои требования и просил их удовлетворить.

Представитель стороны — ответчика Букашев М.А. считает необходимым оставить ходатайство заявителя без удовлетворения по следующим основаниям.

Согласно статье 94 Конституции судьи независимы и подчиняются только Конституции и законам. Однако независимость судьи не может носить абсолютный характер ввиду основополагающих принципов осуществления государственной власти в Кыргызской Республике, заложенных в пункте 3 статьи 3 и части 4 статьи 5 Конституции. Так, согласно вышеуказанным нормам, государственная власть в Кыргызской Республике основывается на принципах открытости и ответственности государственных органов, органов местного самоуправления перед народом и осуществления ими своих полномочий в интересах народа, а государственные органы, органы местного самоуправления и их должностные лица несут ответственность за противоправные действия в порядке, предусмотренном законом.

Указанное, по мнению стороны — ответчика, означает, что Конституция в императивном порядке устанавливает ответственность государственных органов перед государством и народом, в том числе и ответственность судей, в порядке, предусмотренном законодательством Кыргызской Республики.

Указанная конституционная установка нашла своё логическое продолжение в статье 95 Конституции, согласно которой судьи всех судов Кыргызской Республики занимают свои должности и сохраняют свои полномочия до тех пор, пока их поведение является безупречным. Нарушение требований безупречности поведения судей является основанием для привлечения судьи к ответственности в порядке, определяемом конституционным законом.

При этом согласно части 9 статьи 94 Конституции статус судей определяется конституционным законом, которым могут быть

установлены дополнительные требования к кандидатам на должности судей и определенные ограничения для судей Верховного суда Кыргызской Республики, Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики и местных судов. Исходя из этого, представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики считает, что в Конституции предусмотрены отсылочные положения на конституционный Закон “О статусе судей Кыргызской Республики”, которым установлены принципы осуществления правосудия, в число которых входит принцип ответственности судей.

Также сторона — ответчик отмечает, что в соответствии с частью 1 статьи 4 данного конституционного Закона, статус судьи определяется повышенными требованиями к его приобретению и прекращению, установлением высоких стандартов к личности обладателя, квалификации и поведению, усилением ответственности за ненадлежащее исполнение судейских полномочий, материальным и социальным обеспечением и иными гарантиями, соответствующими высокому статусу судьи.

Букашев М.А. приходит к выводу о том, что привлечение судьи к дисциплинарной и иной ответственности является неотъемлемой частью его правового статуса, что служит гарантией защиты прав и свобод граждан от незаконных действий со стороны судей, следовательно, пункт 1 части 2 статьи 28 конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики” соответствует положениям Конституции.

Относительно части 2 статьи 12 конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики” Букашев М.А. отмечает, что согласно указанной норме никто не вправе требовать от судьи отчёта по конкретному судебному делу, за исключением случаев, когда в соответствии с данным конституционным Законом рассматривается вопрос об ответственности судьи. Устанавливая в части 3 статьи 94 запрет о том, что никто не вправе требовать от судьи отчёта по конкретному судебному делу, Конституция не оговаривает его распространение на случаи ответственности судьи.

По мнению представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, конституционность оспариваемой нормы подтверждается еще и тем, что в соответствии с частью 9 статьи 94 Конституции могут быть установлены дополнительные требования к кандидатам на должности судей и определенные ограничения для судей.

Букашев М.А. особо отмечает, что те или иные сведения по конкретному делу могут быть запрошены только соответствующими органами (Дисциплинарная комиссия, Генеральная прокуратура и другие правоохранительные органы) в строгом соответствии с законодательством Кыргызской Республики. При этом эти меры применяются исключительно в целях обеспечения норм Конституции и законов Кыргызской Республики, а также защиты прав и свобод граждан.

Кроме того, частью 2 статьи 28 конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики” установлены такие виды дисциплинарных проступков, как очевидное и грубое нарушение законности при осуществлении правосудия; грубое нарушение Кодекса чести судьи, а также разглашение тайны совещательной комнаты или тайны, ставшей известной судье при рассмотрении дела в закрытом судебном заседании. В этой связи, по мнению стороны — ответчика, из сущности данных дисциплинарных проступков, невозможно определить вину судьи без запроса и изучения соответствующих материалов конкретного судебного дела.

Резюмируя свои доводы, сторона — ответчик указал, что нормы Конституции и конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики” направлены на создание всех условий для надлежащей защиты прав граждан, без которых граждане будут лишены возможности защиты своих законных интересов в случае противоправных действий со стороны судей. Независимость судьи не означает его безнаказанность, а служит лишь условием обеспечения его объективности и беспристрастности.

Поэтому, по мнению Букашева М.А., в законодательстве Кыргызской Республики должны существовать соответствующие инструменты, устанавливающие ответственность судей с возможностью отстранять недобросовестных лиц от должности судьи в случае совершения серьёзного проступка, оправдывающего подобные меры.

Представители Верховного суда Кыргызской Республики Искаков Э.Б. и Министерства юстиции Кыргызской Республики Курманбаева А.М. в своих позициях на основе соотношения норм Конституции и законов, регулирующих вопросы правового статуса судьи и деятельности органа, осуществляющего дисциплинарное производство, приходят к выводу о непротиворечии оспариваемых норм Конституции Кыргызской Республики.

Представитель Дисциплинарной комиссии считает, что оспариваемые нормы не противоречат Конституции Кыргызской Республики.

В силу пункта 1 части 2 статьи 28 конституционного Закона “О статусе судей” судьи привлекаются к дисциплинарной ответственности только за вынесение явно незаконного судебного акта. Это не противоречит принципу недопустимости привлечения судьи к ответственности за вынесение судебного решения. В этой норме речь идет не об обычных судебных ошибках, а о явных, грубых, незаконных судебных актах, принятие которых свидетельствует о том, что судья не способен осуществлять качественное правосудие в силу низкой квалификации или недостаточности судейской порядочности. В данном случае, судья привлекается к дисциплинарной ответственности не за мнение, выраженное в судебном акте, а за совершение действий, нарушающих тре-

бования закона. Причем, отмена или изменение судебного акта не влечет за собой дисциплинарную ответственность судьи, кроме случаев, когда допущено грубое нарушение закона.

Устанавливая в качестве общего правила запрет на привлечение судьи к дисциплинарной ответственности за выражение им при отправлении правосудия мнение, законодатель исходил из того, что при осуществлении судебной деятельности возможны ошибки, не дискредитирующие судей их допустивших. Поэтому в полномочия дисциплинарной комиссии не входит установление факта законности или незаконности судебного акта, а входит определение характера неправильного применения норм материального или процессуального права как очевидного и грубого, умаляющего авторитет судебной власти. Факт нарушения закона устанавливается вышестоящим судом. После этого Дисциплинарная комиссия дает оценку, являлось ли такое нарушение грубым и очевидным, а не усмотрением судьи. То есть, речь идет о судебных ошибках, которые являются следствием некомпетентности или небрежности судьи. Вынесение незаконного судебного акта ввиду явной небрежности судьи либо его неспособности исполнять свои профессиональные обязанности является основанием для применения к нему мер дисциплинарной ответственности как за однократное явное грубое нарушение, так и за систематическое нарушение, которые могут и не носить характер грубых, но в совокупности давать основания для вывода о явной недобросовестности или профессиональной некомпетентности судьи.

Кроме того, представитель Дисциплинарной комиссии отмечает, что судьями при отправлении правосудия допускаются нарушения законности, не только связанные с вынесением судебного акта, но и иные нарушения, которые могут быть установлены самой Дисциплинарной комиссией по результатам служебной проверки.

Относительно части 2 статьи 12 конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики”, представитель Дисциплинарной комиссии считает, что доводы заявителя о неконституционности данной нормы не состоятельны, поскольку судья вправе принимать участие в служебной проверке, давать письменные объяснения по обстоятельствам, послужившим поводом для ее проведения, представлять доказательства в подтверждение своих доводов, а по завершении проверки знакомиться со всеми ее материалами и представлять свои возражения и замечания. Объяснения, замечания, возражения судьи и представленные им доказательства должны быть приобщены к материалам проверки.

Кулбаев А.К. резюмирует, что установленный в части 3 статьи 94 Конституции запрет на требование отчета по конкретному судебному делу адресован всем другим лицам, в том числе и участвующим

в формировании судейского корпуса, а оспариваемая норма части 2 статьи 12 конституционного Закона, прежде всего, направлена на обеспечение права судьи в свою защиту давать ответ против предъявленных обвинений.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики, обсудив доводы сторон, выслушав пояснения иных лиц и исследовав материалы дела, пришла к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 19 конституционного Закона Кыргызской Республики “О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики” Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики по данному делу является часть 2 статьи 12, пункт 1 части 2 статьи 28 конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” следующего содержания:

“Статья 12. Недопустимость вмешательства в деятельность судьи

2. Никто не вправе требовать от судьи отчета по конкретному судебному делу, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим конституционным Законом рассматривается вопрос об ответственности судьи.

Статья 28. Дисциплинарная ответственность судей

2. Дисциплинарным проступком признается виновное действие или бездействие судьи при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, выразившееся в:

1) очевидном и грубом нарушении законности при осуществлении правосудия;”.

Конституционный Закон Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” от 9 июля 2008 года № 141 был принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете “Эркин Тоо” от 15 июля 2008 года № 51, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Кыргызская Республика, провозглашая себя приверженцем демократических принципов, гарантирует каждому право на судебную защиту его прав и свобод (абзац первый части 1 статьи 40 Конституции). Причем, Конституция Кыргызской Республики требует от государства безоговорочной реализации данной гарантии, запрещая в императивном порядке всякую возможность ограничения данного права (пункт 8 части 5 статьи 20).

Право на судебную защиту по своей правовой природе носит фундаментальный характер. Являясь универсальным правовым средством, оно позволяет обеспечить, а в случае необходимости, восстановить все другие права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией Кыргызской Республики. Этим и объясняется непоколебимое и скрупулезное отношение Основного закона к вопросам правосудия. По основополагающему смыслу конституционно — правового регулирования правосудие может быть эффективной и справедливой только в условиях независимости судебной власти и судей — носителей этой власти.

Так, Конституция Кыргызской Республики закрепляет принципы независимости, неприкосновенности и особом правовом статусе судей, подчинении их только Конституции и законам, запрете на требование от судьи отчета по конкретному судебному делу и на любое иное вмешательство в деятельность по осуществлению правосудия (части 1, 3 статьи 94).

Независимая судебная власть и особый статус судьи являются абсолютно необходимой составляющей демократического, правового государства, провозглашающего верховенство права. Благодаря лишь эффективно выстроенной системе институциональной независимости органов правосудия и независимости судей, судебная власть способна гарантировать права и свободы человека, а также обеспечить режим законности в стране.

При этом независимость судебной власти может быть достигнута лишь в условиях работающего принципа разделения государственной власти, установленного пунктом 2 статьи 3 Конституции Кыргызской Республики, концепция которой заключается в четком разграничении судебной власти от политики и влияния других ветвей власти. Несоблюдение этого принципа грозит подрывом построения государственной власти на основе Конституции Кыргызской Республики.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в своём Решении от 24 апреля 2019 года отмечала, что для эффективного выполнения своих непосредственных функций судебная власть должна быть независимой. Степень независимости судебной власти ввиду ее социальной и правовой природы должна быть выше по сравнению с другими ветвями государственной власти, поскольку в демократическом, правовом государстве высшей властью является власть закона. Соответственно, судебная власть, обеспечивающая верховенство закона, должна быть свободна от чьего бы то ни было влияния, чтобы иметь возможность быть объективной и беспристрастной. Поэтому независимость судей не может расцениваться как личная привилегия или же рассматриваться как доминирование судебной ветви власти над другими. Как средство защиты публичных интересов,

прежде всего, интересов правосудия, она не направлена на создание условий для безответственности судей и вседозволенности в судебной системе. Напротив, предполагает повышенную ответственность судей за осуществление правосудия, соблюдение Конституции и законов Кыргызской Республики, а также правил судейской этики.

Экономический и социальный совет Организации Объединённых Наций в преамбуле к Бангалорским принципам поведения судей указал, что для выполнения судами своей задачи по защите конституционного государственного строя и правомерности важна компетентная, независимая и справедливая судебная власть. В широком смысле независимость судей означает, что каждый отдельный судья независим в осуществлении своих судейских полномочий. Судьи должны быть независимыми и беспристрастными в принятии решений и способны действовать без каких — либо ограничений, ненадлежащего влияния, давления, угрозы или вмешательства, прямого или косвенного, со стороны любого органа, включая органы, находящиеся внутри судебной системы.

Как видно из вышеизложенного, институциональная независимость судебной власти не может рассматриваться в отрыве от независимости судей — непосредственных носителей судебной власти.

Статус судьи является организационно — правовой формой обеспечения независимости гражданина, который наделён судейскими полномочиями для осуществления правосудия. Концепция независимости судьи должна представлять собой совокупность взаимосвязанных принципов, на основе которых законодатель формирует правовое регулирование статуса судьи, а также предпринимает организационные меры, которые в своей совокупности способны обеспечить независимость лица, наделяемого судейскими полномочиями.

Суть принципа независимости судей состоит в обязанности государства обеспечить такие условия, при которых они имели бы реальную возможность свободно принимать решения, подчиняясь только Конституции и законам Кыргызской Республики, действовать свободно, без постороннего воздействия, влияния, давления, угроз, вмешательства, прямого или косвенного, с чьей бы стороны они не исходили. Причем, гарантии независимости судьи не могут быть отменены, либо снижены ни при каких обстоятельствах, чем это предусмотрено Конституцией и международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика.

Достижение указанных целей возможно лишь при осознании другими ветвями власти и их должностными лицами взаимообусловленности верховенства закона с независимостью судебной власти и судей, наличии действенных механизмов и функциональных законов, способных сделать вмешательство в дела правосудия невозможным.

3. Ответственность публичных органов власти перед обществом закреплена в пункте 3 статьи 3 Конституции Кыргызской Республики, согласно которому государственная власть должна основываться на принципе открытости и ответственности государственных органов, органов местного самоуправления перед народом и осуществления ими своих полномочий в интересах народа. Это требование, несомненно, касается и представителей судебной ветви власти и предполагает необходимость создания соответствующего механизма их ответственности.

В силу этого, конституционные гарантии независимости судей не могут носить абсолютный характер. В соответствии с частью 1 статьи 95 Конституции Кыргызской Республики судьи занимают свои должности и сохраняют свои полномочия до тех пор, пока их поведение является безупречным. Прежде всего, цель института ответственности судей заключается в решении публичной задачи в интересах поддержания необходимого обществу высокого уровня правосудия.

Конституционно — правовой статус требует от судей высокого уровня профессионализма и морально — этических качеств, устанавливает особый правовой режим приобретения, осуществления и прекращения статуса судьи, включая специальные квалификационные требования к кандидатам на должность судьи, а также порядок назначения на должность, пребывания в должности и прекращения полномочий судьи.

В случае нарушения требований безупречности судья освобождается от должности по предложению Дисциплинарной комиссии в соответствии с конституционным законом (часть 2 статья 95 Конституции).

Дисциплинарная ответственность судей означает установленную законодательством обязанность соблюдать профессиональные и этические нормы, соответствующие интересам судейского сообщества и общества в целом, а в случае совершения проступка претерпеть неблагоприятные последствия в виде мер дисциплинарного воздействия, налагаемых в строго определенном порядке специальным органом. Учреждение такого органа продиктовано требованием Конституции Кыргызской Республики и международно — правовыми стандартами в сфере правосудия.

В Основных принципах Организации Объединённых Наций, касающихся независимости судебных органов, регламентируются основы осуществления процедуры наказания, отстранения от должности и увольнения судьи. Так, согласно им жалоба, поступившая на судью в ходе выполнения им своих судейских профессиональных обязанностей, должна быть безотлагательно и беспристрастно рассмотрена по соответствующей процедуре. Дисциплинарное

разбирательство должно проводиться независимым органом со всеми гарантиями справедливости. При этом судья должен иметь право на ответ и справедливое разбирательство.

Таким образом, крайне важным является соблюдение органом, осуществляющим дисциплинарное производство, принципа соразмерности применяемых взысканий, а также адекватности мер, принимаемых для выяснения всех сторон обжалуемого действия или бездействия судьи, которые не должны нарушать принцип его независимости и неприкосновенности, но при этом, не отвергая его ответственности перед обществом.

Процедура привлечения к дисциплинарной ответственности судьи не должна включать в себя элементы, не подобающие высокому конституционно — правовому статусу судьи и носящие уничижительный или же карательный характер, которые были бы способны нивелировать конституционные установления о гарантиях независимости.

Другими словами, смысл указанных конституционных установок заключается в том, что Дисциплинарная комиссия правомочна в своей работе использовать только те правовые средства и методы, которые исключали бы непропорциональное воздействие на судью, сопряженное с принудительным вызовом, опросом, истребованием объяснений и доказательств. Это означает, что Дисциплинарная комиссия должна в первоочередном порядке проверять обоснованность жалобы, непровержимость и достаточность фактов для начала дисциплинарного производства. Дальнейшая оценка действиям судьи должна основываться на объективном анализе, исследовании материалов и доказательств без вовлечения в этот процесс самого судьи и без придания публичности до вынесения окончательного решения. Но при этом судья должен быть своевременно уведомлен об имеющемся обвинении и существовании жалобы, а также должен иметь всякую возможность защиты своей репутации всеми средствами, в том числе, знакомиться с имеющимися материалами, представлять свои возражения и замечания. Причем, в каком объеме использовать материалы конкретного судебного дела должно быть исключительной прерогативой самого судьи и не может относиться к правомочиям Дисциплинарной комиссии требовать в каком — бы то ни было виде отчета по конкретному делу. Не случайно конституционные установления о гарантиях независимости судей носят характер категоричных предписаний. Это означает, что иное правовое регулирование и правоприменение будет входить в прямое противоречие с конституционными принципами независимости судебной власти и запретом на всякое вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия.

В целом, деятельность органа, осуществляющего дисциплинарное производство, должна строиться таким образом, чтобы при исполнении своих функций судья был огражден от угроз, нападок и любого

рода состояний, приводящих к его зависимости, произвольного наложения дисциплинарного взыскания, агрессивного отношения к себе от кого бы они не исходили, и в то же время, от злоупотреблений недобросовестными лицами правом обращения в Дисциплинарную комиссию.

Таким образом, судьи могут сохранить независимость только в условиях такой системы дисциплинарной ответственности, которая является надежной, предсказуемой, справедливой и защищенной от злоупотреблений и произвола. Лишь такая дисциплинарная система способна создать судьям условия работы, в которых они могут полноценно проявить свой профессионализм.

Вместе с тем, оспариваемое нормативное положение части 2 статьи 12 конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики” содержит исключение из конституционного запрета истребования у судьи отчета по конкретному судебному делу в случае, если рассматривается вопрос о его ответственности. Тем самым, создаются условия для возможно произвольного применения этого правомочия в процессе дисциплинарного производства. Тогда как в силу абзаца первого части 3 статьи 94 Конституции Кыргызской Республики никто не вправе требовать от судьи отчета по конкретному судебному делу. Данная конституционная норма является императивной, содержащей абсолютно определенное правило, которая не может быть изменена или расширительно истолкована в законодательных актах.

Доводы стороны — ответчика о том, что установление в законодательстве требования о предоставлении отчета в случаях, когда рассматривается вопрос об ответственности судьи, согласуется с частью 9 статьи 94 Конституции Кыргызской Республики, которой допускается предъявление к кандидатам на должности судей дополнительных требований и введение определенных ограничений для судей, считаем не состоятельными.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в своем Решении от 19 апреля 2017 года указывала, что законодатель наделен достаточно широким усмотрением в установлении дополнительных требований к кандидатам на должности судей, помимо тех, которые уже закреплены в Конституции Кыргызской Республики. Исходя из сути этой правовой позиции, под дополнительными требованиями следует понимать различного рода условия, которым, по мнению законодателя, должен отвечать претендент на должность судьи по стажу и опыту работы, уровню и профилю образования, а также иным показателям компетентности. Но ни в коем случае данная конституционная установка не предполагает возможность возникновения у судьи обязательства по предоставлению отчета по конкретному судебному делу, даже в случае рассмотрения вопроса о его ответственности.

Соответственно, нормативное положение части 2 статьи 12 конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики”, выраженное словами “за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим конституционным Законом рассматривается вопрос об ответственности судьи”, недопустимо искажает суть требований, закрепленных в части 3 статьи 94 Конституции Кыргызской Республики, следовательно, прямо противоречит ей.

Кроме того, оспариваемое нормативное положение умаляет не подлежащее ограничению право человека на судебную защиту, заключающуюся в праве на эффективное, справедливое и независимое правосудие, и нарушает запрет на всякое вмешательство в деятельность по осуществлению правосудия (пункт 8 части 5 статьи 20, часть 1 статьи 40, часть 1 статьи 94).

4. В соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 28 конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики” дисциплинарным проступком признается виновное действие или бездействие судьи при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, выразившееся в очевидном и грубом нарушении законности при осуществлении правосудия.

Безусловно, одним из механизмов предотвращения несправедливых действий со стороны судей при отправлении правосудия выступает действенная система дисциплинарной ответственности, которая главным образом направлена на поддержание истребуемого обществом надлежащего уровня правосудия. В виду этого, установление мер ответственности “за очевидное и грубое нарушение законности при осуществлении правосудия” с точки зрения конституционных установлений является допустимым, но при строгом соблюдении определенных правил.

Прежде всего, необходимо особо отметить, что существенным недостатком действующего дисциплинарного производства является отсутствие четких критериев определения очевидности и грубости нарушений законности, которые могут быть допущены при осуществлении правосудия. Неясность и неопределенность указанных правовых признаков несет в себе риск произвольного применения дисциплинарных взысканий, в том числе в целях воздействия на судей, что с точки зрения правового государства не допустимо. Постоянная угроза дисциплинарного взыскания, вплоть до прекращения полномочий судьи может воспрепятствовать судьям осуществлять свои функции эффективно и независимо.

Судьи должны нести ответственность не за любое отступление от требований закона, а лишь такое, которое с очевидностью противоречит целям и предназначению правосудия. К категории грубости нарушений закона необходимо относить только те существенные наруше-

ния, которые в силу требований закона влекут безусловную корректировку судебного акта вышестоящей судебной инстанцией. Очевидность и грубость не должны интерпретироваться произвольно, а должны быть очерчены чёткими рамками посредством законодательных, организационных, методологических мер, не допускающих различия в подходах и оценках дисциплинарных проступков, а также позволяющих установить справедливую и единообразную практику дисциплинарного производства в отношении судей.

5. В соответствии с установленным порядком отправления правосудия судья обязан подчиняться только Конституции и законам Кыргызской Республики, руководствоваться внутренним убеждением, пониманием действий норм материального и процессуального права, а также личным видением разрешения судебного дела.

Другими словами, достижение целей правосудия подвержено влиянию существенных субъективных факторов, что не исключает возможность совершения судьями непреднамеренных ошибок. Поэтому в основе оценки деятельности судьи должен лежать базовый принцип разграничения проступков, заслуживающих наказания, от случаев, ставших следствием добросовестного заблуждения и, ввиду этого, не подлежащих юридической ответственности.

Судебная ошибка — это непропорциональное действие/бездействие судьи при отправлении правосудия, повлекшее ущерб установлению истины и восстановлению справедливости, нарушение норм материального и/или процессуального права, нашедшее отображение в конкретном процессуальном акте, который был совершен вследствие добросовестного заблуждения, небрежности (халатности) или же недостаточной компетентности.

При этом судебную ошибку, допущенную в результате добросовестного заблуждения судьи, то есть его убежденности в позиции, которая имеет объективные с его точки зрения основания, порождающее спорные суждения, нельзя расценивать как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профессиональным обязанностям или же, как дискредитирующий судью факт, соответственно, подобное действие/бездействие не подлежит никакой юридической ответственности, в том числе дисциплинарной.

Судебные же ошибки, совершенные в результате грубой небрежности, либо профессиональной некомпетентности, приводят к искажению истины, противоречат целям правосудия и наносят непоправимый вред авторитету судебной власти. Совершение таких ошибок свидетельствует о неспособности судьи надлежащим образом исполнять свои профессиональные обязанности, несовместимо с высоким статусом судьи, следовательно, является основанием для применения к нему мер дисциплинарной ответственности соразмерно нанесенному урону.

Однако действия/бездействия судьи, приведшие к тем же последствиям, но совершенные преднамеренно, по своей природе не могут относиться к судебным ошибкам и подлежат оценке в рамках того вида юридической ответственности, к которой они относятся в зависимости от характера и тяжести совершенного поступка и нанесенного ущерба.

В целом следует отметить, что судебные ошибки всегда свидетельствуют о недостижении целей правосудия, тем самым, негативным образом отражаются на всей судебной системе, умаляя авторитет конкретного судьи, судебной власти и государства. Но, несмотря на это, наличие судебной ошибки может устанавливаться не иначе, как по специально установленной процедуре. В противном случае, избежать искажения конституционных установлений по обеспечению справедливого правосудия, независимости судебной ветви власти и судей станет невозможным.

В этой связи установление наличия судебной ошибки возможно исключительно посредством пересмотра и оценки судебного акта вышестоящим судебным органом. Именно это обстоятельство является первопричиной функционирования институтов повторного рассмотрения дела вышестоящим судом (апелляция) и пересмотра судебных актов в порядке кассации. Другими словами, единственным механизмом устранения судебных ошибок может выступать институт обжалования судебных актов, то есть наличие судебной ошибки или объективно противоправного действия/бездействия судьи может быть установлено лишь актом вышестоящего судебного органа.

Любая процедура проверки судебных актов, осуществляемая несудебными органами, с целью оценки действий/бездействий судьи на наличие оснований для применения к нему мер дисциплинарной ответственности принципиально недопустима. Предоставление подобного правомочия органу, осуществляющему дисциплинарное производство в отношении судей, означает ни что иное, как отрицание самой природы правосудия, неизменяемости, неопровержимости, исключительности, преюдициальности, обязательности и исполнимости судебного акта, а также такого исключительного свойства судебного акта как обеспечение прочности юридического порядка.

В целом, необходимо иметь в виду, что при выборе значимости независимости судей или же необходимости усиления контроля за его профессиональным соответствием, приоритет должен быть отдан концепту независимости судьи, поскольку его отсутствие будет означать системный и разрушительный порок всей судебной системы, тогда как непрофессионализм и некомпетентность — это дефекты случайные и персональные.

Кроме того, особо следует отметить исключительную важность высокой компетентности и профессионализма персонального состава Дисциплинарной комиссии. Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в своем заключении от 11 октября 2016 года данному к проекту Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в Конституцию Кыргызской Республики» не случайно отмечала, что при разработке либо при рассмотрении и принятии закона, определяющего общие требования к кандидатам в члены Дисциплинарной комиссии, следует принять во внимание Основные принципы Организации Объединенных Наций о независимости судей, одобренных Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в ноябре 1985 года, а также Европейскую Хартию о статусе судей, принятого на ее основе. Пункт 1.3. данной Хартии определяет необходимость наличия коллегии или органа, состоящего не менее чем наполовину из избранных судей, предложения, рекомендации или согласие которого необходимы в вопросах применения санкций при исполнении обязанностей судьи. Предусмотренные в указанных документах механизмы направлены на исключение возможного доминирования представителей других ветвей власти над судебной при разрешении вопросов применения санкций в отношении судьи и обеспечение принципа независимости судебной ветви власти.

Таким образом, действие пункта 1 части 2 статьи 28 конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” будет соответствовать требованиям Конституции Кыргызской Республики при условии его применения в том конституционно — правовом смысле, который определен в настоящем Решении, что исключает возможность всякого иного его истолкования в правоприменительной практике.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 1 части 6, частями 8 и 9 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 46, 47, 48, 51 и 52 конституционного Закона “О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики”, Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики

РЕШИЛА:

1. Признать нормативное положение части 2 статьи 12 конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики”, выраженное словами “за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим конституционным Законом рассматривается вопрос об ответственности судьи.” противоречащим пункту 8 части 5 статьи 20, абзацу первому части 1 статьи 40, частям 1 и 3 статьи 94 Конституции Кыргызской Республики.

2. Признать пункт 1 части 2 статьи 28 конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” не противоречащим абзацу первому части 1 статьи 40, части 1 статьи 93, частям 1 и 3 статьи 94, части 3 статьи 96 Конституции Кыргызской Республики.

3. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

4. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики и в “Вестнике Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики”.

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Конституционного Суда Российской Федерации

по делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” в связи с жалобой гражданки Р.Д.Свечниковой

город Санкт-Петербург

13 января 2020 г.

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 471, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”, рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки Р.Д. Свечниковой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявительницей законоположения.

Заслушав сообщение судьи — докладчика Ю.М. Данилова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

УСТАНОВИЛ:

1. В соответствии со статьей 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323 — ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”, регулирующей вопросы соблюдения врачебной тайны, не допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, в том числе после смерти человека, лицами, которым они стали известны при обучении, исполнении трудовых, должностных, служебных и иных обязанностей, за исключением случаев, установленных частями 3 и 4 данной статьи (часть 2); с письменного согласия гражда-

нина или его законного представителя допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, другим гражданам, в том числе должностным лицам, в целях медицинского обследования и лечения пациента, проведения научных исследований, их опубликования в научных изданиях, использования в учебном процессе и в иных целях (часть 3).

Пункт 5 части 5 статьи 19 этого Федерального закона предусматривает право пациента на получение информации о своих правах и обязанностях, состоянии своего здоровья, выбор лиц, которым в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья.

В силу части 1 статьи 20 этого Федерального закона необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи.

1.1. Гражданка Р.Д.Свечникова обратилась в федеральное государственное бюджетное учреждение науки “Кировский научно — исследовательский институт гематологии и переливания крови Федерального медико — биологического агентства” с письменным заявлением о предоставлении ей копий медицинских документов (амбулаторных карт, карт стационарного больного, иных документов, связанных с оказанием медицинских услуг) ее умершего супруга Е.И.Свечникова, который ранее наблюдался и проходил стационарное лечение в данном медицинском учреждении. Однако заявительнице было отказано в предоставлении копий указанной медицинской документации, поскольку запрашиваемые сведения составляют, по мнению медицинского учреждения, врачебную тайну. В ходе проверки, проведенной по заявлению Р.Д. Свечниковой прокуратурой Ленинского района города Кирова, не выявлено нарушений законодательства в сфере охраны здоровья названным учреждением.

Решением Ленинского районного суда города Кирова от 14 июня 2017 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Кировского областного суда от 8 ноября 2017 года, Р.Д. Свечниковой отказано в удовлетворении ее требований к федеральному государственному бюджетному учреждению науки “Кировский научно — исследовательский институт гематологии и переливания крови Федерального медико — биологического агентства” о признании незаконным отказа в предоставлении копий медицинской документации ее умершего супруга.

В передаче жалоб Р.Д. Свечниковой для рассмотрения в заседании судов кассационной инстанции отказано (определение судьи Кировского областного суда от 2 апреля 2018 года и определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2018 года).

Судами установлено, что при жизни Е.И. Свечников с заявлением о предоставлении копий медицинских документов о состоянии своего здоровья не обращался, согласие на получение его супругой Р.Д. Свечниковой указанных документов не оформлял. В информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство от 21 августа 2014 года и от 29 декабря 2016 года, подписанном им, Р.Д. Свечникова была указана в качестве лица, которому может быть передана информация о состоянии его здоровья. В информированном добровольном согласии от 23 января 2017 года такое лицо не было указано.

Суд апелляционной инстанции отметил, что наличие информированного добровольного согласия пациента на медицинское вмешательство не является основанием для выдачи другому лицу медицинских документов, а лишь дает право на получение информации о диагнозе и состоянии здоровья пациента. При этом правом получать отражающие состояние здоровья пациента медицинские документы, их копии и выписки из них, а также правом непосредственно знакомиться с ними обладает исключительно сам пациент и его законный представитель.

Кроме того, суды установили, что в следственном отделе по Ленинскому району города Кирова следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кировской области расследуется уголовное дело по факту причинения смерти Е.И. Свечникову по признакам преступления, предусмотренного частью второй статьи 109 УК Российской Федерации (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей), медицинская документация (медицинские карты амбулаторного и стационарного больного) умершего изъята и приобщена к материалам уголовного дела, а Р.Д. Свечникова признана потерпевшей по делу. В связи с этим суды указали, что истица вправе реализовать свои процессуальные права при ознакомлении с материалами уголовного дела, в том числе с медицинской документацией ее умершего супруга. Суды также отметили, что иной документацией, кроме содержащейся в амбулаторной карте и стационарных картах больного, медицинское учреждение не располагает.

Заключением эксперта экспертного подразделения УФСБ России по Кировской области от 29 ноября 2017 года установлено, что подписи от имени Е.И. Свечникова в ряде медицинских документов выполнены не им, а другим лицом.

Постановлением следователя следственного отдела по Ленинскому району города Кирова следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кировской области от 29 мая 2017 года Р.Д. Свечниковой было отказано в ознакомлении с имеющейся медицинской документацией в отношении Е.И. Свечникова, а также в получении всех копий его медицинских документов, имеющих в уголовном деле, со ссылкой на то, что потерпевший вправе знакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из дела любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов дела, в том числе с помощью технических средств, по окончании предварительного расследования.

Р.Д. Свечникова утверждает, что действующее законодательство в сфере охраны здоровья не предусматривает подписания пациентом иного — помимо информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство — документа, предусматривающего разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, и предоставления права на получение после его смерти копий медицинской документации другому лицу, притом что родственники умершего, желающие получить доступ к сведениям, составляющим врачебную тайну, могут располагать сведениями о фальсификации медицинской документации. В связи с этим, по ее мнению, части 2 и 3 статьи 13, пункт 5 части 5 статьи 19 и часть 1 статьи 20 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” не соответствуют статьям 15 (часть 1), 19 (часть 1), 24, 45 (часть 2), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, допускают возможность отказа лицу, указанному в информированном добровольном согласии пациента на медицинское вмешательство в качестве лица, которому в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья, в предоставлении такой информации после смерти пациента, в том числе в форме копий медицинских документов.

1.2. В силу статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобе гражданина конституционность закона или отдельных его положений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе

правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Соответственно, части 2 и 3 статьи 13, пункт 5 части 5 статьи 19 и часть 1 статьи 20 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на основании данных законоположений в системе действующего правового регулирования решается вопрос о доступе к информации о состоянии здоровья умершего, в том числе к его медицинской документации, лица, указанного в информированном добровольном согласии пациента на медицинское вмешательство в качестве лица, которому в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья, а также супруга умершего, его близких родственников, а при их отсутствии — иных родственников.

2. Согласно Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 2, 17 (часть 1), 18 и 118 (часть 1), в Российской Федерации как правовом демократическом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием.

Достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления; каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации). Конституция Российской Федерации, закрепляя право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, не допускает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1). Из этого следует, что не допускаются сбор, хранение, использование и распространение информации, сопряженные с нарушением прав на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну.

Признание права на неприкосновенность частной жизни на конституционном уровне предполагает, что отношения, возникающие в сфере частной жизни, не могут быть подвергнуты интенсивному правовому регулированию и необоснованному вмешательству любых субъектов, которым сам гражданин доступ к указанной сфере не пре-

доставил. Право на неприкосновенность частной жизни означает и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. В понятие “частная жизнь” включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю обществом и государством, если она носит непротивоправный характер. Законодатель обязан обеспечить уважительное отношение со стороны любых третьих лиц к волеизъявлению лица по вопросам, касающимся частной жизни, гарантируя его учет в том числе после смерти данного лица (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 года № 248 — О, от 26 января 2010 года № 158 — О — О, от 10 февраля 2016 года № 224 — О и др.).

Вследствие предписаний Конституции Российской Федерации конфиденциальным характером обладает любая информация о частной жизни лица, а потому она во всяком случае относится к сведениям ограниченного доступа. Поскольку ограничение прав, в том числе с целью защиты прав других лиц, в силу статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации может иметь место только на основании федерального закона, предполагается, что реализация конституционного права на информацию, если она затрагивает частную жизнь других лиц, возможна только в порядке, установленном законом, и что законодатель правомочен определить законные способы получения такой информации. При этом Конституция Российской Федерации предполагает возможность введения в отношении той или иной информации специального правового режима, включая режим ограничения свободного доступа к ней со стороны граждан (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 года № 3 — П и от 16 июня 2015 года № 15 — П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2003 года № 173 — О, от 29 января 2009 года № 3 — О — О, от 29 сентября 2011 года № 1063 — О — О, от 9 июня 2015 года № 1275 — О и др.).

Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (статья 29, часть 4) и гарантирует каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (статья 24, часть 2). Данное право, исходя из требований статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, может быть ограничено исключительно федеральным законом, причем законодатель, определяя средства и способы защиты охраняемой законом тайны, должен использовать лишь те из них, которые в конкретной правоприменительной ситуации исключают несоразмерное ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 31 марта 2011 года № 3 — П, право на свободу информации, если им затрагиваются права личности, гарантированные статьями 23 (часть 1) и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации, осуществляется как ограничивающее указанные права личности, которые находятся под особой, повышенной защитой Конституции Российской Федерации и ограничение которых требует наличия предусмотренных федеральным законом оснований.

Вместе с тем осуществляемое законодателем правовое регулирование — исходя из конституционных принципов правового государства, верховенства закона, а также принципа юридического равенства и вытекающих из него критериев разумности, необходимости и соразмерности при определении условий реализации фундаментальных прав и их возможных ограничений — должно обеспечивать баланс конституционных ценностей, прав и законных интересов всех участников конкретных правоотношений, поскольку, с одной стороны, раскрытие медицинской документации охватывается достаточно строгими гарантиями защиты личной тайны и персональных данных умершего, проистекающими из конституционных требований уважения его частной жизни, а с другой стороны, в ряде случаев раскрытие врачебной тайны может требоваться как для выполнения государством своих позитивных обязательств по защите права на жизнь в аспекте расследования смерти пациента, так и в контексте защиты прав и законных интересов переживших его членов его семьи.

Конституционный Суд Российской Федерации ранее отмечал, что медицинская информация, непосредственно касающаяся не самого гражданина, а его умерших близких (супруга, родственника и др.), как связанная с памятью о дорогих ему людях, может представлять для него не меньшую важность, чем сведения о нем самом, а потому отказ в ее получении, особенно в тех случаях, когда наличие такой информации помогло бы внести ясность в обстоятельства смерти, существенно затрагивает его права — как имущественные, так и личные неимущественные. Когда речь идет о смерти человека, не ставится под сомнение реальность страданий членов его семьи. Это тем более существенно в ситуации, когда супруг или родственник имеет подозрения, что к гибели близкого ему человека привела несвоевременная или некачественно оказанная медицинская помощь (Постановление от 6 ноября 2014 года № 27 — П и Определение от 9 июня 2015 года № 1275 — О).

Подтверждает значимость возможности доступа заинтересованных лиц к медицинской документации умершего пациента для целей эффективной защиты (в том числе судебной) и практика Европейского

Суда по правам человека. Он считает, что защита медицинских сведений охватывается правом на уважение частной и семейной жизни, гарантируемым статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и имеет фундаментальную важность (постановления от 25 февраля 1997 года по делу “З.(Z.) против Финляндии”, от 27 августа 1997 года по делу “М.С. (M.S.) против Швеции”, от 6 июня 2013 года по делу “Авилкина и другие (Avilkina and Others) против России” и др.). В то же время Европейский Суд по правам человека отмечает, что процессуальные обязательства государства по обеспечению права на жизнь (статья 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) включают в себя обязанность создать эффективный правовой механизм установления причин смерти пациентов, находящихся на попечении медицинских работников как в частном, так и в публичном секторе, и привлечения к ответственности всех виновных. Если нарушение права на жизнь или личную неприкосновенность не было совершено намеренно, то позитивное обязательство государства, вытекающее из статьи 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, сводится к созданию эффективного правового механизма защиты. Такая защита может осуществляться как в порядке уголовного преследования, так и в гражданско-правовом порядке, с тем чтобы жертвы могли через суд установить гражданско — правовую ответственность врачей, а также получить возмещение вреда и добиться публикации судебного решения (постановление от 27 июня 2006 года по делу “Быжиковский (Byzykowski) против Польши”).

Рекомендация Комитета Министров Совета Европы CM/Rec (2019) 2 от 27 марта 2019 года “О защите данных, касающихся здоровья”, определяя законные основания для обработки данных, связанных со здоровьем (принцип 5), предусматривает случаи, когда такая обработка может осуществляться без согласия субъекта данных, в частности если обработка необходима для признания, осуществления или защиты судебного иска. Это в принципе не исключает, что такая информация может быть передана независимо от получения прижизненного согласия пациента в целях разрешения гражданско — правового спора между его родственниками и медицинским учреждением.

Кроме того, доступ к медицинской информации умершего может потребоваться членам его семьи в связи с реализацией ими своего права на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 41, часть 1, Конституции Российской Федерации), в частности при необходимости диагностирования и лечения генетических, инфекционных и иных заболеваний. Тем более что провозглашение России социальным государством, в котором охраняются труд и здоровье людей (статья 7, часть 2, Конституции Российской Федерации), обязывает государство разработать эффективный механизм реализации данного конституционного права, предполагающий в силу требования статьи 41 (часть 3)

Конституции Российской Федерации возможность надлежащего и своевременного информирования граждан медицинскими организациями о представляющих угрозу для их жизни и здоровья заболеваниях умерших членов их семей.

Таким образом, Конституция Российской Федерации предусматривает возможность установления в отношении информации, относящейся к врачебной тайне, специального правового режима, в том числе режима ограничения свободного доступа к ней со стороны граждан, учитывая при этом, что гарантии защиты частной жизни, чести и достоинства умершего и доброй памяти о нем, как и защиты прав и законных интересов его близких, не могут быть исключены из сферы общего (публичного) интереса в государстве, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

3. Федеральный закон “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” является базовым законодательным актом, регулирующим отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации, и определяющим правовые, организационные и экономические основы охраны здоровья, права и обязанности граждан, медицинских организаций, медицинских работников, а также компетенцию органов публичной власти в сфере охраны здоровья (статья 1).

Согласно данному Федеральному закону одним из основных принципов охраны здоровья является принцип соблюдения врачебной тайны (пункт 9 статьи 4), содержание которого определяется положениями его статьи 13, устанавливающей специальный правовой режим информации, содержащей врачебную тайну. Так, врачебную тайну составляют сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении (часть 1 статьи 13). При этом не допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, в том числе после смерти человека, лицами, которым они стали известны при обучении, исполнении трудовых, должностных, служебных и иных обязанностей, за исключением случаев, установленных частями 3 и 4 данной статьи (часть 2 статьи 13). С этими положениями согласуется и положение части 1 статьи 10 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152 — ФЗ “О персональных данных”, согласно которому обработка специальных категорий персональных данных, касающихся в том числе состояния здоровья, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных исчерпывающим образом частью 2 этой статьи.

Запрету разглашения врачебной тайны корреспондируют положения Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”, в силу которых лица, завершившие освоение образовательной программы высшего медицинского образования, при

получении документа об образовании и о квалификации дают клятву врача, включающую клятву хранить врачебную тайну (часть 1 статьи 71), медицинские работники обязаны соблюдать врачебную тайну (пункт 2 части 2 статьи 73), медицинская организация также обязана соблюдать врачебную тайну, в том числе конфиденциальность персональных данных, используемых в медицинских информационных системах (пункт 4 части 1 статьи 79). Такое регулирование не только возлагает соответствующие обязанности на медицинских работников, но и защищает их от понуждения к раскрытию информации, составляющей врачебную тайну, третьим лицам.

Однако это не означает, что врачебная тайна, включающая в себя, помимо персональных данных пациента, и сведения о медицинских обследованиях, вмешательствах и лечении, может быть недоступна пациенту, если эти сведения непосредственно связаны с ним. Иное противоречило бы статье 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой любая информация должна быть доступна гражданину, если собранные документы и материалы непосредственно затрагивают его права и свободы, а законодатель не предусматривает специального правового режима такой информации в соответствии с конституционными принципами, обосновывающими необходимость ее особой защиты.

В развитие конституционных положений пункт 5 части 5 статьи 19 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” закрепляет, что пациент имеет право на получение информации о своих правах и обязанностях, состоянии своего здоровья, выбор лиц, которым в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья.

Более того, в силу части 3 статьи 13 этого Федерального закона разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, другим гражданам, в том числе должностным лицам, с целью медицинского обследования и лечения пациента, т.е. в его интересах, а также с целью проведения научных исследований, их опубликования в научных изданиях, использования в учебном процессе и с иной целью, т.е. в публичных интересах, допускается с письменного согласия гражданина или его законного представителя. Следовательно, персональной составляющей режима врачебной тайны не только предопределяется доступность защищаемой им информации для конкретного гражданина, но и ограничивается ее распространение, в том числе внутри медицинского сообщества, без согласия пациента, чьи права и законные интересы затрагиваются такой информацией.

Вместе с тем, учитывая необходимость баланса частных и публичных интересов в соответствующих правоотношениях, законодатель в Федеральном законе “Об основах охраны здоровья граждан в

Российской Федерации” предусматривает случаи, когда допускается предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя, в частности: в целях проведения медицинского обследования и лечения гражданина, который в результате своего состояния не способен выразить свою волю; при угрозе распространения инфекционных заболеваний, массовых отравлений и поражений; по запросу органов дознания и следствия, суда, органов прокуратуры и уголовноисполнительной системы; в случае оказания медицинской помощи несовершеннолетнему; в целях информирования органов внутренних дел о поступлении пациента, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что вред его здоровью причинен в результате противоправных действий; при обмене информацией медицинскими организациями; в целях осуществления контроля качества и безопасности медицинской деятельности (часть 4 статьи 13).

В большинстве из указанных случаев раскрытие врачебной тайны осуществляется в интересах самого пациента, объективно нуждающегося в оказании ему медицинской помощи, однако из — за тех или иных обстоятельств, в том числе в связи с состоянием здоровья, не имеющего возможности выразить свое согласие. Такое регулирование корреспондирует статьям 4 и 6 и другим положениям указанного Федерального закона, которые называют приоритетными интересы пациента при оказании медицинской помощи.

4. В соответствии со статьей 20 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи (часть 1); информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или отказ от медицинского вмешательства содержится в медицинской документации гражданина и оформляется в виде документа на бумажном носителе, подписанного гражданином, одним из родителей или иным законным представителем, медицинским работником, либо формируется в форме электронного документа, подписанного гражданином, одним из родителей или иным законным представителем с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи или простой электронной подписи посредством применения единой системы идентификации и аутентификации, а также медицинским работником с использованием

усиленной квалифицированной электронной подписи (часть 7); порядок дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, в том числе в отношении определенных видов медицинского вмешательства, форма информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и форма отказа от медицинского вмешательства утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (часть 8).

Приказом Федерального медико — биологического агентства от 30 марта 2007 года № 88 “О добровольном информированном согласии на медицинское вмешательство” для использования в федеральных государственных учреждениях здравоохранения и клиниках научно — исследовательских институтов, подведомственных Федеральному медикобиологическому агентству, утверждены формы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство, информированного добровольного согласия на анестезиологическое обеспечение медицинского вмешательства и информированного добровольного согласия на оперативное вмешательство, в том числе переливание крови и ее компонентов. Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20 декабря 2012 года № 1177н утверждены, в частности, порядок дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства в отношении определенных видов медицинских вмешательств и форма информированного добровольного согласия на виды медицинских вмешательств, включенные в перечень определенных видов медицинских вмешательств, на которые граждане дают информированное добровольное согласие при выборе врача и медицинской организации для получения первичной медико-санитарной помощи. Форма информированного добровольного согласия на оказание медицинской помощи в рамках клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации утверждена приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 21 июля 2015 года № 474н.

В соответствии с Федеральным законом “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” каждый имеет право получить в доступной для него форме имеющуюся в медицинской организации информацию о состоянии своего здоровья, в том числе сведения о результатах медицинского обследования, наличии заболевания, об установленном диагнозе и о прогнозе развития заболевания, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных видах медицинского вмешательства, его последствиях и результатах оказания медицинской помощи (часть 1 статьи 22). Данному праву граждан корреспондирует обязанность медицинской организации

предоставлять пациентам достоверную информацию об оказываемой медицинской помощи, эффективности методов лечения, используемых лекарственных препаратах и о медицинских изделиях (пункт 6 части 1 статьи 79). При этом информация о состоянии здоровья предоставляется пациенту лично лечащим врачом или другими медицинскими работниками, принимающими непосредственное участие в медицинском обследовании и лечении (часть 2 статьи 22).

Вместе с тем объем сообщаемой информации предполагает возможность пациента либо его законного представителя непосредственно знакомиться с медицинской документацией, отражающей состояние его здоровья, в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, и получать на основании такой документации консультации у других специалистов (часть 4 статьи 22 этого Федерального закона).

Кроме того, пациент либо его законный представитель имеет право по запросу, направленному в том числе в электронной форме, получать отражающие состояние здоровья пациента медицинские документы (их копии) и выписки из них, в том числе в форме электронных документов. При этом порядок и сроки предоставления медицинских документов (их копий) и выписок из них устанавливаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (часть 5 статьи 22 этого Федерального закона).

В настоящее время правила ознакомления пациента либо его законного представителя с оригиналами медицинской документации, отражающей состояние здоровья пациента и находящейся на рассмотрении в медицинской организации и иной организации, осуществляющей медицинскую деятельность на основании соответствующей лицензии, установлены Порядком ознакомления пациента либо его законного представителя с медицинской документацией, отражающей состояние здоровья пациента (утвержден приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29 июня 2016 года № 425н).

В соответствии с пунктами 2 и 5 данного Порядка основанием для ознакомления пациента либо его законного представителя с медицинской документацией является поступление от них в медицинскую организацию письменного запроса о предоставлении медицинской документации для ознакомления, причем такое ознакомление осуществляется в предназначенном для этого помещении медицинской организации.

Таким образом, в силу приведенного регулирования право на ознакомление с медицинской документацией непосредственно признается только за пациентом или его законным представителем. В то же время в случае неблагоприятного прогноза развития заболевания, исходя из требований части 3 статьи 22 Федерального закона «Об основах

охраны здоровья граждан в Российской Федерации”, информация о состоянии здоровья должна сообщаться в деликатной форме гражданину или его супругу (супруге), одному из близких родственников (детям, родителям, усыновленным, усыновителям, родным братьям и родным сестрам, внукам, дедушкам, бабушкам), если пациент не запретил сообщать им об этом и (или) не определил иное лицо, которому должна быть передана такая информация. Тем самым применительно к указанному случаю определяется необходимость учета доверительных отношений пациента с информируемым лицом, каковым презюмируется супруг (супруга), близкий родственник либо иное лицо, указанное пациентом.

По смыслу взаимосвязанных положений частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19, части 1 статьи 20 и части 3 статьи 22 данного Федерального закона, лицо, которому надлежит сообщить сведения о состоянии здоровья пациента, в том числе о неблагоприятном прогнозе развития заболевания, может быть указано пациентом в информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство. Кроме того, пациент дополнительно может запретить информировать супруга (супругу) и близких родственников о неблагоприятном прогнозе развития заболевания. Однако если в такой ситуации пациент не запретил информировать своих супруга (супругу), близких родственников и (или) не определил иное лицо, которому должны быть переданы соответствующие сведения о нем, то сведения о неблагоприятном прогнозе развития заболевания сообщаются его супругу (супруге) или одному из близких родственников. Соответственно, тем более возможность получения такой информации супругом (близким родственником) предполагается, если он указан в информированном добровольном согласии пациента на медицинское вмешательство.

Статьей 67 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” установлено, что заключение о причине смерти и диагнозе заболевания выдается супругу, близкому родственнику (детям, родителям, усыновленным, усыновителям, родным братьям и родным сестрам, внукам, дедушке, бабушке), а при их отсутствии иным родственникам либо законному представителю умершего, правоохранительным органам, органу, осуществляющему контроль качества и безопасности медицинской деятельности, и органу, осуществляющему контроль качества и условий предоставления медицинской помощи, по их требованию. Супругу, близкому родственнику (детям, родителям, усыновленным, усыновителям, родным братьям и родным сестрам, внукам, дедушке, бабушке), а при их отсутствии иным родственникам либо законному представителю умершего предоставляется право пригласить врача — специалиста (при наличии его согласия) для участия в патологоанатомическом вскрытии. Заклю-

чение о результатах патологоанатомического вскрытия может быть обжаловано указанными лицами в суде в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (части 5 — 7).

Вместе с тем данный Федеральный закон не содержит положений, которые бы определяли после смерти пациента правовой режим доступа к информации о состоянии его здоровья и медицинской документации, в частности, его супруга (супруги), близких родственников, а также лица, указанного в информированном добровольном согласии пациента на медицинское вмешательство в качестве лица, которому в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья, и каким должен быть объем сообщаемой информации, форма и сроки ее предоставления.

5. Конституционный Суд Российской Федерации уже ориентировал правоприменительную практику и федерального законодателя на потребность сбалансированного учета интересов пациентов, их супругов, родственников и других лиц в вопросах доступа к медицинской информации пациента в случае его смерти, указав, в частности, что, если сведения о причине смерти и диагнозе заболевания пациента доступны заинтересованному лицу в силу закона, сохранение в тайне от него информации о предпринятых мерах медицинского вмешательства, в том числе о диагностике, лечении, назначенных медицинских препаратах, не может во всех случаях быть оправдано необходимостью защиты врачебной тайны, особенно с учетом мотивов и целей обращения за такими сведениями. В подобных ситуациях суд при подготовке гражданского дела к разбирательству, правоохранительные органы — при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, а прокурор — при проведении проверки в порядке надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина могут на основе принципов соразмерности и справедливости принять решение о необходимости ознакомить заинтересованное лицо со сведениями, относящимися к истории болезни умершего пациента, в той мере, в какой это необходимо для эффективной защиты прав заявителя и прав умершего (Определение от 9 июня 2015 года № 1275 — О).

Данная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации была направлена прежде всего на эффективную реализацию способов защиты прав граждан и определение конституционных критериев разрешения конкретных дел, а также на то, чтобы в этом вопросе скорректировать взаимоотношения между медицинскими организациями и гражданами посредством формирования устойчивой правоприменительной практики. Однако в истекшее время деятельность правоприменительных органов показала, что достижение указанной цели одними только усилиями данных органов при отсутствии четких и ясных нормативных правил, касающихся доступа

близких родственников (членов семьи) и иных заинтересованных лиц к медицинской информации умершего пациента путем их непосредственного взаимодействия с медицинскими организациями, затягивается и

Кроме того, в Определении от 9 июня 2015 года № 1275 — О Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что федеральный законодатель обладает определенной свободой усмотрения при создании правовых механизмов, которые — при соблюдении надлежащего баланса защищаемых Конституцией Российской Федерации ценностей — позволяли бы заинтересованному лицу осуществлять эффективную защиту (в том числе судебную) как принадлежащих ему имущественных прав и нематериальных благ, так и права умершего на человеческое достоинство. При этом федеральный законодатель не лишен возможности в порядке совершенствования нормативного регулирования в данной сфере предусмотреть конкретные правовые механизмы доступа к сведениям, составляющим врачебную тайну умершего, с учетом конституционных требований и сформулированных на их основании правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, с соблюдением разумного баланса прав и интересов всех субъектов соответствующих правоотношений.

В период после вынесения указанного решения Конституционного Суда Российской Федерации было принято несколько десятков федеральных законов, которыми вносились изменения и дополнения в Федеральный закон “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”. Однако ни один из них не был направлен на совершенствование нормативного регулирования доступа заинтересованных лиц к медицинской документации умершего пациента.

6. Согласно правовой позиции, неоднократно подтвержденной Конституционным Судом Российской Федерации, из принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства, закрепленных в статьях 1 (часть 1), 4 (часть 2), 15 (части 1 и 2), 17 и 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, вытекает общеправовой критерий определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы, без чего немислимо ее единообразное понимание и, следовательно, применение. Неоднозначность, нечеткость и противоречивость правового регулирования препятствуют адекватному выявлению его содержания, допускают возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, ведут к юридическому произволу и тем самым ослабляют гарантии защиты конституционных прав и свобод. Вследствие этого само по себе нарушение требования определенности правовой нормы, порождающее возможность ее взаимоисключающих истолкований правоприменителем, достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции Россий-

ской Федерации (постановления от 20 декабря 2011 года № 29 — П, от 23 декабря 2013 года № 29 — П, от 2 июня 2015 года № 12 — П, от 30 марта 2018 года № 14 — П и др.).

С учетом этого Конституционный Суд Российской Федерации считает необходимым признать взаимосвязанные положения частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 7 (часть 2), 17, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 24, 29 (часть 4), 41 (части 1 и 3), 52 и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования неопределенность их нормативного содержания не позволяет определить условия и порядок доступа к медицинской документации умершего пациента его супруга (супруги), близких родственников (членов семьи) и (или) иных лиц, указанных в его информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство.

Для приведения правового регулирования, касающегося права супругов, близких родственников или иных заинтересованных лиц на доступ к медицинской документации умершего пациента, в соответствие с конституционными критериями определенности правовых норм федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, — внести в действующее законодательство изменения, которые позволят нормативно определить условия и порядок доступа названных лиц к медицинской документации умершего пациента.

Впредь до внесения в законодательство необходимых изменений, вытекающих из настоящего Постановления, медицинским организациям надлежит по требованию супруга (супруги), близких родственников (членов семьи) умершего пациента, лиц, указанных в его информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство, предоставлять им для ознакомления медицинские документы умершего пациента, с возможностью снятия своими силами копий (фотокопий), а если соответствующие медицинские документы существуют в электронной форме — предоставлять соответствующие электронные документы. При этом отказ в таком доступе может быть признан допустимым только в том случае, если при жизни пациент выразил запрет на раскрытие сведений о себе, составляющих врачебную тайну.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”, Конституционный Суд Российской Федерации

ПОСТАНОВИЛ:

1. Признать взаимосвязанные положения частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 7 (часть 2), 17, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 24, 29 (часть 4), 41 (части 1 и 3), 52 и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования неопределенность их нормативного содержания не позволяет определить условия и порядок доступа к медицинской документации умершего пациента его супруга (супруги), близких родственников (членов семьи) и (или) иных лиц, 24 указанных в его информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство.

2. Федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, — внести в действующее правовое регулирование изменения, которые позволят нормативно определить условия и порядок доступа к медицинской документации умершего пациента.

3. Впредь до внесения в законодательство необходимых изменений, вытекающих из настоящего Постановления, медицинским организациям надлежит по требованию супруга (супруги), близких родственников (членов семьи) умершего пациента, лиц, указанных в его информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство, предоставлять им для ознакомления медицинские документы умершего пациента, с возможностью снятия своими силами копий (фотокопий), а если соответствующие медицинские документы существуют в электронной форме – предоставлять соответствующие электронные документы. При этом отказ в таком доступе может быть признан допустимым только в том случае, если при жизни пациент выразил запрет на раскрытие сведений о себе, составляющих врачебную тайну.

4. Правоприменительные решения, принятые по делу гражданки Свечниковой Риммы Дмитриевны на основании положений частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в “Российской газете”, “Собрании законодательства Российской Федерации”, на “Официальном интернет — портале правовой информации” (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в “Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации”.

**Конституционное
П РА В О С У Д И Е**

Вестник
Евразийской ассоциации органов
конституционного контроля

Выпуск 2 (82)

Адрес редакции: 010000, г. Нур-Султан, ул. Кунаева, 39

Тел.: 74-76-52, факс: 74-76-51

e-mail: okr@ksrk.gov.kz

www.ksrk.gov.kv